
ISSN 2227-1171 (Print)

Том 10, № 1. 2019

Сквозной номер - 35

ISSN 2542-1247 (Online)

Vol. 10, No. 1. 2019

Continuous issue - 35

ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель:

Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
420108, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Магистральная, 35

Редакционно-издательское отделение:
420059, г. Казань,
ул. Оренбургский тракт, 128

Выходит с 2010 года ежеквартально

Наш индекс в журнале «Газеты. Журналы»
ОАО «Агентство Роспечать» - 84683

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций 29 июня 2012 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-50418

Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Журнал включен в систему Российского
индекса научного цитирования (e-library)
Журнал включен в Ulrich's Periodicals Directory

Журнал распространяется только по подписке

Scientific-theoretical Journal

Founder and publisher:
the Kazan Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs
of the Russian Federation
35, Magistralnaya, Kazan
420108, The Republic of Tatarstan, Russia

Editorial-and-publishing office:
128, Orenburgskii trakt
420059, Kazan

The Journal is being published since 2010 each quarter

Our index in the Journal "Gazety i journaly"
OAO "Agenstvo Rospechat" - 84683

The Journal is registered in Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Communications July, 29,
2012.

Identification Number PI No. FS 77-50418

The Journal is included in the Catalogue of the
leading peer-reviewed journals, in which should
be published basic scientific results of degree
dissertations

The Journal is included in the Russian Science
Citation System (e-library)
The Journal is included in the Ulrich's Periodicals
Directory

The Journal is available only on a subscription basis

e-mail: vestnikkui@mail.ru

<http://www.vestnikkui.ru>

Редакционный совет

- Андреев Максим Валентинович** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин (Казань, КЮИ МВД России)
- Балахонский Виталий Витальевич** – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России)
- Безверхов Артур Геннадьевич** – доктор юридических наук, профессор (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева)
- Варыгин Александр Николаевич** – доктор юридических наук, профессор (Саратов, СГЮА)
- Гишинский Яков Ильич** – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, РГПУ им. Герцена)
- Готчина Лариса Владимировна** – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России)
- Демидов Виктор Николаевич** – доктор юридических наук, профессор (Управление министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан)
- Дубровин Сергей Викторович** – доктор юридических наук, профессор (Москва, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя)
- Егорышев Сергей Васильевич** – доктор социологических наук, профессор (Уфа, ВЭГУ), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0930-7482>
- Малков Виктор Павлович** – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и ТАССР (Казань, КЮИ МВД России)
- Мезяев Александр Борисович** – доктор юридических наук (Казань, Университет управления «ТИСБИ»)
- Нигматуллин Ришат Вахидович** – доктор юридических наук, профессор (Уфа, БашГУ)
- Павличенко Николай Владимирович** – доктор юридических наук, профессор (Москва, Академия управления МВД России)
- Степаненко Равия Фаритовна** – доктор юридических наук (Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Университет управления «ТИСБИ»)

Редакционная коллегия

- Председатель – доктор педагогических наук, доцент **Зиннуров Фоат Канафиевич**, начальник Казанского юридического института МВД России
- Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент **Миронов Сергей Николаевич**, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по научной работе)
- Члены редакционной коллегии:
- Алиуллов Рашид Рахимуллович** – доктор юридических наук, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД КЮИ МВД России
- Гарафутдинов Марат Рафикович** – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника КЮИ МВД России (по учебной работе)
- Казанцев Сергей Яковлевич** – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики КЮИ МВД России
- Комлев Юрий Юрьевич** – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии КЮИ МВД России
- Хрусталева Ольга Николаевна** – кандидат педагогических наук, доцент, начальник редакционно-издательского отделения КЮИ МВД России
- Шайдуллина Эльвира Дамировна** – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса КЮИ МВД России
- Шалагин Антон Евгеньевич** – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права КЮИ МВД России

Это произведение доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.
Чтобы увидеть копию этой лицензии, посетите
<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

Editorial Board

Maksim Valentinovich Andreev, Doctor in Laws (Higher Doctorate), Associate Professor, Professor of State and Legal Disciplines (Kazan, KLI of MIA of Russia)

Vitalii Vital'evich Balahonsky, Doctor in Philosophical (Higher Doctorate), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia)

Artur Genad'evich Bezverhov, Doctor in Law (Higher Doctorate) Professor (Samara, Samara State Aerospace University named after S.P. Koroljov)

Aleksandr Nikolaevich Varyigin, Doctor in Law (Higher Doctorate), Professor (Saratov, Saratov State Justice Academy)

Yakov Il'ich Gilinskiy, Doctor in Laws (Higher Doctorate), Professor (St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia)

Larisa Vladimirovna Gotchina, Doctor in Laws (Higher Doctorate), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia)

Victor Nikolaevich Demidov, Doctor in Law (Dr. habil.) associate professor (Administration of the Ministry of Justice of the Russian Federation of the Republic of Tatarstan)

Sergey Victorovich Dubrovin, Doctor in Law (Higher Doctorate), Professor (Moscow, Moscow University of the MIA of Russia)

Sergey Vladimirovich Egorychev, Doctor in Sociology (Higher Doctorate), Professor (Ufa, Eastern Law and Economics Humanitarian Academy)

Victor Pavlovich Malkov, Doctor in Laws (Higher Doctorate), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan (Kazan, KLI of MIA of Russia)

Aleksandr Borisovich Mezyaev – Doctor in Laws (Higher Doctorate) (Kazan, University of Management "TISBI")

Rishat Vahidovich Nigmatullin, Doctor in Laws (Higher Doctorate), Professor (Ufa, Bashkir State University)

Nikolai Vladimirovich Pavlichenko, Doctor in Law (Higher Doctorate), Professor (Moscow, Administration Academy of MIA of Russia)

Raviya Faritovna Stepanenko, Doctor in Law (Higher Doctorate) (Kazan, Kazan (Volga region) Federal University, University of Management "TISBI")

Editorial Council

Chairperson:

Foat Kanafievich Zinnurov, Doctor of Pedagogical Sciences (Higher Doctorate), Associate Professor, Chief of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Vice Chairman:

Sergey Nikolaevich Mironov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Kazan Law Institute of MIA of Russia for scientific work

Editorial Board:

Rashid Rahimullovich Aliullov, Doctor in Laws (Higher Doctorate), Head of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Marat Rafikovich Garafutdinov, Candidate in Laws (Higher Doctorate), Associate Professor, Deputy Head of KLI of MIA of Russia for Educational Work

Sergei Yakovlevich Kazantsev, Doctor of Education, Candidate in Laws (Higher Doctorate), Professor of Criminalistics of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Yurii Yur'evich Komlev, Doctor in Sociology (Higher Doctorate), Professor of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Ol'ga Nikolaevna Hrustaljova, Candidate of Pedagogical Sciences (Higher Doctorate), Associate Professor, Head of the Editorial Department of the Editorial-and-Publishing Office of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Elvira Damirovna Shaidullina, Candidate of Law Sciences, Deputy Chief of Department of Criminal Process of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Anton Evgen'evich Shalagin, Doctor in Laws (Higher Doctorate), Associate Professor, Head of the Department of Criminology and Penitentiary Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

СОДЕРЖАНИЕ

<u>CONTENTS</u>	4
<u>ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА</u>	
Гилинский Я.И. Преступность: что это? Кто виноват? Что делать?	6
<u>ГОСУДАРСТВЕННОЕ, ГРАЖДАНСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО</u>	
Кривокапич Б. Примирение как способ решения международных споров	14
Саегтгараев В.Ф. Система принципов организации взаимодействия органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции	20
<u>УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ</u>	
Гусарова М.В. Квалификация преступлений сексуальной направленности, совершенных виртуально	25
Каримов А.М. Модель поощряемого поведения в положении статьи 76.2 УК РФ и оспоримость наименования нормы	30
Крылова Е.С. Вопросы разграничения уголовной и административной ответственности за нарушение антидопинговых правил	37
Кусакин В.В. Некоторые вопросы практики применения ст. 263 УК РФ	43
Лихолетов А.А. Генезис ответственности за незаконную игорную деятельность в уголовном законодательстве Российской Федерации	50
Можина О.Ю. Основные факторы, детерминирующие получение и дачу мелкой взятки в сферах здравоохранения и образования	55
Усманов И.М., Зиннуров Ф.К. «Зеленая» зона: реальность или провокация (практика противодействия радикализации осужденных в местах лишения свободы в Республике Татарстан)	62
<u>УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД И КРИМИНАЛИСТИКА</u>	
Багаутдинов К.Ф. Вопросы реализации досудебного соглашения о сотрудничестве в случае изменения обвинения	70
Гайнов И.Д. Некоторые аспекты прокурорского надзора за соблюдением конституционного права на дошкольное образование	75
Победкин А.В. Авторитет следователя как средство обеспечения публичности уголовного судопроизводства	81
Судницын А.Б., Карлов А.Л. Орган дознания в системе органов внутренних дел как субъект принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела	89
Сухова И.И. Система правовых и нравственных отношений при принятии решения об избрании меры пресечения как процессуальная гарантия	96
Турышев А.А., Абдулганеев Р.Р. Экстремистский мотив преступления	103
Чиненов Е.В., Чернышёв С.А. Повышение мобильности следственно-оперативной группы за счет использования специального транспорта	110
<u>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</u>	117

CONTENTS

<u>CONTENTS</u>	4
<u>DISCUSSION TRIBUNE</u>	
Gilinskiy YA.I. Crime: what is it? Who is guilty? What to do?	6
<u>STATE, CIVIL, ADMINISTRATIVE LAW</u>	
Krivokapich B. Conciliation as a means for the settlement of international disputes	14
Saetgaraev V.F. Principles for implementation of interaction of internal affairs bodies and civil society institutions in combating corruption	20
<u>CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY</u>	
Gusarova M.V. Qualification of virtual crimes based on sexual orientation	25
Karimov A.M. The model of supportive behavior in article 76.2. of the Criminal Code of the Russian Federation and voidability of the name of the norm	30
Krylova E.S. Allocation of Criminal and Administrative Responsibility for Anti-Doping Rule Violation	37
Kusakin V.V. Some questions of the practice of application of art. 263 of the Criminal Code of the Russian Federation	43
Likholetov A.A. Genesis of responsibility for illegal gambling activities in the criminal legislation of the Russian Federation	50
Mozhina O.YU. The main factors determining small passive and active bribery in health and education areas	55
Usmanov I.M., Zinnurov F.K. "Green" zone: reality or provocation (the practice of countering radicalization of convicted persons in prisons in the Republic of Tatarstan)	62
<u>CRIMINAL TRIAL, INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND CRIMINALISTICS</u>	
Bagautdinov K.F. Issues of implementing a pre-trial cooperation agreement in case of change of accusation	70
Gainov I.D. Aspects of prosecutorial supervision over observance of the constitutional right to pre-school education	75
Pobedkin A.V. The credibility of the investigator as a means of ensuring the publicity of criminal proceedings	81
Sudnitsyn A.B., Karlov A.L. The governing body in the system of internal affairs as a subject to make a decision about refusal in the excitation of criminal case	89
Sukhova I.I. The system of legal and moral correlations when dealing with measures of restraint as a procedural guarantee	96
Turyshchev A.A. , Abdulganeev R.R. Extremist motive of crime	103
Chinenov E.V., Chernyshev S.A. Increased mobility is investigative-task force through the use of special transport	110
<u>NOTICE TO AUTHORS</u>	117

УДК

DOI:

Я.И. Гилинский

**ПРЕСТУПНОСТЬ: ЧТО ЭТО? КТО ВИНОВАТ?
ЧТО ДЕЛАТЬ?**

**CRIME: WHAT IS IT? WHO IS GUILTY?
WHAT TO DO?**

Аннотация: в статье предлагается анализ современного понимания преступности, ее генезиса и социального контроля над преступностью – как трех важнейших проблем криминологии. Представлена авторская позиция, нередко расходящаяся с господствующими в науке взглядами.

Ключевые слова: преступность, генезис, социальный контроль

Для цитирования: Гилинский Я.И. Преступность: что это? Кто виноват? Что делать? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 1. С. . DOI:

Abstract: the article offers an analysis of the modern understanding of crime, its genesis and social control over crime – as the three most important problems of criminology. The article presents author's position which often differs from the dominant scientific views.

Keywords: crime, genesis, social control

For citation: Gilinskiy YA.I. Crime: what is it? Who is guilty? What to do? // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V.10, N 1. P. . DOI:

Подвергай все сомнению.

Р. Декарт

Введение

Каждое высказанное мною
суждение надо понимать не как
утверждение, а как вопрос.

Нильс Бор

Предмет *криминологии* обширен: *преступность* как социальное явление, *преступление* как индивидуальный поведенческий акт, *генезис* преступности, *механизм* индивидуального преступного поведения, отдельные *виды* преступлений (насильственные, против собственности, должностные и др.), личность *преступника*, *жертва* преступления, социальная *реакция* на преступность, *история* криминологии и история преступности, *методология* криминологии и *методики* криминологических исследований [1].

И все же среди прочих вопросов (проблем, тем), изучаемых криминологией, фундаментальными являются три: что такое преступность? каков генезис (причины, факторы) преступности? что делать с преступностью (социальный контроль, наказание, профилактика)?

По всем трем вопросам имеется бесчисленная литература, включая работы автора этих строк. Казалось бы, все, что можно было сказать, сказано и тысячу раз обосновано (каждым автором по-своему). Вместе с тем в последние годы, как в отечественной, так и в мировой литературе, все чаще и все настойчивее говорится о *кризисе криминологии*, о необходимости новых прорывных идей [2]. С этим трудно не согласиться. Современный мир постмодерна (постклассический, постсовременный, постиндустриальный) с его бесчисленными новеллами заставляет на многое посмотреть по-иному [3]. При этом сохраняются и «обостряются» такие принципы науки (любой), как относительность знаний, полипарадигмальность в условиях *неопределенности* постмодерна [4].

Почему бы и мне не внести вклад в многоголосие коллег-криминологов? Отнюдь не претендуя на большую истину. Тем более что значительно фундаментальнее – из близких мне по содержанию – труды А.З. Рыбака (к сожалению, доступные пока, насколько мне известно, только в Интернете [5]). Итак.

Преступность

Преступность – нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно.
Э. Дюркгейм

Последние десятилетия большинству криминологов стало ясно: *в реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своим внутренним, имманентным, содержательным свойствам, sui generis, per se*. Преступление и преступность – понятия *релятивные* (относительные), *конвенциональные* («договорные»: как «договарятся» законодатели), они суть социальные *конструкты*, лишь отчасти отражающие некоторые социальные реалии: некоторые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т.п. Но ведь *те же самые по содержанию* действия могут не признаваться преступлениями: убийство врага на войне (подвиг!), убийство по приговору (смертная казнь), убийство в состоянии необходимой обороны, завладение вещами другого по решению суда, обман государством своих граждан и т.п.

Осознание того, что многие привычные общественные явления ни что иное как *конструкции*, более или менее искусственные, «построенные» обществом, сложилось в социальных науках во второй половине XX столетия [6].

Между тем преступление не является чем-то естественным по своей природе, а суть социальный конструкт, и, по мнению Бенедикта Спинозы (1632-1677), «в естественном состоянии нет ничего, что было бы добром или злом по общему признанию... В естественном состоянии нельзя представить себе преступления; оно возможно только в состоянии гражданском, где по общему согласию определяется, что хорошо и что дурно и где каждый должен повиноваться государству. Таким образом, преступление есть не что иное, как неповиновение, наказываемое вследствие этого только по праву государственному; наоборот, повиновение ставится гражданину в заслугу» [7].

Позднее П. Сорокин напишет: «Нет ни одного акта, который бы по самому своему содержанию был уголовным правонарушением; и акты убийства и спасения, правды и лжи, кражи и дарения, вражды и любви, половой разнuzданности и воздержания и т.д. – все эти акты могли быть и были и преступлением и не преступлением в различных кодексах в зависимости от того, кто их совершал, против кого они совершались, при каких условиях они происходили. Поэтому причислять те или

иные акты по самому их содержанию к уголовным правонарушениям... задача безнадежная...» [8].

И хотя применительно к нашему предмету такое осознание было присуще еще Древнему Риму (*ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur* – преступления возникают из сенатских и народных решений), в современной криминологии признание преступности социальной конструкцией наступило сравнительно поздно, зато сегодня разделяется большинством зарубежных криминологов [9-14]. Это четко формулируют германские криминологи Х. Хесс и С. Шеерер [15]: преступность не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер. Преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Преступность – социальный и языковой конструкт.

Об этом же пишет голландский криминолог Л. Хулсман: «Преступление не онтологическая реальность... Преступление не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности» [16].

Н. Кристи (Норвегия) останавливается на том, что преступность не имеет естественных природных границ. Она суть продукт культурных, социальных и ментальных процессов [17, р. 10-11]. А отсюда, казалось бы, парадоксальный вывод: «Преступность не существует» (*Crime does not exist*) [17, р. 1].

Подробно обосновывается понимание преступности и преступления как социальных конструктов, а также рассматривается процесс такого конструирования в Оксфордском справочнике (руководстве) по криминологии [18, 19].

Итак, «термин *преступление* есть ярлык (*label*), который мы применяем к поведению, нарушающему закон. Ключевой пункт – это порождение преступлений уголовным законом, который создан людьми. *Преступление* как таковое не существует в природе; это выдумка (*invention*) людей» [20].

Все так. Равно как идеи культуральной криминологии (J. Ferrel, D. Garland, K. Hayward, J. Young) [21, 22]. Преступность – порождение культуры, неперенный элемент культуры, равно как средства и методы социального контроля над преступностью. Но не пойти ли нам дальше? Точнее, вернуться к Э. Дюркгейму: «Преступность – нормальное явление, потому что общество без преступности совершенно невозможно». А теперь снова вперед: «преступное» поведение «нормально», обычно, естественно. *То, что общество (государство, власть) считает «преступным», со-*

вершается постоянно, всеми в едином процессе нерасчлененной жизнедеятельности.

Давно я заметил: «С нашей точки зрения, *вся жизнь человека есть не что иное, как онтологически нерасчлененная деятельность по удовлетворению своих потребностей.* Я устал и выпиваю бокал вина или рюмку коньяка, или выкуриваю "Marlboro", или выпиваю чашку кофе, или нюхаю кокаин, или выкуриваю сигарету с марихуаной... Для меня все это лишь средства снять усталость, взбодриться. И почему первые четыре способа социально допустимы, а два последних «девиантны», а то и преступны, наказуемы – есть результат социальной конструкции, договоренности законодателей *«здесь и сейчас»* (ибо бокал вина запрещен в мусульманских странах, марихуана разрешена в Нидерландах, Чехии, некоторых штатах США, курение табака было запрещено в Испании во времена Колумба под страхом смерти и т.д.). Иначе говоря, жизнедеятельность человека – пламя, огонь, некоторые языки которого признаются – обоснованно или не очень – опасными для других, а потому «тушатся» обществом (в случае морального осуждения) или государством (при нарушении правовых запретов)» [1, с. 33.].

Пойдем еще дальше. Человек – представитель биологического рода *Homo sapiens*, который существует наряду с тысячами других биологических видов – животных, птиц, рыб. Правда, человек – наиболее хищное из всех живых существ [23]: «Человек является единственным видом, в котором борьба носит уничтожающий характер» (лауреат Нобелевской премии по биологии Н. Тинберген); «Человек отличается от животных именно тем, что он убийца» (Э. Фромм [24]). Известно, что львы нередко убивают львят, что самки богомола (а нередко и паука) убивают самцов, что иногда (не так часто, как люди) могут обезьяны в драке убить одна другую. А чем люди «хуже»? Если убийство представителей своего рода бывает в мире животных, то тем более оно распространено в мире людей. Известно, что звери нередко тащат куски еды друг у друга. А чем люди «хуже»? Стащить у другого (еду, деньги, одежду) – нормально! Ведь сама по себе «собственность – это кража» (П.-Ж. Прудон) [25]. В первобытном обществе не было понятия собственности. Убивать убивали, но не воровали – воровать было нечего, все было общее. Да, написанное выше – определенная гипербола, но всего лишь – гипербола, за которой скрывается *нормальность* всего, что делает человек – убивает, насилует, ворует, грабит, обманывает и т.п., и т.д. Нормальность не в смысле хорошо, правильно, а в смысле – естественно, распространено, имеет место быть.

Написал и испугался: сколько возмущенных опровержений посыплется на меня! А если подумать? Долго-долго подумать? Еще раз: сказанное выше не оправдание того, что в большинстве обществ людей называется «преступлением», а понимание неизбежности всевозможных поступков, деяний людей, в том числе – очень опасных для других. Да я и не одинок: «Понимание преступности как особого явления также вызывает сомнения. Она не противопоставлена обществу, а сопровождает его» [26, с. 65]. Поэтому «сложившееся отношение к преступности должно быть демистифицировано. Она должна изучаться и оцениваться как имеющая подобно другим явлениям статистическую характеристику *часть реального поведения* (выделено мною – Я.Г.)» [26, с. 63.].

В то же время действующее уголовное законодательство многих стран, включая Россию, – избыточно и *делает* каждого гражданина преступником. Вспомните, уважаемый читатель, не совершили ли Вы в течение своей жизни что-либо из этого прекрасного набора: побои (ст. 116 УК РФ); понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК); нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК); фальсификация итогов голосования (ст. 142¹ УК); нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК); нарушение права на свободу совести и вероисповедания (в т.ч. оскорбление религиозных чувств верующих – ст. 148 УК); неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних (ст. 156 УК); неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (неуплата алиментов – ст. 157 УК); кража (ст. 158 УК); уничтожение или повреждение имущества *по неосторожности* (ст. 168 УК); незаконное предпринимательство (ст. 171 УК); злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК); уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК); уклонение физических лиц от уплаты налогов, сборов (ст. 198 УК); неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 212¹ УК); незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК); незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК); действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе (!), совершенные публично или с использованием СМИ,... сети «Интернет» (ст. 282 УК);

дача взятки (ст. 291 УК); мелкое взяточничество (ст. 291² УК); халатность (ст. 293 УК); оскорбление представителя власти (ст. 319 УК). А еще тьма «преступлений» в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ); преступлений, связанных с приобретением, хранением, пересылкой наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (!). Что касается автора – да, совершал...

И, может, прав был крупнейший представитель уголовно-правовой мысли Германии профессор Х.-Х. Йешек, поставивший вопрос об отмене уголовного законодательства, не совместимого с правами человека и гражданина? [27] (Воспользуюсь случаем почтить память профессора Йешека, блестящего ученого и прекрасного человека, с кем мне посчастливилось неоднократно беседовать во Фрайбурге, в Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht, где он был директором). «Во всяком случае, должны быть по возможности уменьшены негативные последствия существования и действия уголовного закона» [26, с. 66].

Генезис преступности, или Кто виноват?

Как минимум с XVIII века (Ч. Беккариа, И. Бентам), а основательно с XIX века (Ч. Ломброзо, Г. Тард, А. Кетле и др.) криминологи пытаются найти «причину» преступности. Ее видят в биологии и генетике (биологическое или антропологическое направление), психологии (психологическое направление), социальных факторах (социологическое направление).

Очевидно, что единой причины многоликой преступности нет и быть не может [1, с. 162-181]. Можно найти множество факторов – социальных, экономических, политических, демографических и даже космических (труды А.Л. Чижевского), которые в большей или меньшей степени коррелируют с объемом, динамикой, структурой отдельных видов преступлений. Я сам с интересом и одобрением отношусь к установленным корреляционным зависимостям тяжких насильственных преступлений от экономического неравенства (от К. Маркса и П. Сорокина до С. Олькова, Е. Ольковой, И. Скифского, Э. Юзихановой).

Но если преступления – «нормальные» деяния, если «преступления» совершает каждый из нас... Может, бессмысленно искать причины, факторы, обуславливающие именно преступность (*преступления*)? Не те ли же самые факторы определяют и наркотизм, самоубийства, проституцию [28], и научное, техническое, художественное творчество [29], и самые обычные поступки обычных (но столь разнообразных) людей?

Опять страшно боюсь – сколько гневных возражений посыплется на мою голову! Столетия-

ми криминологи искали причины преступности, сколько их находили, а их вроде и нет?!

Поясню. Конечно, на состояние, тренд, структуру преступности влияют многочисленные из выявленных криминологами факторов. Но *те же самые* факторы влияют и на другие нежелательные или желательные деяния, на любые поступки людей. Так, рост экономического неравенства может привести к росту насильственных и корыстных преступлений, к «уходу» в пьянство и наркопотребление, к уходу из жизни (суицид), к творческим поискам, просто к нищете одних и сверхбогатству других. Одни и те же социальные, экономические, политические, психологические и прочие факторы воздействуют на *любое* поведение людей. Поэтому являются ли «криминогенные» факторы криминогенными? Да. Но в равной степени алкогенными, наркогенными, суицидогенными, «порождающими» творческую активность и обыденную, повседневную жизнедеятельность...

Социальный контроль над преступностью, или Что делать?

Следует отказаться от надежд, связанных с иллюзией контроля.

Никлас Луман

Социальный контроль над преступностью (с целью ее максимального сокращения или «ликвидации») – одна из наиболее актуальных проблем современной уголовной политики государств, мировой и отечественной криминологии. Что не удивительно с учетом вышеизложенного. Можно ли вообще эффективно «сокращать» («ликвидировать»!) то, что есть объективная социальная реальность?

Закономерно поэтому, что одновременно с началом нового периода в истории человечества – современной эпохи постмодерна – приходит осознание «кризиса наказания» [30]. Наказание, в течение тысячелетий предназначенное выполнять функцию сдерживания, сокращения преступности, не эффективно, не выполняет возлагаемых на него задач! [21, 31, 32, 33].

Об этом достаточно убедительно говорят отечественные авторы. «Реализация уголовного закона может стать совершенно непереносимой для общества, заблокировав иные социальные процессы... Разумное снижение объема законного насилия может в большей степени обеспечить интересы страны... Наказание – это очевидный расход и неявная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным

и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения» [34]. И еще: «Вне всякого сомнения, наказание есть реакция на совершенное зло, но в этом смысле наказание – то же зло» [35].

«Кризис наказания» проявляется, в частности, в том, что (1) за всю историю человечества никакие, самые жестокие наказания (включая квалифицированную смертную казнь – четвертование, сожжение заживо, заливание раскаленного свинца в горло и т.п.) не «ликвидировали» преступность; (2) со времени окончания Второй мировой войны до конца 1990-х – начала 2000-х годов уровень преступности возрастал во всем мире, невзирая на все старания полиции и уголовной юстиции (а с конца 1990-х – начала 2000-х годов сокращается во всех странах независимо от деятельности правоохранительных органов); (3) уровень рецидива относительно постоянен для каждой страны (а в России увеличился за последние десять лет с 25% до 52%, что свидетельствует о полной неэффективности наказания). Кроме того, по мнению психологов, длительное нахождение в изоляции приводит к *необратимым* изменениям психики (разумеется, не в лучшую сторону).

Наказание в России, как и в других странах, не достигает ни одной из целей, перечисленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Понятие *социальной справедливости* крайне неопределенно. С чьей точки зрения справедливость – обвиняемого, потерпевшего, их родственников, суда, прокурора, адвоката, различных групп населения с различными представлениями о справедливости? *Исправление* кого бы то ни было невозможно путем наказания. Будь то наказание ребенка, подчиненного или лица, совершившего преступление. Как свидетельствует весь исторический опыт человечества, не эффективно ни *общее предупреждение* (люди совершали, совершают и будут совершать преступления), ни *специальное предупреждение* (о чем свидетельствует относительно постоянная или увеличивающаяся доля рецидивной преступности).

Вместе с тем человечество и каждая страна в отдельности не готовы сегодня отказаться от уголовного преследования и наказания. Следовательно, возникает проблема совершенствования системы наказаний и минимизирования их вредных последствий.

Несколько слов о *смертной казни*. Смертная казнь есть *убийство*, преступление, недопустимое со стороны государства. Об этом еще в XVIII веке писал Ч. Беккариа: «Смертная казнь не может быть полезна... Мне кажется нелепым, что законы... которые запрещают и карают убийство, сами совершают его и для отвращения граждан от убийства сами предписывают совершение его» [36].

Смертную казнь Б. Шоу назвал «худшим видом убийства». А российский профессор М.Н. Гернет (лауреат Сталинской премии!) считал, что смертная казнь есть «институт легального убийства» [37]. Смертная казнь должна быть навсегда исключена из перечня наказаний [1, с. 424-432]. По этому пути идет все больше и больше государств. К 2018 г. смертная казнь отменена законодательно в 106 странах и еще в 36 не применяется фактически (всего 142 страны). Сохраняется смертная казнь в 58 государствах.

При отмене смертной казни *лишение свободы* становится «высшей мерой наказания». И применение лишения свободы должно быть сведено к минимуму (если уж мир не готов от него отказаться). «Известны все недостатки тюрьмы. Известно, что она опасна, если не бесполезна. И все же никто «не видит», чем ее заменить. Она – отвратительное решение, без которого, очевидно, невозможно обойтись» [31, с. 339]. Как свидетельствует опыт многих европейских стран, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Японии, понимание «кризиса наказания» и неэффективности лишения свободы приводит к следующим последствиям.

Лишение свободы может применяться, как правило, лишь за насильственные преступления и только в отношении совершеннолетних [О страшных последствиях нахождения несовершеннолетних в «воспитательных колониях» см. 38, 39, 40].

Сроки лишения свободы в основном не должны превышать двух-трех лет. Так, в большинстве стран Северной и Западной Европы срок лишения свободы исчисляется неделями и месяцами (а отнюдь не десятилетиями!). Например, в 2016 г., по сведениям, представленным на Европейской конференции криминологов (г. Мюнстер, 2017), средний срок лишения свободы в европейских странах не превышал 1 года 8 месяцев. В Японии к лишению свободы приговариваются всего 3-5% всех осужденных (85% осуждаются к штрафу), а срок лишения свободы в основном не превышает двух лет [41, 42]. Реальное сокращение сроков лишения свободы тем более необходимо в современном обществе постмодерна, которое, наряду с другими особенностями, характеризуется *ускорением времени* [3, с. 26-28]. Если 10-20 лет тому назад осужденный, освобождаясь из мест заключения, возвращался в привычный мир, то сегодня, отбыв «всего» пять-шесть лет, он оказывается в совершенно незнакомой ситуации: его бывшее рабочее место заняли роботы, повзрослевшие дети уехали – один в Китай, другой в США, по городу мчатся беспилотники, а над домом – дроны, вместо денег и паспорта какие-то карточки... Как выживать в совершенно непривычном мире?

И, пожалуй, самое главное: условия отбывания наказания в виде лишения свободы должны носить не репрессивный характер, а быть направлены на ресоциализацию, реадaptацию осужденных, обучение их новым профессиям или повышение профессионального уровня. Заключение должны жить в нормальных, человеческих, привычных условиях, обеспечиваться качественным питанием, современной медицинской помощью, возможностью пользоваться современными техническими средствами (телефон, компьютер). И это не просто благие пожелания, а реальность, осуществляемая, например, в странах Северной и Западной Европы [1, с. 421; 43].

Не надо забывать, что само по себе *лишение свободы* есть тяжкое наказание, которое недопустимо ужесточать условиями отбывания [44, 45].

Человечество не готово сегодня ни отказаться от уголовного закона, ни отказаться от наказаний, в частности, таких неэффективных и «вредных», как лишение свободы. Следовательно, задача стоит в *сокращении вреда от наказания*. «Важным показателем опасности государства является сте-

пень пенитенциарного контроля над гражданами: часто ли государство применяет уголовные наказания» [35, с. 196].

Заключение

Конечно, все вышеизложенное не означает отказ от дальнейшего изучения преступности, ее генезиса, социального контроля над ней. Скорее, наоборот. Все те сомнения в широко распространенных взглядах на эти социальные феномены, которые высказаны выше, заставляют еще глубже, основательнее, критичнее углубиться в их изучение. Да, пока существует человечество, его представители будут совершать деяния, признаваемые соотечественниками вредными и недопустимыми («преступления»). Да, люди будут искать методы и способы минимизации крайне нежелательных деяний и развития различных видов творчества.

Дальнейшее развитие криминологии (впрочем, как и большинства наук) – задача прежде всего молодых исследователей, не отягощенных грузом профессиональных знаний. Успехов!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авторская точка зрения в: Гилинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Авторский курс. 4-е издание. СПб: Алеф-Пресс, 2018. С. 9-10.
2. См., например: Жалинский А.Э. Избранные труды. Том 1. Криминология. М.: ВШЭ, 2014. С. 44-78.
3. См., например: Гилинский Я. Девиантность в обществе постмодерна: монография. СПб.: Алетейя, 2017.
4. См., например: Честнов И.Л. Постклассическое правопонимание // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 157-162.
5. Рыбак А.З. Криминология в человеческом измерении: Новая методология. Постановка проблемы. URL: <http://crimpravo.ru/blog/3784.html> (дата обращения: 30.12.2018) и др.
6. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. NY: Doubleday, 1966.
7. Спиноза Б. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 554.
8. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.62.
9. Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River. 1997.
10. Caffrey S., Mundy C. (Eds.) The Sociology of Crime and Deviance. Greenwich University Press, 1995.
11. De Keseredy W., Schwartz M. Contemporary Criminology. Wadsworth Publishing Co., 1996. Pp. 45-51.
12. Gregoriou Ch. (Ed.) Constructing Crime. Palgrave Macmillan, 2012.
13. Hester S., Eglin P. Sociology of Crime. NY.- L.: Routledge, 1992. Pp. 27-46;
14. Muncie J., McLaughlin E. (Eds.) The Problem of Crime. CA:SAGE, 1996, p.13.
15. Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2.
16. Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // Contemporary Crisis. 1986. №10. PP.63-80.
17. Christie N. A Suitable Amount of Crime. NY-L.: Routledge, 2004. PP. 10-11.
18. Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007. PP. 179-337.
19. Young J. The Vertigo of Late Modernity. CA:SAGE Publications, 2007.
20. Robinson M. Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NJ: Pearson. Prentice Hall, 2004, P.2.
21. Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. Oxford University Press, 2003.
22. Garland D. The Culture of High Crime Societies. Some Preconditions of Recent “Law and Order” Policies // The British Journal of Criminology. 2000. Vol. 40. N 3.
23. См. подробнее: Гилинский Я. Социальное насилие. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2017.
24. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. С. 23.
25. Прудон П.-Ж. Что такое собственность? СПб., 1907.
26. Жалинский А.Э. Избранные труды. Т.1. Криминология. С.65.

27. Jescheck H.-H. Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil. 4 Aufl. Berlin: Duncker&Humblot, 1988. S.3.
28. Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2013.
29. Творчество как позитивная девиантность / под ред. Я. Гилинского и Н. Исаева. СПб.: Алеф-Пресс, 2015.
30. Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political Action Theory // Scandinavian Studies in Criminality. Oslo-London, 1974.
31. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
32. Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing, Co, 1990.
33. Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. NY: Random House, 1996.
34. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е издание. М.: Проспект 2009. С. 15, 18, 56, 68.
35. Ромашов Р., Тонков Е. Тюрьма как «Град земной». СПб.: Алетейя, 2014. С. 13.
36. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 308.
37. См.: Смертная казнь: за и против / под ред. С.Г. Келиной. М.: Юрид. лит., 1989. С.133.
38. См.: Габышев Л. Одян, или Воздух свободы. М., 1990.
39. Дети в тюрьме / ред. В. Абрамкин. М., 1993.
40. Маколи М. Дети в тюрьме. М.: ОГИ, 2008.
41. Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. М.: Юридический центр Пресс, 2003.
42. Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М.: Прогресс, 1989.
43. От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли. Финский опыт сокращения числа заключенных / сост. И.Г. Ясавеев. Хельсинки, 2012.
44. Жестеров П.В. Уголовная репрессия в постиндустриальном обществе. М.: Проспект, 2017.
45. Пчелкина Е.В. Принцип гуманизма и проблемы его реализации при исполнении наказания в виде лишения свободы. Астрахань, 2012.

REFERENCES

1. Avtorskaya tochka zreniya v: Gilinskij YA. Kriminologiya: teoriya, istoriya, ehmpiricheskaya baza, social'nyj kontrol'. Avtorskij kurs. 4-e izdanie. SPB: Alef-Press, 2018. S. 9-10.
2. Sm., naprimer: ZHalinskij A.EH. Izbrannye trudy. Tom 1. Kriminologiya. M.: VSHEH, 2014. S. 44-78.
3. Sm., naprimer: Gilinskij YA. Deviantnost' v obshchestve postmoderna: monografiya. SPb.: Aletejya, 2017.
4. Sm., naprimer: CHestnov I.L. Postklassicheskoe pravoponimanie // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2010. № 5. S. 157-162.
5. Rybak A.Z. Kriminologiya v chelovecheskom izmerenii: Novaya metodologiya. Postanovka problemy. URL: <http://crimpravo.ru/blog/3784.html> (data obrashcheniya: 30.12.2018) i dr.
6. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. NY: Doubleday, 1966.
7. Spinoza B. Izbrannye proizvedeniya. M.: Gospolitizdat, 1957. T. 1. S. 554.
8. Sorokin P. CHelovek. Civilizaciya. Obshchestvo. M., 1992. S.62.
9. Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River. 1997.
10. Caffrey S., Mundy C. (Eds.) The Sociology of Crime and Deviance. Greenwich University Press, 1995.
11. De Keseredy W., Schwartz M. Contemporary Criminology. Wadsworth Publishing Co., 1996. Pp. 45-51.
12. Gregoriou Ch. (Ed.) Constructing Crime. Palgrave Macmillan, 2012.
13. Hester S., Eglin P. Sociology of Crime. NY.- L.: Routledge, 1992. Pp. 27-46;
14. Muncie J., McLaughlin E. (Eds.) The Problem of Crime. SA:SAGE, 1996, p.13.
15. Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2.
16. Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // Contemporary Crisis. 1986. №10. PP.63-80.
17. Christie N. A Suitable Amount of Crime. NY-L.: Routledge, 2004. PP. 10-11.
18. Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007. RP. 179-337.
19. Young J. The Vertigo of Late Modernity. SA:SAGE Publications, 2007.
20. Robinson M. Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NJ: Pearson. Prentice Hall, 2004, P.2.
21. Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. Oxford University Press, 2003.
22. Garland D. The Culture of High Crime Societies. Some Preconditions of Recent "Law and Order" Policies // The British Journal of Criminology. 2000. Vol. 40. N 3.
23. Sm. podrobnее: Gilinskij YA. Social'noe nasilie. 2-e izd. SPb.: Aletejya, 2017.
24. Fromm EH. Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti. M.: Respublika, 1994. S. 23.
25. Prudon P.-ZH. CHto takoe sobstvennost'? SPb., 1907.
26. ZHalinskij A.EH. Izbrannye trudy. T.1. Kriminologiya. S.65.

27. Jescheck H.-H. Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil. 4 Aufl. Berlin: Duncker&Humblot, 1988. S.3.
28. Gilinskij YA. Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij». 3-e izd. SPb.: Alef-Press, 2013.
29. Tvorchestvo kak pozitivnaya deviantnost' / pod red. YA. Gilinskogo i N. Isaeva. SPb.: Alef-Press, 2015.
30. Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political Action Theory // Scandinavian Studies in Criminality. Oslo-London, 1974.
31. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tyur'my. M.: Ad Marginem, 1999.
32. Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing, Co, 1990.
33. Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. NY: Random House, 1996.
34. ZHalinskij A.EH. Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen. Teoretiko-instrumental'nyj analiz. 2-e izdanie. M.: Prospekt 2009. S. 15, 18, 56, 68.
35. Romashov R., Tonkov E. Tyur'ma kak «Grad zemnoj». SPb.: Aletejya, 2014. S. 13.
36. Bekkaria CH. O prestupleniyah i nakazaniyah. M., 1939. S. 308.
37. Sm.: Smertnaya kazn': za i protiv / pod red. S.G. Kelinoj. M.: YUrid. lit., 1989. S.133.
38. Cm.: Gabyshev L. Odlyan, ili Vozduh svobody. M., 1990.
39. Deti v tyur'me / red. V. Abramkin. M., 1993.
40. Makoli M. Deti v tyur'me. M.: OGI, 2008.
41. Morozov N.A. Prestupnost' i bor'ba s nej v Yaponii. M.: YUridicheskij centr Press, 2003.
42. Uehda K. Prestupnost' i kriminologiya v sovremennoj Yaponii. M.: Progress, 1989.
43. Ot «strany tyurem» k obshchestvu s ogranichenym prichineniem boli. Finskij opyt sokrashcheniya chisla zaklyuchennyh / sost. I.G. YAsaveev. Hel'sinki, 2012.
44. ZHesterov P.V. Ugolovnaya repressiya v postindustrial'nom obshchestve. M.: Prospekt, 2017.
45. Pchelkina E. V. Princip gumanizma i problemy ego realizacii pri ispolnenii nakazaniya v vide lisheniya svobody. Astrahan', 2012.

Об авторе: Гилинский Яков Ильич, доктор юридических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
e-mail: yakov.gilinsky@gmail.com
© Гилинский Я.И., 2019.

Статья получена: 01.02.2019. Статья принята к публикации: 20.03.2019.
Статья опубликована онлайн: 25.03.2019.

About the author: Gilinskiy Yakov I., Dr. of Sciences (Law), Professor of Russian State University of Education
e-mail: yakov.gilinsky@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

УДК 341.621

DOI:

Б. Кривокапич

**ПРИМИРЕНИЕ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ**
**CONCILIATION AS A MEANS FOR THE SETTLEMENT
OF INTERNATIONAL DISPUTES**

Введение: автор в первой части статьи дает краткий обзор общих характеристик примирения как своего рода дипломатического (политического) пути мирного урегулирования международных споров.

Материалы и методы: во время работы над статьей были использованы эмпирические (изучение, анализ Общего акта о мирном разрешении международных споров 1949 года, сравнение), теоретические методы научного познания.

Результаты исследования: автор указывает на плюсы и минусы дипломатических средств разрешения международных споров, которые, помимо прочего, также относятся к примирению. Вторая часть статьи посвящена конкретным характеристикам примирения. Внимание уделяется определению примирения, отмечается связь (сходства и различия) с наиболее сходными методами мирного разрешения международных споров (расследование, посредничество, арбитраж), а также дается обзор наиболее важных моментов.

Обсуждение и заключения: автор приходит к выводу, что примирительная процедура, по-видимому, продолжает сохранять свое место и значение, поскольку в некоторых случаях она является наиболее подходящим средством либо само по себе, либо при использовании одновременно с другими средствами. Это особенно касается актуальных вопросов, таких как безопасность, разоружение, совместные предприятия, защита окружающей среды, делимитация, споры о водотоках, космическая деятельность и тому подобное.

Ключевые слова: примирение, международные споры, мирное урегулирование, международное публичное право, дипломатические средства

Для цитирования: Кривокапич Б. Примирение как способ решения международных споров // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 1. С. . DOI:

Introduction: the first one gives a brief overview of the general characteristics of conciliation as a sort of diplomatic (political) way of peaceful settlement of international disputes.

Materials and Methods: while working on the article, empirical (study, analysis of the General Act on the Peaceful Settlement of International Disputes of 1949, comparison), theoretical methods of scientific knowledge were used.

Results: the author points to the pros and cons of diplomatic means of resolving international disputes, which, among other things, also apply to reconciliation. The second part of the article is devoted to the specific characteristics of reconciliation. Attention is paid to the definition of conciliation, the connection (similarities and differences) with the most similar methods of peaceful settlement of international disputes (investigation, mediation, arbitration), and also provides an overview of the most important points.

Discussion and Conclusions: the author's conclusion is that the conciliation seems to continue retaining its place and significance, as the most suitable means in some cases either by itself, either when used at the same time with other means. This is especially so for sensitive issues such as those relating to security, disarmament, joint ventures, environmental protection, delimitation, watercourse disputes, outer space activities, and the like. Therefore, we should not be surprised if in the future this institution experiences another youth.

Key words: reconciliation, international disputes, peaceful settlement, international public law, diplomatic means

For citation: Krivokapich B. Conciliation as a means for the settlement of international disputes // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 1. P. . DOI:

Although different classifications of resolving international disputes are possible (depending not only on the personal attitude of their author, but also on the level in the development of international law)¹ and although inspection of this issue points out to all of its complexity, the simplest division of all means for peaceful resolving international disputes is on diplomatic (political)² and judicial (legal)³ means.

Among diplomatic (political) means is conciliation, which is the topic of this paper.

1. General Characteristics of Conciliation as a Diplomatic Tool for Resolving International Disputes

Since it represents only one type of diplomatic (political) means for peaceful resolution of international disputes, conciliation has certain characteristics that are consistent with all such means⁴.

It runs through diplomatic channels, or through political representatives of states or international organizations. The above-mentioned subjects seek to reconcile the interests of the parties to the dispute. This means they are not necessarily always dedicated to satisfy the full requirements of international law, justice nor fairness, as international court would have tried it, for example.

In addition, unlike the judiciary⁵, the decisions that are made by this way are not themselves legally binding, except when they enter into an agreement between the parties to the dispute.

Like any other phenomenon, diplomatic means of resolving international disputes, and thus conciliation, have certain advantages, but also certain disadvantages.

The advantage is reflected in the fact that they are flexible and adaptable to various types of disputes and situations. This allows the solution to be found in some sort of compromise, where there are no winning side or defeated party, which is a kind of guarantee that the solution will actually be achieved and respected in practice. One of the advantages is that, as long as they are not accepted by both parties to the dispute, all de-

cisions, recommendations and advice have an optional character. Finally, in this particularly sensitive situation, a solution to the dispute and satisfaction of justice can be achieved, while at the same time avoiding the responsible party being labeled as a guilty party.

High flexibility is at the same time the biggest disadvantage of these mechanisms. They depend on the willingness of the disputing parties to cooperate, implicating the right of each of them to, whenever deemed necessary, waive the already initiated steps. Except in exceptional cases, when their results are reflected in a legally binding document (primarily international treaty), these methods end with acts that have an optional character - various proposals, reports, recommendations, and the like. In practice, this can lead to excessive prolongation and aggravation of the dispute resolution, to the creation of irreparable damage, and to the escalation of tension in relations and eventual growth of the dispute into conflict.

Although they are clearly distinguished in principle, in practice diplomatic and judicial methods of peaceful settlement of international disputes are not usually opposed to each other. On the contrary, they combine, especially in particularly complex situations, in an effort to exploit that asset that can give the best result at a given stage of dispute resolution.

After these introductory remarks, it is time to deal with the specifics of conciliation, as one of the diplomatic ways of peacefully resolving international disputes.

2. Specificity of Conciliation

1. Concept. Conciliation is a method of peaceful settlement of international disputes consisting in the compromise bringing of a dispute before the elected body (a commission, possibly an individual) authorized to examine the matter comprehensively both on the facts and on the legal side, and on the basis of that knowledge, acting objectively and impartial, suggest a satisfactory solution⁶.

In order to be able to accomplish the role entrusted to him, the conciliator is authorized to receive informa-

¹ For example, Grotius in *De Jure Belli ac Pacis* (1625) lists only three means for peaceful settlement of disputes - direct diplomatic negotiations, arbitration and draw. In fact, he mentions another way - an individual duel, but he notices himself that it is similar to the draw. Grotius Hugo, 2001, VII-X, 235-236.

² They are called so because of the participation of diplomatic and, possibly, other parties to the dispute, or the involvement of neutral persons, bodies, states or international organizations. The parties in the dispute try to solve it by themselves (for many reasons, the best solution) and, if that is not possible, turn to external out-of-court authority by inviting it to help to establish contact between them, in identifying controversial facts or in finding the final, for both sides of an acceptable solution.

³ On international disputes and ways of solving international disputes: Rhyne, 1971, 181-301; Handbook on the Peaceful Settlement..., 1992; Shaw, 2003, 914-1012; Lauterpacht, 2004, 3-407; Merrills, 2005; Collins, Packer, 2006; Zartman, 2007; Spain, 2010, 1-55; Berco-vitch, Jackson, 2012; Krivokapić, 2017, 250-447.

⁴ These include direct diplomatic negotiations, good services, mediation, conciliation and inquiry (fact-finding) commissions. In our time, as a separate political (extra-judicial) mechanism, one can distinguish the resolution of international disputes before the United Nations and other international organizations.

⁵ Judicial (legal) proceedings shall be brought before a legal authority - by an international court or international arbitration, which shall decide on legally relevant rights and obligations on the basis of the requests and evidence presented. The dispute is resolved in a strictly formal, well-known legal procedure that ensures equality of litigants and a hearing before a court. The decision is based on the norms of international law and for disputing parties it is legally binding. Disadvantage is the fact that the court proceedings can in principle be initiated only on the basis of the consent of the parties to the dispute. In addition, the court procedure, precisely because of its publicity and formalities, is not suitable when the relations between the parties to the dispute are very bad, when the issue is of vital importance to at least one party, when there are no clear legal rules and the like.

⁶ Jackson, 1958, 508-543; Degan, 1980, 261-286; Reif, 1990, 578-638; Handbook on the Peaceful Settlement between States, 1992, 45-55; Merrills, 2005, 64-90; Susani, 2010, 1099-1105; Krivokapić, 2017, 329-333.

tion from the parties to the dispute, and, if necessary, conduct an investigation to determine the facts, and may also address legal issues. His work ends with a report formulating a solution that offers the parties to the dispute. It has the character of the recommendation and does not bind the parties to the dispute.

The Conciliation Commission (in practice, the role of a conciliator is most often entrusted to a collective body) can be formed for a given case (*ad hoc*) but can also be arranged in advance.

2. Relationship with other ways of peaceful resolution of disputes. This method of peaceful settlement of disputes has developed in the XX century from the investigation (work of the investigative i.e. fact-finding commissions) and in some ways it is somewhere between the investigation (establishing the actual factual situation)¹ and the arbitration (the resolution of the dispute by the decision of the arbitrator)². Therefore, there are some similarities with these mechanisms, but also clear differences.

In particular, when it believes it is necessary, the conciliation commission will also investigate, as the investigation commission does. It, however, does not stop there, but can go further in terms of dealing with legal issues. In addition, at the end in its final report it does not only state facts established, but on the basis of all the knowledge and analysis proposes the final solution of the dispute.

The fact that an independent body proposes a definitive solution somewhat remarks on arbitration, but the differences are great. The most important thing is that by conciliation all, and not just legal disputes can be settled. Another important difference is the fact that the conciliation commission is not a court, and that, contrary to the verdict of arbitration, its decision is not legally binding on the parties to the dispute. There are other differences, but they are of minor importance here.

Certain resemblance with mediation can be observed³. This is because the third entity seeks to offer a solution that would satisfy both sides in the dispute, and thus settle the dispute, but which is not legally binding. On the other hand, compared to the mediator, the role of conciliator is far stronger. As a matter of fact, unlike the mediator who is trying to help the parties to the dispute to settle it by their own or with his participation, the conciliator, after acquaintance with the case and, if necessary, an independent investigation, offers final solution that the parties can accept or reject.

Yet, essentially the conciliator is only a sort of mediator whose basic characteristics are reflected in the following: 1) He never offers himself, but must be invited; 2) His role is far more active than the role of an ordinary mediator (there is much more space for his own action); 3) In principle, he does not offer various «working», «small» etc. suggestions and advices in order to approach the parties in a dispute step by step, but come up before them with a final solution; 4) Unlike mediators, whose mandate is not limited in time, the conciliator usually has a fixed deadline (usually 6 months) in which he should come out with his final proposal.

3. Practice. The first cases of conciliation are related to contracts which since 1913 United States have begun concluding, with a number of other countries, and which envisaged the formation of a five-member commission for conciliation⁴. This practice was followed by some other states, as evidenced by the agreements between Chile and Sweden (1920), Germany and Switzerland (1921), etc.

After the League of Nations Assembly recommended in 1922 to the states to entrust their disputes to conciliation commissions, this solution became popular, and by 1940 a large number of bilateral and multilateral agreements were concluded, which envisaged conciliation as a way of peaceful settlement of disputes.

Of particular significance was the year 1925, in which several important agreements were concluded that defined the conciliation and its application more closely.

First, the treaty between France and Switzerland specified the functions of the permanent conciliation commission, by establishing that its task was to investigate the disputed issue and to collect all necessary information through investigation and in other ways, in order to offer a solution to the parties to the dispute. Unless the disputing parties agreed otherwise, the Commission was obliged to complete the work within 6 months. Its work was to be ended with a report stating that the parties had reached a solution and what were the conditions of it or, in the event of a failure, to concluding that the solution was not reached.

The same year, Germany concluded four bilateral conventions (with Belgium, Czechoslovakia, France and Poland) in Locarno which stipulated that all disputes between contractors that could not be resolved by friendly, regular diplomatic methods would be sub-

¹ Handbook on the Peaceful Settlement between States, 1992, 24-33; Merrills, 2005, 45-63; Bergsmo, 2013; Hellestveit, 2015, 368-394; Krivokapić, 2017, 304-316.

² Sohn, 1963; Gray, Kingsbury, 1992, 97-134; Rubino-Sammartano, 2001; Merrills, 2005, 91-126; Krivokapić, 2017, 421-440.

³ It consists in the fact that an entity that is not involved in the dispute (mediator, third party) takes certain steps (proposals, advice, suggestions, remarks, persuasion, transmission of requests, answers to the other side, negotiation, etc.) in order to achieve reaching an amicable solution, and thus works diligently to bring the parties to the dispute closer and enable the launching and successful course of direct negotiations between them, i.e. reaching a final agreement on the settlement of the dispute. Princen, (1992); Bercovitch, 1996; Greenberg, Barton, McGuinness, 2000; Lanz, Wählich, Kirchhoff, Siegfried, 2008; Bercovitch, 2011; Greig, Diehl, 2012; Krivokapić, 2015, 33-49.

⁴ The proposal to conclude such agreements came from US Secretary of State Bryan (William Jennings Bryan), for which these agreements were also known as «Bryan's Treaties».

mitted to arbitration or the Permanent International Court of Justice, but prior to addressing the arbitration or the Court, the dispute may, by agreement of the Contracting Parties, be entrusted to a five-member Standing Commission for Conciliation¹. The powers of the Commission were defined in an almost identical manner as in the aforementioned French-Swiss agreement. After getting to know the dispute and collecting, through investigation or otherwise, all the necessary information, the Commission was authorized to informing the parties in the dispute about the conditions of its solution which it considered to be the most appropriate, and to set them a time limit to declare their attitude on it. Unless the parties agreed otherwise, the work of the Commission was to be completed within 6 months. In her report, it could, as the case may be, state that the parties to the dispute have reached an agreement and, if necessary, what are the terms of the agreement, or that it was not possible to reach an agreement.

These solutions, which were almost identical to those established by the Franco-Swiss treaty, were then incorporated into the General Act for the Pacific Settlement of International Disputes (1928), adopted within the League of Nations, and then taken over in the Revised General Act for the Pacific Settlement of International Disputes, adopted by UN General Assembly Resolution 269 (III) in 1949².

Briefly, the Revised General Act for the Pacific Settlement of International Disputes provides for (Articles 1-16) that of every kind between two or more members to the Act, which it has not been possible to settle by diplomacy, shall be submitted to the procedure of conciliation, by a permanent or special conciliation commission, constituted by the parties to the dispute. On a request to that effect being made by one of the Contracting Parties to another party, a permanent conciliation commission shall be constituted within a period of six months. Unless the parties concerned agree otherwise, the Conciliation Commission shall be composed of 5 members. The parties shall each nominate 1 commissioner, who may be chosen from among their respective nationals. The three other commissioners shall be appointed by agreement from

among the nationals of third Powers. These three commissioners must be of different nationalities and must not be habitually resident in the territory nor be in the service of the parties. The parties shall appoint the President of the Commission from among them. The commissioners shall be appointed for three years and shall be re-eligible. The commissioners appointed jointly may be replaced during the course of their mandate by agreement between the parties. Either party may, however, at any time replace a commissioner whom it has appointed. Even if replaced, the commissioners shall continue to exercise their functions until the termination of the work in hand.

If, when a dispute arises, no permanent conciliation commission appointed by the parties is in existence, a special commission shall be constituted for the examination of the dispute within a period of three months from the date at which a request to that effect is made by one of the parties to the other party. The necessary appointments shall be made in the manner laid down for the permanent conciliation commission, unless the parties decide otherwise. If the appointment of the commissioners to be designated jointly is not made within the periods provided for in articles 3 and 5³, the making of the necessary appointments shall be entrusted to a third Power, chosen by agreement between the parties, or on request of the parties, to the President of the General Assembly, or, if the latter is not in session, to the last President. The work of the commission is confidential (it shall not be conducted in public) unless a decision to that effect is taken by the Commission with the consent of the parties⁴. In Art. 15. the Commission's functions are defined in essentially the same way as in the 1925 treaties.

Practically the same solutions were repeated in Art. 4-18 of the European Convention for the Peaceful Settlement of Disputes (1957)⁵. A little different, but essentially very similarly such solution was formulated by some other regional agreements, such as, for example, in Art. XV-XXX of the American Treaty on Pacific Settlement (1948)⁶.

Institution of conciliation is embedded in a number of modern international agreements⁷. Since their very inception, the United Nations has had, in various ways,

¹ The Commission was to be composed of 5 members - one representative of each contracting party and 3 members from third countries, which by their agreement were chosen by contracting parties. Members of the Commission were to be elected for 3 years. See Art. 1-2, 4 of the Arbitration Conventions between Germany and France. Arbitration Convention between Germany and France, 16 October 1925, in: Grenville, Wasserstein, 2013, 147-148.

² *Revised General Act for the Pacific Settlement of International Disputes (1949)*, United Nations 1949, treaties.un.org/doc/Treaties/1950/09/19500920%2010-17%20PM/Ch_II_1p.pdf, 24.1.2019.

³ Meaning 6 months from the request of one Contracting Party to another to constitute permanent or special conciliation commission (Art. 3) or 3 months from the request of one party to another to constitute special conciliation commission when the dispute arises and no permanent conciliation commission is appointed (Art. 5).

⁴ *Revised General Act for the Pacific Settlement of International Disputes (Adopted by the General Assembly at its 199th plenary meeting, on 28 April 1949)*. Articles 2-6. URL: https://treaties.un.org/doc/Treaties/1950/09/19500920%2010-17%20PM/Ch_II_1p.pdf

⁵ *European Convention for the Peaceful Settlement of Disputes*, Strasbourg 29 IV 1957, Council of Europe, <https://rm.coe.int/1680064586>, 24.1.2019.

⁶ *American Treaty on Pacific Settlement ("Pact of Bogota")*, OAS, http://www.oas.org/en/sla/dil/inter_american_treaties_A-42_pacific_settlement_pact_bogota.asp, 24.1.2019.

⁷ Among other things, it is envisaged as one of the ways of peaceful settlement of international disputes by the UN Charter itself (Article 33/1) and a series of universal international agreements, among which are some by which the related matters are codified at the universal level.

encouraged the conciliation commissions as a way of resolving disputes¹. On a regional level, in our time conciliation, in combination with mediation, is particularly evident in the practice of the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE), in which the Convention on Conciliation and Arbitration within the OSCE (1992) was adopted².

Nevertheless, the cases of successful ending of the dispute by mediation in practice are rare. Namely, although the conciliation has been envisaged in more than 200 various multilateral and bilateral agreements, and a large number of permanent conciliation commissions have been established, less than 20 cases have been attempted to resolve the dispute by that way³. There are a few reasons for that.

First of all, in order for conciliation to be tried at all, it is necessary that the parties to the dispute agree on this. In other words, if there is no such agreement, there will be no conciliation⁴. On the other hand, since the solution offered by the conciliator is not legally binding for the parties to the dispute, this already at the beginning indicates the danger that an attempt at conciliation may in some cases mean unnecessary wasting of time and resources, while at the same time risking meantime the dispute gets out of control.

Therefore, if it is a matter of leaving the proposal of a dispute resolution to an impartial body, it is better to see a mediator in that role (who is anyways already in contact with both parties and familiar with all elements of the dispute, and who certainly can do among matters propose a final resolution of the dispute) or an arbitration (whose decision has a legally binding force). In reality, there are no principled reasons for entrusting a body (conciliating commission) just to propose a solution without taking part in previous actions (as the mediator does) or with no authority to make a final binding decision (as the arbitration is empowered).

For the sake of the truth, conciliation has certain advantages, precisely because it essentially appears as

a sort of medium solution between mediation and arbitration. By the fact that the solution proposed by the commission is binding only if it is accepted by both sides it is achieved that nobody feels to be at a disadvantage. On the contrary, it creates the impression that it is a joint solution, a sort of reconciliation (hence the name). In this respect, it is noted that the conciliation is most appropriate for legal disputes of minor importance and where the parties to the dispute want a fair solution and at the same time want to retain one kind of control over the decision, that is, to avoid that it (as in the case of arbitration) surprise them⁵.

All this leads us to the conclusion that although in pure form it rarely occurs in practice, the concessions will in all likelihood continue to in some cases retain its place and importance, as the most suitable means, either by itself, or used simultaneously with other means.

Although, as mentioned above, there is an opinion that it is suitable for resolving, first of all, legal disputes of minor importance, it seems to us that it is not entirely so. The benefits of conciliation can also be utilized in addressing sensitive issues such as those relating to security, disarmament, economic and business, environmental protection, delimitation, disputes related to the status of watercourses, outer space activities, and the like. That is the reason why we should not be surprised if in the future this institute experiences another youth.

This especially in our era of globalization, when there are more and more non-state actors of international relations. In some cases, their disputes already have international character or may threaten to grow into interstate disputes. In particular, since some of these entities have a more and more developed international legal subjectivity, conciliation may prove to be a suitable means especially for some of these disputes (for example, between a state and a transnational company, and even in some cases between the state and the individual)⁶.

REFERENCES

1. Bercovitch J., *Resolving International Conflicts // The Theory and Practice of Mediation*. Lynne Rienner Publishers. 1996.
2. Bercovitch J. *Theory and Practice of Mediation*. Routledge.
3. Bercovitch J., Jackson Richard *Conflict Resolution in the Twenty-first Century: Principles, Methods, and Approaches*. University of Michigan. 2012.
4. Bergsmo M., *Quality Control in Fact-Finding*. Florence: Torkel Opsahl Academic Epublisher. 2013.

¹ Handbook on the Peaceful Settlement. ..., 1992, 48.

² Convention on Conciliation and Arbitration within the OSCE, OSCE, osce.org/cca/111409?download=true, 24.1.2019.

³ Merrills, 2005, 66, 87. For example, between the two World Wars by conciliation it was attempted solution of disputes between Bolivia and Paraguay (1929), Germany and Lithuania (1931), Belgium and Luxembourg (1934), Denmark and Lithuania (1938). After the Second World War, by conciliation disputes were settled between France and Siam (1947), Belgium and Denmark (1952), France and Switzerland (1955), Italy and Switzerland (1956), France and Morocco (1958), Kenya, Uganda and Tanzania (1977), Iceland and Norway (1981). There were also unsuccessful attempts at conciliation, as in the disputes between Romania and Switzerland (1949) or Morocco and France (1957). Handbook on the Peaceful Settlement. ..., 1992, 48-49; Merrills, 2005, 67-74; Hamilton, Requena, van Scheltinga, Shifman, 1999, 285-295.

⁴ Thus in 1938, in connection with the Sudeten crisis, Czechoslovakia proposed a solution to the dispute by conciliation, but the Nazi Germany crossed over it.

⁵ Merrills, 2005, 88-89.

⁶ Spain, 2013, 41-70.

5. Collins C., Packer J., *Opinions and Techniques for Quiet Diplomacy*. Folke Bernadotte Academy. 2006.
6. Degan V.D. *International Conciliation: Its Past and Future*, in: Fischer Peter, Köck Herbert Franz, Verdross Alfred (eds.): *Völkerrecht und Rechtsphilosophie*, Duncker & Humblot, Berlin. 1980. 261-286.
7. Gray C., Kingsbury B. *Developments in Dispute Settlement: Inter-State Arbitration Since 1945* // *British Yearbook of International Law*. 1992. P. 97-134.
8. *Words Over War: Mediation and Arbitration to Prevent Deadly Conflict* / Greenberg Melanie C., Barton John H., McGuinness Margaret E. Rowman & Littlefield Publishers. 2000.
9. Greig Michael J., Diehl Paul F. *International Mediation*, Polity Press, Cambridge 2012.
10. Grenville J., Wasserstein Bernard *The Major International Treaties of the Twentieth Century*, 2013. Routledge.
11. Grotius Hugo on the Law of War and Peace, 1625 (translated from the original Latin *De Jure Belli ac Pacis* and slightly abridged by Campbell A.C.). Baoche Books, Kitchener. 2001.
12. *The Permanent Court of Arbitration: International Arbitration and Dispute Resolution* / Hamilton P., Requena H.C., van Scheltinga L., Shifman B. Kluwer Law International. 1999.
13. *Handbook on the Peaceful Settlement of Disputes Between States* // United Nations. New York. 1992.
14. Hellestveit C., *International Fact-Finding Mechanisms: Lighting Candles or Cursing Darkness?* // Bailliet Cecilia Marcela, Mujezinović Larsen Kjetil (eds.): *Promoting Peace Through International Law*, Oxford University Press, 368-394. 2015.
15. Jackson Elmore *Mediation and Conciliation in International Law*, *International Science Social Bulletin*. 1958. No. 4, 508-543.
16. Кривокапић Борис, *Добре услуге и посредовање у решавању међународних спорова*, Српска политичка мисао. 2015. No. 3. 33-49.
17. Krivokapić Boris *Mir i rat u međunarodnim odnosima i pravu*, Beograd. 2017.
18. Lanz D., Wählich M., Kirchhoff L., Siegfried M. *Evaluationg Peace Mediation*, Initiative for Peacebuilding. 2008.
19. Lauterpacht H. *International Law, Collected Papers*. Vol. 5, "Disputes, War and Neutrality", Cambridge University Press. 2004.
20. Merrills J.G. *International Dispute Settlement*, Cambridge University Press. 2005.
21. Princen T. *Intermediaries in International Conflict*, Princeton University Press. 1992.
22. Reif Linda C. *Conciliation as a Mechanism for the Resolution of International Economic and Business Disputes*, *Fordham International Law Journal*. 1990. No. 3, 578-638. Rhyne Charles S. (1971), *International Law*, Washington D.C. 1971.
23. Rubino-Sammartano Mauro *International Arbitration: Law and Practice*, Kluwer Law International. 2001.
24. Shaw Malcolm N. *International Law*, Cambridge. 2003.
25. Sohn Louis B. *The Function of Arbitration Today*, *Hague Academy of International Law Collected Papers*, Vol. 108, 1963 (1993 reprint by H. Charlesworth & Co. Ltd.).
26. Spain A. *Integration Matters: Rethinking the Architecture of International Dispute Resolution*, *University of Pennsylvania Journal of International Law* Vol. 32. 2010. 1-55.
27. Susani N. *Conciliation and Other Forms of Non-Binding Third Party Dispute Settlement* // Crawford James, Pellet Allain, Olleson Simon (eds.): *The Law of International Responsibility*, Oxford University Press, 2010. 1099-1105.
28. Zartman William I. *Peacemaking in International Conflict: Methods & Techniques*, United States Institute of Peace. 2007.

Об авторе: Кривокапић Борис, профессор, доктор юридических наук, Академик РАН; Ординарный профессор, Бизнес и юридический факультет, Университет Унион – Никола Тесла, Белград; профессор юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва
e-mail: krivokapicboris@yahoo.com
© Кривокапић Б., 2019.

Статья получена: 28.01.2019. Статья принята к публикации: 20.03.2019.
Статья опубликована онлайн: 25.03.2019.

About the author: Krivokapić Boris, Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Full Professor, Business and Law Faculty, Union Nikola Tesla University, Belgrade (Serbia); Full Professor of Law Faculty at Samara National Research University named after academician S.P. Korolev, Samara (Russia)
e-mail: krivokapicboris@yahoo.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 342.951

DOI:

В.Ф. Саэтгараев

**СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ**

**PRINCIPLES FOR IMPLEMENTATION OF INTERACTION
OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AND CIVIL SOCIETY
INSTITUTIONS IN COMBATING CORRUPTION**

Введение: в статье рассмотрены теоретические подходы к систематизации принципов организации взаимодействия органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции.

Материалы и методы: основу исследования составили научные труды по социальному управлению, нормативные правовые акты антикоррупционного законодательства. Использовались диалектический метод, системный и формально-юридический анализ.

Результаты исследования: систематизированы группы общих и специальных принципов организации взаимодействия органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции.

Обсуждение и заключения: автор приходит к выводу о необходимости консолидации усилий органов внутренних дел и институтов гражданского общества в целях эффективного противодействия коррупции на основе выработанных закономерностей.

Ключевые слова: противодействие коррупции, принципы организации взаимодействия, экономическая безопасность, органы внутренних дел, институты гражданского общества

Для цитирования: Саэтгараев В.Ф. Система принципов организации взаимодействия органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 1. С. . DOI:

Introduction: the article discusses the main theoretical approaches to systematization of the principles of implementation of interaction of internal affairs bodies and civil society institutions in combating corruption.

Materials and Methods: the basis of the study was scientific works on social management, regulatory legal acts of anti-corruption legislation. In the study, the dialectical method, systematic and formal legal analysis were used.

Results: groups of general and special principles of implementation of interaction of internal affairs bodies and civil society institutions in combating corruption were systematized.

Discussion and Conclusions: the author comes to the conclusion that it is necessary to consolidate the joint efforts of the internal affairs bodies and civil society institutions in order to effectively combat corruption based on the laws that have been developed.

Keywords: anti-corruption, principles of organization of interaction, economic security, law enforcement agencies, civil society institutions

For citation: Saetgaraev V.F. Principles for implementation of interaction of internal affairs bodies and civil society institutions in combating corruption // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 1. P. . DOI:

Введение

Одним из законодательно закрепленных условий противодействия коррупции в Российской Федерации (далее – РФ) является концепция о партнерстве государственных и гражданских структур¹. Борьба с коррупционными преступлениями является одним из основных направлений деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) по выявлению и раскрытию преступлений экономической направленности, которая предполагает взаимодействие ОВД и институтов гражданского общества (далее – ИГО), основанное на идеях социального партнерства. Экспертами Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ на современном этапе отмечается отсутствие единых правил и технологий оценки степени вовлеченности ИГО в антикоррупционную деятельность, вследствие чего наблюдается имитация обратной связи между государством и обществом. Для преодоления данной проблемы предлагается определить цели взаимодействия (как условие, обеспечивающее минимизацию коррупционных факторов в системе общественных отношений); единые правила и алгоритм взаимодействия представителей гражданского общества и государства с помощью правовых и организационных мер, структурные элементы, входящие в состав механизма взаимодействия; предусмотреть технологии оценки степени вовлеченности ИГО; выделить направления, которые должны использоваться при развитии каналов обратной связи между государством и обществом [1, с. 184].

Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года» (далее – Стратегия)² высокий уровень коррупции в экономической сфере отнесен к основным вызовам и угрозам экономической безопасности. Стратегия предусматривает обеспечение экономической безопасности органами государственной власти во взаимодействии с ИГО путем реализации комплекса политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие вызовам и угрозам экономической безопасности.

Под партнерством ОВД и ИГО в области противодействия проявлениям коррупции следует понимать основанную на нормативных правовых актах согласованную, совместную деятельность не подчиненных друг другу акторов, ориентирован-

ных на достижение общих задач противостояния коррупционной преступности, ликвидации причин и условий, ее порождающих, с минимизацией негативных последствий коррупции.

Решение задач по обеспечению экономической безопасности органами внутренних дел совместно с ИГО строится на основе принципа взаимодействия и сотрудничества, сформулированного в ст. 10 Федерального закона РФ «О полиции»³.

Обзор литературы

Исследованием принципов управления органами внутренних дел, в том числе принципов организации взаимодействия, в различные периоды занимались Р.Р. Алиуллов, В.Г. Афанасьев, В.З. Веселый и др. В своих трудах указанные ученые едины во мнении, что при организации взаимодействия возникает необходимость в наличии такого инструмента, который в качестве удобного и простого средства мог бы определить оптимальную структуру организационного построения, обоснованность и реальность поставленной цели, выявить формы, способы и методы деятельности управленческого органа. В качестве такого инструмента как основного начала в процессе организации взаимодействия выступают его принципы.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют философские, общенаучные и частнонаучные методы научного познания, среди которых диалектический метод познания в сочетании с системным и формально-юридическим анализом, результаты исследования научных трудов по социальному управлению, нормативных правовых актов, составляющих антикоррупционное законодательство.

Результаты исследования

Отечественными учеными выделены основополагающие принципы и различные подходы к их систематизации, касающиеся взаимоотношений государственных и гражданских образований. Руководство правилами, не прошедшими испытание практикой, «сводит любые предпринимаемые меры предупреждения коррупции, <...> по борьбе с ней к утрате их возможной системности» [2, с. 86].

Исследование принципов организации взаимодействия ОВД и ИГО невозможно без рассмотрения общих принципов управления, которые наиболее точно определил Р.Р. Алиуллов как объективно обусловленные, нормативные, являющиеся отражением законов и закономерностей управления и закрепленные в нормативных правовых актах руководящие правила и нормы поведения субъектов

¹ О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

² О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

³ О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

управления, в соответствии с которыми должен формироваться и развиваться механизм управления [3, с. 31]. Рассматриваемые принципы едины, взаимосвязаны и образуют стройную систему, определяя структурно-функциональное единство, неразрывность управленческого процесса. Отправным моментом, определяющим структурно-функциональную двойственность организационных принципов, является объективная зависимость структуры организации от выполняемых функций.

В ходе исследования мы, руководствуясь общеизвестными принципами теории социального управления, разделили принципы организации взаимодействия ОВД и ИГО в сфере противодействия коррупции на две группы: общие и специальные.

Общие принципы характеризуют сущностное предназначение рассматриваемого взаимодействия и его организационное структурирование.

Принцип научной обоснованности. Организацию взаимодействия можно считать научной лишь в случае, когда она основывается на практическом использовании объективных законов и закономерностей общественного развития с учетом специфики условий. Совместная деятельность строится на основе подготовки и принятия решений с учетом анализа ситуации и прогнозирования их последствий. Организация и оптимизация взаимодействия должна основываться на современных достижениях науки и информационных технологий, что обусловлено необходимостью использования возможностей информационно-телекоммуникационных систем, позволяющих действовать быстро, оперативно, с экономией времени и ресурсов, используя достоверные данные и объективную информацию.

Принцип плановости является важнейшим в организации совместной деятельности, при которой определяются юридические полномочия участников взаимодействия. Сущность плановости состоит в согласованной разработке системы взаимосвязанных действий, организации их выполнения, налаживания учета и контроля для обеспечения единства совместной деятельности при решении поставленных задач. Творческий подход в реализации этого принципа дает возможность решения нестандартных сложных ситуаций.

Принцип законности заключается в соблюдении действующих нормативных правовых актов. Функциональная значимость данного принципа в социальном управлении рассматривается как основополагающее начало управления различными сферами общественной жизни. Взаимодействующие субъекты должны руководствоваться законодательством и не нарушать его.

Полномочность. Осуществление взаимодействия возможно только в пределах предоставлен-

ных субъектам нормативно-определенных полномочий при четком их разграничении между ОВД и ИГО. Объективно взаимодействие несет организационный характер, но регулируется нормами права и должно соответствовать компетенции субъектов на основании нормативных правовых актов, регулирующих их деятельность. Подразумевает деятельность с использованием сил и средств, форм и методов, предусмотренных полномочиями сторон.

Принцип единства задач и целей воплощается в едином понимании замысла совместной деятельности, защищаемых интересов, социальных ценностей взаимодействующими сторонами, выработки чувства сопричастности к общей работе, единых взглядов к ожидаемым результатам и путей их достижения, выработке новых подходов к профессиональной подготовке субъектов, форм и методов объединения усилий.

Принцип целевой направленности. Необходимым составляющим единого процесса совместной работы является формирование системы управления, ориентированной на результат, цели и задачи которой должны быть идентичны для взаимодействующих сторон. Субъекты взаимодействия должны четко и ясно знать цель взаимодействия и каждого совместного шага, решать общую проблему, стоящую в данный момент перед ОВД и обществом.

Принцип общности интересов сторон взаимодействия основывается на единстве социальной роли ОВД и ИГО в жизни общества. В целях прогнозирования, согласования и целенаправленности совместных действий требуется единство и совместимость субъектов взаимодействия, т.е. общность их интересов. Организация взаимодействия ОВД и ИГО подразумевает поиск общих направлений сближения точек зрения. Общие интересы выступают в качестве постулата, обосновывающего сам процесс взаимодействия.

Принцип взаимной заинтересованности проявляется в объективной необходимости объединения усилий ОВД и ИГО, дополнении тех возможностей сторон, которые могут эффективно противодействовать коррупции. ОВД могут использовать нереализованный потенциал общественности, а гражданское общество – находить поддержку и защиту социальных интересов в условиях взаимного доверия сторон взаимодействия.

Принцип равенства (паритетности) является важным условием процесса взаимодействия, подразумевающим отсутствие подчиненности друг другу сторон, действующих совместно, на равных правах. Это означает, что каждой из взаимодействующих сторон предоставлена самостоятельность в выборе дозволенных законом форм и методов деятельности, дополняемая полной

ответственностью за их результаты. Взаимодействие не должно приводить к соперничеству и тем более к подмене одного субъекта другим.

Принцип адаптивности (гибкости) организации взаимодействия подразумевает наличие устойчивой и гибкой организационной управленческой структуры, применение современных социальных технологий управления. Это означает приспособляемость рассматриваемой структуры к изменяющимся внешним факторам: социальным, экономическим, политическим и иным. При такой организации взаимодействия сокращаются сроки рассмотрения вопросов, подготовки, согласования и разработки управленческих решений, обеспечивается оперативность и гибкость управления.

Принцип оптимальности позволяет наделить совместную деятельность стабильным, целостным характером, обеспечить разумное сочетание сил и средств, единство замыслов, целей и задач. Предполагает учет компетенции и состояния субъектов взаимодействия, возможности привлечения дополнительных сил (экспертов, специалистов) и средств (информационных и социальных технологий), их гармоничное сочетание при решении совместных задач, а также обеспечения совместных действий необходимыми ресурсами с учетом условий их проведения.

Специальные принципы формируют основы функционирования механизма взаимодействия, их предназначение в содержательном описании отношений и взаимосвязей, определяющих наиболее рациональный выбор приоритетов, целей и задач в исследуемой сфере.

Принцип систематичности и непрерывности основывается на долгосрочной совместной деятельности, организации контроля воплощения совместно принятых решений с выводом об эффективности их выполнения. Рассматривается как ведущий принцип, так как определяет содержание других принципов взаимодействия, расставляет акценты в основах организации взаимодействия и подходах к оценке его результативности, обеспечивает оптимизацию взаимодействия, учет и анализ положительного и отрицательного опыта, привлечение необходимых специалистов.

Принцип комплексности и системности основывается на выработке и воплощении общих мероприятий с учетом того, что коррупция – проблема, требующая своевременного и незамедлительного реагирования с применением метода прогнозирования. Комплексность подразумевает понятие «противодействие», включающее профилактику, борьбу и минимизацию последствий коррупции.

Приоритет применения предупредительных мер ориентирован на недопущение нерациональ-

ного использования возможностей взаимодействующих сил. Реализация рассматриваемого принципа предполагает оптимизацию антикоррупционного законодательства, исключение коррупционности норм права и обоснованность правоприменения.

Суть *принципа коллегиальности в выработке и принятии совместных решений* заключается в формировании каналов коммуникации с представителями ИГО по вопросам противодействия коррупции и каналов обратной связи. ИГО выступают активными социальными образованиями, объединяющими активных представителей социума, которые выражают инициативу в решении волнующих общество проблем.

Принцип социального партнерства предполагает осуществление нормативно закреплённого, добровольного и рационального сотрудничества сторон, выразивших стремление к объединению усилий. Этот принцип следует рассматривать как самостоятельное правило, так и рекомендацию для применения других принципов, способствующих интеграции усилий участников, направленных на достижение социально значимых результатов.

Принцип взаимной ответственности формирует взаимоотношения участников взаимодействия по реализации нормативно-определённых прав и обязанностей при организации совместной деятельности. Реализация данного принципа обеспечивает гармонию взаимоотношений, баланс интересов сторон и гарантию правового русла отношений. Несоблюдение же его выступает предпосылкой возникновения социальной несправедливости, влекущей появление конфликтов интересов.

Обсуждение и заключения

Принципы организации взаимодействия ОВД и ИГО в сфере противодействия коррупции сформулированы на основе конституционных положений, характеризуются превентивным антикоррупционным содержанием, способствуют сокращению коррупционных возможностей, выявлению коррупционных правонарушений, развивают идею сотрудничества и предоставляют возможность гражданскому обществу включиться в процесс противодействия коррупции и содействия в реализации государственной антикоррупционной политики.

Существует мнение, что принцип становится таковым только после его закрепления в нормативном акте [4, с. 78]. Многие принципы не закреплёны в нормативных правовых актах в силу их непознанности [5, с. 74]. Отсутствие четко сформулированных принципов взаимодействия – основных правил, которыми руководствуются в деятельности руководители и сотрудники, – порождает субъективный подход к организации про-

цесса взаимодействия.

Таким образом, систематизация и раскрытие принципов организации взаимодействия ОВД и ИГО в сфере противодействия коррупции способствует:

формированию эффективного организационно-правового механизма взаимодействия ОВД и ИГО в сфере противодействия коррупции;

решению вопросов оценки как деятельности ОВД, так и совместной деятельности с ИГО;

повышению уровня доверия граждан ОВД в вопросах защиты собственных законных прав и интересов;

развитию существующих и созданию новых форм взаимодействия ОВД с гражданским обществом; активизации процессов самоорганизации гражданского общества и развития общественного контроля в сфере деятельности ОВД;

улучшению качества оказываемых населению государственных услуг в области правоохраны и безопасности жизни граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Противодействие коррупции: новые вызовы: монография / С.Б. Иванов, Т.Я. Хабриева, Ю.А. Чиханчин [и др.]; отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2016. 376 с.
2. Астанин В.В. Борьба с коррупцией в России XVI-XX веков: развитие системного подхода. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. 92 с.
3. Алиуллов Р.Р. Механизм управления органами внутренних дел (вопросы теории, методологии и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2004.
4. Павличенко Н.В. Правовые и теоретические проблемы обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности: монография. М.: Амалданик, 2016. - 185 с.
5. Алиуллов Р.Р., Саетгараев В.Ф. Сущность и основные принципы взаимодействия подразделений полиции в сфере реализации оперативно-служебных задач // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2(20).

REFERENCES

1. Protivodejstvie korrupcii: novye vyzovy: monografiya / S.B. Ivanov, T.YA. Habrieva, YU.A. CHihanchin [i dr.]; отв. red. T.YA. Habrieva. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: INFRA-M, 2016. 376 s.
2. Astanin V.V. Bor'ba s korrupciej v Rossii XVI-XX vekov: razvitie sistemnogo podhoda. M.: Rossijskaya krimi-nologicheskaya associaciya, 2003. 92 s.
3. Aliullov R.R. Mekhanizm upravleniya organami vnutrennih del (voprosy teorii, metodologii i praktiki): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2004.
4. Pavlichenko N.V. Pravovye i teoreticheskie problemy obespecheniya neglasnosti v operativno-rozysknoj deya-tel'nosti: monografiya. M.: Amaldanik, 2016. - 185 s.
5. Aliullov R.R., Saetgaraev V.F. Sushchnost' i osnovnye principy vzaimodejstviya podrazdelenij policii v sfere real-izacii operativno-sluzhebnyh zadach // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2015. № 2(20).

Об авторе: Саетгараев Вильсур Фирдавиевич, преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности Казанского юридического института МВД России

e-mail: vilson78@list.ru

© Саетгараев В.Ф. 2019.

Статья получена: 10.12.2018. Статья принята к публикации: 20.03.2018.

Статья опубликована онлайн: 25.03.2019.

About the author: Sayetgarayev Vilsur F., teacher of investigative activities department of Kazan Law Institute of MIA of Russia

e-mail: vilson78@list.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

М.В. Гусарова

**КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СЕКСУАЛЬНОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ ВИРТУАЛЬНО**

**QUALIFICATION OF VIRTUAL CRIMES BASED
ON SEXUAL ORIENTATION**

Введение: в статье исследуются особенности квалификации преступлений сексуального характера, предусмотренных главами 18 и 25 Уголовного кодекса РФ, совершенных виртуально, то есть посредством использования информативно-коммуникативной сети Интернет, в отсутствие непосредственного контакта между виновным лицом и конкретным (или потенциальным) потерпевшем. Отдельно рассмотрены дискуссионные вопросы разграничения ответственности за совершение незаконных виртуальных действий сексуальной направленности между статьями 132 «Насильственные действия сексуального характера» и 135 «Развратные действия» УК РФ. Исследованы вопросы о необходимости дополнительной квалификации рассматриваемых действий по нормам главы 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Материалы и методы: в работе использовались логический, системно-структурный и статистический методы. Материалами исследования послужили нормы уголовного законодательства Российской Федерации и зарубежных стран, положения постановлений Пленума Верховного Суда РФ, научная литература.

Результаты исследования: в статье дана характеристика действий сексуальной направленности, совершенных виртуально. Исследованы особенности квалификации указанных действий, определены критерии разграничения норм глав 18 и 25 Уголовного кодекса РФ при квалификации виртуальных действий сексуальной направленности.

Обсуждение и заключения: в целях совершенствования эффективной и единой правоприменительной практики выработаны критерии квалификации виртуальных действий сексуальной направленности: недостижение потерпевшим двенадцатилетнего возраста; осуществление указанных действий с применением насилия в отношении потерпевшего.

Ключевые слова: преступления против половой свободы, преступления против половой неприкосновенности; распространение порнографических материалов; распространение порнографических предметов; виртуальные преступления; бесконтактные преступления

Для цитирования: Гусарова М.В. Квалификация преступлений сексуальной направленности, совершенных виртуально // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 1. С. . DOI:

Introduction: the article examines the features of the qualification of the crimes of a sexual nature available under chapters 18 and 25 of the Criminal Code of the Russian Federation, committed virtually, that is, through the use of information and communication technology Internet without direct contact between a perpetrator and a specific (or potential) victim. The issues of the allocation of responsibility for virtual crimes based on sexual orientation between the Articles 132 "Sexual Assault" and 135 "Sexual Abuse" of the Criminal Code of the Russian Federation were viewed separately. The questions of necessity of additional qualification of the considered actions according to the norms of chapter 25 "Crimes Against Public Health and Public Morality" were investigated.

Materials and Methods: logical, system-structural and statistical methods were used. The materials of the study were the norms of criminal legislation of the Russian Federation and foreign countries, the provisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, scientific literature.

Results: the article describes the characteristics of sexual acts committed virtually. Features of the qualification of the given actions were investigated, criteria of differentiation of norms of the chapters 18 and 25 of the Criminal Code of the Russian Federation in categorizing the actions of virtual crimes based on sexual orientation were defined.

Discussion and Conclusions: in order to improve effective and uniform law enforcement practice, criteria for the qualification of virtual actions of sexual orientation have been developed: victims of less than twelve

years old; the implementation of these actions with the use of violence against a victim.

Key words: crimes against sexual freedom and sexual inviolability of the person; distribution of pornographic materials or objects; virtual actions of sexual nature, non-contact crimes

For citation: Gusarova M.V. Qualification of virtual crimes based on sexual orientation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 1. P. . DOI:

Введение

Нормы о преступлениях сексуального характера в отечественном законодательстве неоднократно подвергались изменению. Некоторые из них существенно изменили критерии разграничения юрисдикции норм главы 18 УК РФ. В частности, появление примечания к статье 131 УК РФ, согласно которому лица до двенадцати лет считаются находящимися в беспомощном состоянии, привело к изменению спектра деяний, регулируемых статьями 132 и 135 УК РФ. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость дальнейшего теоретического осмысления норм о преступлениях сексуального характера, а также разработки рекомендаций по совершенствованию отдельных аспектов квалификации рассматриваемых деяний. Увеличение количества совершения так называемых бесконтактных (виртуальных) преступлений влечет необходимость выработки четкой правовой регламентации указанных действий.

Обзор литературы

В юридической литературе проблемам уголовного противодействия сексуальным посягательствам посвящены фундаментальные труды таких ученых, как А.Ю. Антонян, Н.А. Исаев, А.Г. Кибальник, С.Д. Цэнгэл, А.М. Яковлев, П.С. Яни и др.

Исследованием преступлений сексуальной направленности на диссертационном уровне занимались такие авторы, как О.В. Бесчастнова, А.П. Дьяченко, А.А. Игнатова, Л.В. Логинова, А.Д. Оберемченко, Н.В. Тыдыкова, С.Д. Цэнгэл.

Материалы и методы

Методологическую основу данного исследования составляет совокупность философских, общенаучных и частнонаучных методов научного познания, среди которых диалектический метод познания в сочетании со сравнительно-правовым и системно-структурным. Материалами исследования послужили нормы уголовного законодательства Российской Федерации, положения постановлений Пленума Верховного Суда РФ, научная литература.

Результаты исследования

Преступления сексуального характера образуются деяниями, содержащимися в главе 18 Уголовного кодекса РФ «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности», и деяниями, сопряженными с проституцией и порнографией (статьи 240-242 главы 25 УК РФ).

Значительная часть указанных деяний в настоящее время совершается виртуально.

Отсутствие возможности четкого регулирования содержащейся в Интернете информации упростило распространение порнографической продукции и существенно расширило границы преступлений, предусмотренных статьями 132 «Насильственные действия сексуального характера» УК РФ и 135 «Развратные действия» УК РФ. Мониторинг показал, что каждый пятый ребенок, проводящий время в on-line чатах, подвергается сексуальному домогательству, а 70% преступников, осужденных по преступлениям, связанным с сексуальной эксплуатацией детей, использовали в своих намерениях Интернет [1, с. 67-68].

Интернет-пространство позволило лицам, не занимающимся первичным изготовлением порнографической продукции, копировать данные материалы и легко распространять их при помощи сети Интернет. Вслед за увеличением числа преступлений, сопряженных с порнографической продукцией и совершенных посредством сети Интернет, значительное распространение получили виртуальные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 4 декабря 2014 г. прямо указано, что развратными действиями признаются также действия, при которых у виновного отсутствовал непосредственный контакт с телом потерпевшего, включая действия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Таким образом, в настоящее время развратные действия могут носить виртуальный характер, в том числе характеризоваться значительной удаленностью преступника и жертвы друг от друга. В специальной литературе содержатся мнения, разделяющие обоснованность указанного положения Пленума Верховного Суда РФ в связи с причинением равного вреда от развратных действий в отношении ребенка через виртуальную или иную среду [2, с. 21].

Помимо квалификации развратных действий собственно по статье 135 УК РФ, часть из них при определенных условиях составляет юрисдикцию статьи 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера». Критериями разграничения действий по нормам, содержащимся в статьях 135 и 132 УК РФ, являются: 1) возраст потерпевшего; 2) наличие в действиях виновного лица насилия.

Согласно примечанию к статье 131 УК РФ, вступившего в силу на основании Федерального закона от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ, лица, находящиеся в возрасте до двенадцати лет, приравниваются к лицам, находящимся в беспомощном состоянии. Соответственно, если порнографическая продукция или иные материалы, содержание которых соответствует определению развратных, адресованы лицу, не достигшему двенадцатилетнего возраста, деяние относится к норме, предусмотренной статьей 132 УК РФ. Так, *Х. признан виновным в совершении 26 эпизодов преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ; 25 эпизодов преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ; в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 135 УК РФ и ст. 319 УК РФ. Указанные деяния совершены при следующих обстоятельствах. Х., достигший восемнадцатилетнего возраста, используя технические средства, через свою страницу в социальной сети «ВКонтакте», вступил в переписку с С., не достигшей двенадцатилетнего возраста, и вел с потерпевшей циничные разговоры на сексуальные темы, направлял ей текстовые сообщения, побуждающие к действиям сексуального характера, и видеоматериалы порнографического характера. Аналогичные деяния совершены виновным и в отношении иных потерпевших¹.*

Таким образом, в настоящее время виртуальные развратные действия, совершенные в отношении лица, находящегося в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет, следует квалифицировать по статье 135 «Развратные действия» УК РФ. В свою очередь аналогичные действия, совершенные в отношении лица, находящегося в возрасте до двенадцати лет, составляют категорию насильственных действий сексуального характера и подлежат квалификации по статье 132 УК РФ.

С точки зрения содержания действующих норм разграничение виртуальных развратных действий не вызывает сложностей и подлежит квалификации по статьям 132 или 135 УК РФ в зависимости от достижения (недостижения) возраста двенадцати лет. В указанном контексте следует отметить, что с момента появления примечания к статье 131 УК РФ, содержащего положение о приравнивании статуса лиц в возрасте до двенадцати лет к беспомощному состоянию, указанная позиция законодателя критикуется различными авторами. Так, Н. Скрипченко полагает, что данная позиция опровержима и на практике не исключены случаи, когда лицо, достигшее двенадцати лет, не может понимать характера совершаемых с ним действий; при этом необходимо и доказывать осознание виновным того, что достиг-

шее двенадцатилетнего возраста лицо неадекватно оценивало совершаемые с ним действия [3, с. 61].

Л. Лобанова также признает уголовно-правовую оценку развратных действий, совершенных в отношении детей, не достигших двенадцатилетнего возраста, путем использования юридической фикции (в силу примечания к статье 131 УК РФ), объявляя данное лицо находящимся в беспомощном состоянии, «не вполне удачной» [4, с. 71].

Наша позиция в указанном аспекте состоит также в определенной критике рассмотренного положения примечания к статье 131 УК РФ в силу значительных различий объективных признаков норм, предусмотренных статьями 132 и 135 УК РФ.

Сложнее обстоит дело с квалификацией виртуальных действий в вопросе разграничения норм, предусмотренных статьями 132 и 135 УК РФ, с позиции применения насилия. Норма о развратных действиях содержит уточнение «без применения насилия».

Соответственно, исходя из буквального толкования уголовного закона, насильственные развратные действия составляют категорию насильственных действий сексуального характера и подлежат квалификации по статье 132 УК РФ. Аналогичную позицию высказывает П.С. Яни, хотя с некоторыми оговорками: «Не должна создавать проблем квалификация по ст. 132 УК РФ развратных действий с применением насилия <...>, когда деяние состояло в совершении развратных действий физического характера» [5, с. 18]. Соответственно, интеллектуальные развратные действия с применением насилия (например, насильственная трансляция потерпевшему порнографических материалов) не могут однозначно быть расценены как деяние, составляющее статью 132 «Насильственные действия сексуального характера» УК РФ. Таким образом, под юрисдикцию статьи 132 УК РФ попадают не все интеллектуальные развратные действия, совершенные с применением насилия, угрозой его применения или использования беспомощного состояния потерпевшего. Вопрос об их отнесении к статье 132 УК РФ должен решаться в зависимости от конкретных обстоятельств. Так, например, не подлежат квалификации по статье 132 УК РФ действия, которые не осознаются потерпевшим лицом в качестве сексуальных (постыдных, интимных) в силу его нахождения в состоянии сна или малолетнего возраста. Физические развратные действия, совершенные с применением насилия, угрозой его применения или использованием беспомощного состояния потерпевшего, составляют объективную сторону статьи 132 УК РФ.

Иной позиции придерживаются такие авторы, как В. Конюхин, А. Оберемченко. По их мнению,

¹ Архив Нижнекамского городского суда Республики Татарстан, дело № 1-16/16.

насильственная демонстрация лицу, не достигшему шестнадцатилетнего возраста, порнографического фильма не может быть квалифицирована ни по статье 135 УК РФ, ни по какой либо иной статье УК РФ. Указанная ситуация считается правовым пробелом и может быть устранена путем исключения из диспозиции части 1 статьи 135 УК РФ признака «без применения насилия». Визуальные и вербальные контакты не должны признаваться иными действиями сексуального характера в контексте ст. 132 УК РФ [6, с. 37, 40].

В рамках рассмотрения проблемы квалификации виртуальных действий сексуального характера возникает вопрос: могут ли данные действия при определенных условиях (например, наличие угрозы применения физического насилия) составлять юрисдикцию статьи 132 УК РФ? Полагаем, что в настоящее время в условиях отсутствия в диспозиции статьи 135 УК РФ указания на признак «без применения насилия» – могут. Вместе с тем в науке данный вопрос не освещен, отсутствует и единая практика применения норм уголовного закона в этой части. В настоящее время необходимо выработать единые критерии квалификации виртуальных действий сексуального характера.

Следует отметить также, что на практике отсутствует и единство мнений при квалификации виртуальных (цифровых) деяний против половой неприкосновенности и половой свободы личности в решении вопроса о необходимости дополнительной квалификации по статьям против общественной нравственности. Так, в период с 28 февраля по 29 марта 2013 года И. посредством использования глобальной сети «Интернет» и социального сайта «ВКонтакте» вступил в переписку на сексуальные темы с Н., достигший двенадцатилетнего возраста, но не достигшей четырнадцатилетнего возраста. Далее И., используя глобальную сеть «Интернет» и сайт «ВКонтакте», отправил в адрес Н. файл с натуралистическим изображением полового органа, относящийся к порнографическим материалам. Помимо этого, И. в указанный период времени посредством сети «Интернет» путем психологического воздействия склонил Н. к созданию интимных фото собственного тела и последующей отправке их виновному. Таким образом, действия И. были квалифицированы по части 2 статьи 135, пункту «б» части 3 статьи 242, пунктам «в, г» части 2 статьи 242² УК РФ. Приговор обжалован осужденным И. в части незаконности и необоснованности выводов о совершении им преступления, предусмотренного пунктами

«в, г» части 2 статьи 242² УК РФ, так как Н. при отсутствии желания могла не создавать и не отправлять И. свои интимные фото. По результатам рассмотрения этой жалобы приговор оставлен без изменения, жалоба – без удовлетворения¹.

В аналогичном случае суд счел квалификацию действий виновного по статье 242 УК РФ излишне вмененной. Так, в период с 15 по 16 декабря 2012 года М., достигший восемнадцатилетнего возраста, находясь у себя дома, посредством использования глобальной сети «Интернет» и социального сайта «ВКонтакте», вступил в переписку с А., не достигший двенадцатилетнего возраста, и совершил в отношении нее иные действия сексуального характера, выразившиеся в неоднократном направлении в адрес потерпевшей текстовых сообщений, описывающих сферу половых отношений в грубой и циничной форме, а также файлов с фотоизображениями половых органов, относящихся к порнографическим материалам. По результатам предварительного следствия М. обвинялся в совершении двух преступлений, предусмотренных пунктом «б» части 4 статьи 132 УК РФ, и четырех преступлений, предусмотренных пунктом «б» части 3 статьи 242 УК РФ. Суд, исследовав материалы уголовного дела, пришел к выводу, что дополнительная юридическая квалификация по пункту «б» части 3 статьи 242 УК РФ как распространение порнографических материалов среди несовершеннолетних с использованием телекоммуникационной сети «Интернет» подлежит исключению из обвинения как излишне вмененная. Кроме того, исходя из единого умысла М., направленного на достижение единой цели, суд счел необходимым квалифицировать действия подсудимого по пункту «б» части 4 статьи 132 УК РФ как единое продолжаемое преступление².

Таким образом, в аналогичных случаях суды по-разному решают вопрос о необходимости дополнительной квалификации виртуальных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности по статьям о преступлениях против общественной нравственности (статьи 242-242.2 УК РФ). Вместе с тем, по нашему убеждению, при квалификации виртуальных сексуальных действий по статьям 132 (135) УК РФ необходима дополнительная квалификация по статьям 240-242.2 УК РФ.

Обсуждение и заключения

Рассмотрение заявленной темы позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Квалификация виртуальных действий сексуальной направленности в отношении конкретного

¹ Архив Московского городского суда, дело № 10-8373.

² Архив Московского городского суда, дело № 2-11/14.

потерпевшего в настоящее время возможна по статьям 135 и 132 УК РФ.

2. Критериями квалификации виртуальных действий сексуальной направленности в отношении потерпевшего по статье 132 УК РФ являются: а) недостижение потерпевшим двенадцатилетнего возраста; б) осуществление указанных действий с применением насилия в отношении потерпевшего.

Вместе с тем при квалификации виртуальных действий сексуальной направленности по статье 132 УК РФ в связи с применением насилия необходимо тщательно рассматривать наличие объективных характеристик каждого совершенного деяния. Ввиду отсутствия реальных критериев для отнесения рассматриваемого деяния к статье 132 УК РФ по признаку применения насилия вопрос о

наличии признаков состава решается в зависимости от наличия совокупных объективных признаков преступления.

3. В случае если содержание отправленного адресату сообщения сексуальной направленности соответствует признакам порнографии, содеянное, помимо деяния, предусмотренного статьей 135 (или 132) УК РФ, подлежит дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против общественной нравственности (статьи 242-242.2 УК РФ).

4. Полагаем необходимой дальнейшую корректировку примечания к статье 131 УК РФ, поскольку безусловное признание лица, находящегося в возрасте до двенадцати лет, беспомощным влечет некорректное смещение юрисдикции норм главы 18 Уголовного кодекса РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бесчастнова О.В. Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (уголовно-правовой аспект): дис... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 210 с.
2. Безверхов А. О некоторых вопросах квалификации насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Уголовное право. 2014. №5. С. 21.
3. Скрипченко Н. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Уголовное право. 2015. № 2. С. 57-62.
4. Лобанова Л. О резервном значении ст. 135 УК РФ // Уголовное право. 2014. № 5. С. 69-71.
5. Яни П.С. Вопросы квалификации половых преступлений // Законность. 2013. № 5. С. 16-21.
6. Коняхин В., Обремченко А. Квалификация развратных действий в условиях применения к потерпевшему насилия или использования его беспомощного состояния // Уголовное право. 2014. № 2. С. 37-41.

REFERENCES

1. Beschastnova O.V. Izgotovlenie i oborot materialov ili predmetov s pornograficheskimi izobrazheniyami nesovershennoletnih (ugolovno-pravovoj aspekt): dis... kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2008. 210 s.
2. Bezverhov A. O nekotoryh voprosah kvalifikacii nasil'stvennyh prestuplenij protiv polovoj neprikosnovennosti i polovoj svobody lichnosti // Ugolovnoe pravo. 2014. №5. S. 21.
3. Skripchenko N. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 4 dekabrya 2014 g. № 16 "O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyah protiv polovoj neprikosnovennosti i polovoj svobody lichnosti" // Ugolovnoe pravo. 2015. № 2. S. 57-62.
4. Lobanova L. O rezervnom znachenii st. 135 UK RF // Ugolovnoe pravo. 2014. № 5. S. 69-71.
5. YAni P.S. Voprosy kvalifikacii polovyh prestuplenij // Zakonnost'. 2013. № 5. S. 16-21.
6. Konyahin V., Obremchenko A. Kvalifikaciya razvratnyh dejstvij v usloviyah primeneniya k poterpevshemu nasiliya ili ispol'zovaniya ego bespomoshchnogo sostoyaniya // Ugolovnoe pravo. 2014. № 2. S. 37-41.

Об авторе: Гусарова Мария Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России

e-mail: rr-maria@mail.ru

© Гусарова М.В., 2019.

Статья получена: 15.02.2019. Статья принята к публикации: 20.03.2019.

Статья опубликована онлайн: 25.03.2019.

About the author: Gusarova Mariya V., Candidate of Juridical Sciences (Research Doctorate), Associate Professor of Criminal Procedure of Kazan Law Institute of MIA of Russia

e-mail: rr-maria@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.2/.7

DOI:

А.М. Каримов

**МОДЕЛЬ ПООЩРЯЕМОГО ПОВЕДЕНИЯ
В ПОЛОЖЕНИИ СТАТЬИ 76.2 УК РФ
И ОСПОРИМОСТЬ НАИМЕНОВАНИЯ НОРМЫ**

**THE MODEL OF SUPPORTIVE BEHAVIOR IN ARTICLE 76.2.
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND VOIDABILITY OF THE NAME OF THE NORM**

Введение: в статье рассмотрены особенности возмещения ущерба и заглаживания преступного вреда иным образом как основания поощрения с назначением судебного штрафа.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составила совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания: диалектический, догматический, семантический, формально-логический методы, а также методы анализа и синтеза. Материалом исследования послужили современное уголовное, уголовно-процессуальное законодательства, практика применения норм об освобождении от уголовной ответственности, проект Федерального закона от 31 октября 2017 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», юридическая литература.

Результаты исследования: сформулированы предложения по приведению наименования нормы в соответствие с традициями изложения поощрительных норм в главе 11 Уголовного кодекса РФ (УК РФ). Также внесены предложения по разъяснению содержания призыва к позитивному посткриминальному поведению в виде заглаживания преступного вреда, причиненного интересам общества и государства.

Обсуждение и заключения: выявлен ряд проблем, возникающих в ходе рассмотрения вопроса о возможности освобождения виновного с назначением судебного штрафа, в правоприменительной практике. Обоснована необходимость разъяснения положения пункта 2.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», а также пересмотра названия статьи 76.2. УК РФ.

Ключевые слова: поощрение, модель поведения, призыв, заглаживание вреда, судебный штраф

Для цитирования: Каримов А.М. Модель поощряемого поведения в положении статьи 76.2 УК РФ и оспоримость наименования нормы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 1. С. . DOI:

Introduction: the article discusses features of compensation of damage in a different way as a cause for promoting with court fine.

Materials and Methods: the methodological basis of the study is a combination of general scientific and particular scientific methods of cognition: dialectical, dogmatic, semantic, formal logical, methods of analysis and synthesis. The materials were current criminal and criminal procedure laws, use of norms of release from liability, the draft of the Federal Law dated October 31, 2017 “On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Criminal Procedural Code of the Russian Federation due to the introduction of the concept of criminal offence” legal texts.

Results: proposals were formulated to bring the name of the norm in line with the traditions of presentation of incentive norms of chapter 11 of the Criminal Code. Proposals were made to clarify the content of the appeal to positive post-criminal behavior in the form of mitigating criminal harm caused to the interests of society and the state.

Discussion and Conclusions: challenges were identified in consideration of the issue of the possibility of release of guilty with the appointment of a judicial fine in law enforcement practice. The necessity of clarifying the provisions of the paragraph 2.1. of the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013 N 19 “On the application by courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability” as well as the revision of the title of Article 76.2. of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: promotion, model of behavior, conscription, compensation for harm, judicial penalty

For citation: Karimov A.M. The model of supportive behavior in article 76.2. of the Criminal Code of the Russian Federation and voidability of the name of the norm // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 1. P. . DOI:

Введение

Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ в Уголовный кодекс РФ были добавлены глава 15.2 «Судебный штраф» и статья 76.2 «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа». С законотворческой инициативой о принятии данного акта выступил Верховный Суд РФ. Свое предложение высший судебный орган мотивировал большим количеством лиц, осужденных за совершение преступлений небольшой и средней тяжести. «Между тем нередко деяния, квалифицируемые как преступления небольшой тяжести, либо лица, их совершившие, не обладают достаточной степенью общественной опасности. При этом отрицательные последствия судимости (причем не только для самого осужденного, но и для его близких родственников) несоразмерны и не вполне адекватны характеру преступлений небольшой и средней тяжести и личности осужденного»¹. В целях устранения обозначенной коллизии проектом было предложено новое основание освобождения от уголовной ответственности – в связи с применением иных мер уголовно-правового характера. В качестве таковых предлагалось «применять некоторые виды наказаний, не связанные с изоляцией осужденного от общества, а именно: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы и исправительные работы»². Все обозначенные уголовно-правовые меры, за исключением судебного штрафа, в ходе сложного парламентского прохождения Федерального закона от 03.07.2016 № 323-ФЗ из его текста были исключены [1]. Однако разработчики законопроекта спустя 2 года вновь включили иные меры уголовно-правового характера в виде исправительных и обязательных работ в новый инициативный документ – проект

федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2017 № 42).

За 12 месяцев 2017 года судебные решения по уголовным делам были вынесены в отношении 903,5 тысяч человек. В отношении 195,6 тысяч лиц (21,7 %) уголовные дела были прекращены по нереабилитирующим основаниям. Из них 10,4 % были освобождены от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа³.

Обзор литературы

Правовую базу исследования составили Конституция Российской Федерации, действующее уголовное законодательство РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»⁴, от 31.07.2015 № 37 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности», от 31.10.2017 № 42 «О внесении в Государственную

¹ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.07.2015 № 37: документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.03.2019).

² Там же.

³ Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 12 месяцев 2017 года. Судебный департамент при ВС РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/Statisticheskij_obzor_po_sudimosti_2017.pdf (дата обращения: 20.11.2018).

⁴ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (в ред. ППВС от 15.11.2016 № 48, от 25.11.2016 № 56): документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2019).

Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»¹.

Выявить особенности института судебного штрафа, моделей поощряемого поведения в уголовном праве позволили работы И.А. Тарханова [10], И.Э. Звечаровского [2], Л.В. Головки [1,3], С.В. Анощенковой [4], Е.В. Смирновой [5], Г.А. Трофимова [6], В.И. Решетняка [7], Н.Ю. Скрипченко [8], В.А. Вдовина [9].

Материалы и методы

Основу исследования составили Уголовный кодекс РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19, от 31.10.2017 № 42, от 31.07.2015 № 37, от 22.12.2015 № 58, материалы правоприменительной практики, монографии, научные публикации, касающиеся вопросов уголовно-правового поощрения, в частности, при применении статьи 76.2 УК РФ. Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания, среди которых диалектический, семантический, статистический, системно-структурный методы научного исследования.

Результаты исследования

Согласно статье 76.2 УК РФ (Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа), «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред»². Часть 1 статьи 104.4 УК РФ устанавливает: «Судебный штраф есть денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности»³.

Примечательной является сама формулировка меры уголовно-правового характера, предусмотренной статьей 76.2 УК РФ – «с назначением судебного штрафа». Если в иных поощрительных нормах главы 11 УК РФ (Освобождение от уголовной ответственности) указывается на повод

для поощрения в форме «заслуги», «подвига» («в связи с деятельным раскаянием», в связи с примирением с потерпевшим»), то в относительно новой правовой категории законодателем вместо основания указывается реакция государства на совершенное деяние – «иная мера уголовно-правового характера». Название нормы, закрепленной в статье 76.2 УК РФ, ассоциируется с поощрением, сочетаемым с государственным порицанием в форме штрафа, т.е. ее реализация достигается широко известным методом «кнута и пряника». С точки зрения юридической техники, исходя из причинно-следственной связи действия и правового последствия, такой подход необъясним. Требуется устранить подобную коллизию.

Судебный штраф не является уголовным наказанием, а относится к иным мерам уголовно-правового характера⁴. Его юридическая природа является объектом научных дискуссий [2, с. 98-101]. Л.В. Головки подчеркивает, что законодателю так и не удалось решить, что такое судебный штраф и какова его правовая природа. Он же подвергает сомнению эффективность и способность новой правовой категории оказать принципиальное влияние на уголовную политику и практику применения уголовного законодательства [3]. Другие исследователи менее критичны и определяют институт освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа как «симбиоз освобождения от уголовной ответственности и меру уголовно-правового характера» [4]; «побудительный мотив к максимально быстрому возмещению ущерба, причиненного преступлением, на стадии предварительного расследования» [5, с. 68]; следствие положительного посткриминального поведения [6].

«Симбиоз» (греч. symbiosis – «сожитие») – термин биологический, Этим понятием именуется сожительство двух или более организмов, при котором они приносят пользу друг другу⁵. Представляется сомнительной возможность существования взаимной выгоды двух совершенно разнородных правовых явлений.

Побудительным мотивом нейтрализации преступных последствий являются практически все виды освобождения от ответственности, нормы о смягчении наказания или освобождении от него, а

¹ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2017 № 42: документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2019).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

³ Там же.

⁴ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 29.11.2016): документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.03.2019).

⁵ Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. 2013. URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/451776.html> (дата обращения: 09.03.2019).

следствием такого поведения являются его поощрения в любой форме.

Судебный штраф, как и практически одноименный вид наказания, применяется к лицу, совершившему общественно опасное деяние, и носит имущественный характер, содержит в себе элемент наказания в виде денежного взыскания. Однако, в отличие от второго, он не предполагает наступления неблагоприятных для виновного правовых последствий в виде судимости. Не совсем понятны причины, по которым авторы законопроекта назвали штраф именно *судебным* (курсив наш – А.К.). Представляется, что такая формулировка была подобрана в целях индивидуализации этой правовой категории, с целью исключения ее возможной ассоциации с наказанием. Понятие «судебный», скорее всего, связано с инициатором законопроекта, а не с тем, что суд устанавливает иную меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, поскольку он же назначает схожий по наименованию вид наказания.

Верховный Суд РФ в тексте проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» от 31.10.2017 № 42 предлагает квалифицировать деяния на уголовные проступки, преступления небольшой тяжести, не являющиеся уголовным проступком, и преступления средней тяжести. В тексте документа статья 76.2 структурно разбита на два раздела. Согласно части 1: «Лицо, впервые совершившее уголовный проступок, освобождается судом от уголовной ответственности с применением одной из мер уголовно-правового характера»¹. Таким образом, для категории «уголовный проступок» разработчиками предусмотрен императивный порядок освобождения от уголовной ответственности. Основание применения поощрения в виде возмещения ущерба или заглаживания вреда, причиненного преступлением, иным образом или какого-либо иного позитивного посткриминального поведения отсутствует. Вместо этого авторы предлагают потерпевшим реализовать свое право на устранение преступных последствий в порядке гражданского судопроизводства. Диспозиция предлагаемой нормы содержит только предпосылки для ее применения (совершение уголовного проступка впервые), что свидетельствует о том, что она не является поощрительной по своему характеру. Вторая часть данной нормы структурно повторя-

ет текст действующей статьи 76.2 УК РФ и, помимо предпосылок для применения поощрения, предполагает наличие социально желательного поведения виновного, направленного на нейтрализацию преступных последствий. При этом предлагается дополнить перечень применяемых мер уголовно-правового характера обязательными и исправительными работами. Решение об отказе от уголовного преследования носит диспозитивный характер.

Согласно тексту инициативного акта, обязательные работы как иная мера уголовно-правового характера – это выполнение лицом в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ. Исправительные работы применяются по основному месту работы виновного, если он трудоустроен, и в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, если нет.

Избегая концептуальных дискуссий о природе уголовного проступка, все же обозначим свою критическую позицию по некоторым положениям законопроекта: безоговорочное применение поощрения к лицу без каких-либо «заслуг», какого-либо позитивного посткриминального поведения, по сути, просто депенализирует деяния, которые инициаторы предлагают считать уголовным проступком. Такие действия, хотя и не обладают существенной общественной опасностью, несомненно, могут нанести вред охраняемым отношениям. Если существуют негативные последствия противоправных действий, они должны быть устранены, и в первую очередь уголовно-правовыми средствами, а не в порядке гражданского иска, как предлагают это делать авторы законопроекта.

Схожая ситуация наблюдается в практике применения действующей правовой категории освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Так, в тексте некоторых судебных решений не имеется никаких сведений о заглаживании преступного вреда².

По этому поводу в литературе активно ведется полемика. Некоторые исследователи считают недопустимым «прекращение уголовных дел с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа по преступлениям, в которых отсутствует потерпевший, по которым не предусмотрены последствия в виде причинения вреда или возникновения ущерба, а также преступлениям, которыми создается угроза исклю-

¹ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2017 № 42: документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2019).

² Постановление Раздольненского районного суда (Республика Крым) № 1-27/2017 от 21 февраля 2017 г. по делу № 1-27/2017. Судебный департамент при ВС РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ENgx5sOPHtH8/> (дата обращения: 02.02.2019).

чительно публичным отношениям или наносится вред двум объектам преступления, одним из которых является публичный интерес государства» [7, с. 43]; «в противном случае для применения статьи 76.2 УК РФ будет отсутствовать строго формальное условие в виде возмещения причиненного ущерба» [8, с. 23].

Другие ученые ссылаются на необоснованность прекращения уголовных дел, где имеется фактический вред конкретному лицу (статья 112 УК РФ), в то время как это исключено по составам с меньшей степенью общественной опасности, где потерпевшего нет (часть 3 статьи 327 УК РФ). Для решения обозначенной проблемы В.А. Вдовин предлагает следующее: «Возмещение вреда должно перейти из разряда материально-правовых условий, необходимых для прекращения уголовного дела, в категорию мер уголовно-правового характера. Таким образом, наряду с судебным штрафом на лицо может быть возложена обязанность совершения действий, направленных на устранение вредных последствий, причиненных преступлением [9, с. 90].

Другие исследователи утверждают, что с введением в действие статьи 76.2 УК РФ появилась возможность прекращения уголовного дела, прежде всего, в тех случаях, когда в деле нет потерпевшего. У преступника появляется возможность искать «примирение» не с потерпевшим, а с судом. Однако отметим, что анализ судебных решений показал, что в 47% из них сведения о потерпевшем имелись¹.

Ни с одной позицией мы согласиться не можем. Во-первых, публичным правоотношениям вред наносится любыми преступлениями. Общественные интересы должны быть по мере возможности восстановлены. Если исключить такую возможность, то существование поощрительных институтов в уголовном праве становится бессмысленным. Во-вторых, возмещение ущерба, как мы знаем, право преступника и рассматриваться как его обязанность может только в рамках гражданского права. В-третьих, фактический состав «награды» в виде отказа от уголовного преследования не может быть образован только из совокупности условий (совершение впервые преступления небольшой и средней тяжести). Это не характерно ни для поощрительных норм, ни для норм, допускающих ком-

промисс. Законодатель предусмотрел возмещение ущерба или заглаживание вреда иным образом в качестве единственного элемента основания применения поощрения. Он не может быть исключен даже по делам, где потерпевшего нет. Если по части 1 статьи 75 УК РФ при объективной невозможности загладить вред перед физическим или юридическим лицом ввиду их отсутствия законом допускается применение поощрения при наличии иных видов посткриминального позитивного поведения (явки с повинной и др.), образующих деятельное раскаяние, то в рамках статьи 76.2 УК РФ отсутствие элемента смягчения преступных последствий не может быть компенсировано другими разновидностями социально желательного поведения, поскольку в диспозиции нормы указано только на одну составную часть основания.

Если в деле отсутствует потерпевший или отсутствуют материально выраженные последствия деяния, то виновному необходимо приложить усилия для смягчения вреда, причиненного общественным или государственным интересам, на что указывает пункт 2.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ 27. 06. 2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» («под заглаживанием вреда для целей статьи 76.2 УК РФ понимается принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления законных интересов общества и государства» (курсив наш – А.К.))².

В связи с этим интересным представляется следующий прецедент: «Обвиняемая по части 1 статьи 228 УК РФ «Д» ходатайствовала о прекращении уголовного дела в связи с деятельным раскаянием. Пояснила, что вину в предъявленном обвинении признала полностью, в содеянном раскаялась, оказала безвозмездную помощь КГКУ «Центр содействия семейному устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» № 2 г. Владивостока. В ходе судебного заседания было установлено, что за оказанную безвозмездную помощь обвиняемая получила благодарственное письмо. Руководствуясь ст. 75 УК РФ, ст. ст. 28, 254 УПК РФ, суд постановил уголовное дело прекратить в связи с деятельным раскаянием»³.

¹ В ходе анализа было изучено 100 судебных решений, где судами общей юрисдикции РТ по существу было принято решение об освобождении лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа за период с 2017 по 2018 гг. Исследование проведено с использованием онлайн-ресурса сайта Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru/law/uk-rf/obshchaia-chast/razdel-iv/glava-11/statia-76.2/> (дата обращения 05.12.2018).

² О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (в ред. ППВС от 15.11.2016 № 48, от 25.11.2016 № 56): документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2019).

³ Постановление № 1-471/2017 от 31 августа 2017 г. по делу № 1-471/2017. Советский районный суд г. Владивостока (Приморский край). URL: http://sudact.ru/regular/doc/E78PFg7qaf0K/?regular-txt=®ular-case_doc=%E2%84%96+1-471%2F2017®ular-lawchunkinfo=®ular-doc_type=®ular-date_from=31.08.2017®ular-date_to=31.08.2017®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1542030834085 (дата обращения: 21.12.2018).

Такая правоприменительная практика нами оценивается крайне положительно, поскольку обвиняемая, несмотря на отсутствие потерпевшего в деле (физического или юридического лица), все же нашла способ смягчить причиненный общественным интересам вред.

Данное положение, на наш взгляд, требует закрепления на уровне разъяснений пленума Верховного Суда РФ, так как адресату призыва к социально желательному поведению (возмещение ущерба или заглаживание преступного вреда иным образом) не всегда ясна его суть [10]. Виновный не может конкретно и адекватно оценить содержание модели поощряемого поведения. Особенно это касается публичных последствий деяния.

Обсуждение и заключения

Проведенное исследование позволило констатировать следующее:

1. Название нормы, закрепленной в статье 76.2 УК РФ, в отличие от наименования статей 75 и 76 УК РФ, не имеет ссылки на основание поощрения, не отражает причинно-следственной связи действия и правового последствия, что нелогично, исходя из правил юридической техники.

2. Законодательно не урегулирован вопрос о возможности освобождения от ответственности с назначением судебного штрафа лиц, совершив-

ших общественно опасные деяния, не предполагающие материально выраженные последствия для физических или юридических лиц.

Для устранения обозначенных недостатков в законодательстве и правоприменительной практике необходимо:

1. Пересмотреть наименование статьи 76.2 УК РФ и изложить ее следующим образом «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа *в связи с возмещением ущерба или заглаживанием вреда, причиненного преступлением иным образом*».

2. Дополнить пункт 2.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» следующим положением: «*В качестве иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления законных интересов общества и государства, могут рассматриваться участие виновного в волонтерских движениях, проектах, благотворительности, осуществлении иного содействия нуждающимся гражданам, не являющимся потерпевшими по рассматриваемому уголовному делу*».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головки Л.В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека // Закон. 2018. № 1.
2. Звечаровский И.Э. О юридической природе судебного штрафа (ст. ст. 76.2, 104.4 УК РФ) // Уголовное право. 2016. № 6. С. 98 – 101.
3. Головки Л.В. Можно приветствовать наших судей, которые не хотят упрощения правосудия // Уголовный процесс. 2017. № 1. С. 38 - 45 .
4. Анощенко С.В. Назначение судебного штрафа: вопросы теории и практики. // Журнал российского права. 2017. № 7.
5. Смирнова Е.В. Правовое регулирование и вопросы практики возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2017. С. 68.
6. Трофимов Г.А. Судебный штраф – альтернатива? // Российский судья. 2017. № 8.
7. Решетняк В.И. Судебный штраф в уголовном судопроизводстве // Судья. 2017. № 4.
8. Скрипченко Н.Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. 2017. № 7.
9. Вдовин В.А. Прекращение уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера по уголовным делам, в которых отсутствует возможность заглаживания вреда // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 6.
10. Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения в уголовном праве: монография. Казань: Изд-во КГУ, 2001. С. 124.

REFERENCES

1. Golovko L.V. Zakonoproekt ob ugovolnom prostupke: mnimye smysly i real'naya podopleka // Zakon. 2018. № 1.
2. Zvecharovskij I.EH. O yuridicheskoy prirode sudebnogo shtrafa (st. st. 76.2, 104.4 UK RF) // Uголовное право. 2016. № 6. S. 98 – 101.
3. Golovko L.V. Mozhno privetstvovat' nashih sudej, kotorye ne hotyat uproshcheniya pravosudiya // Uголовный процесс. 2017. № 1. S. 38 - 45 .
4. Anoshchenkova S.V. Naznachenie sudebnogo shtrafa: voprosy teorii i praktiki. // Zhurnal rossijskogo prava. 2017. № 7.

5. Smirnova E.V. Pravovoe regulirovanie i voprosy praktiki vozmeshcheniya vreda, prichinennogo prestupleniem, v ugovnom sudoproizvodstve Rossii: dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 2017. S. 68.
6. Trofimov G.A. Sudebnyj shtraf – al'ternativa? // Rossijskij sud'ya. 2017. № 8.
7. Reshetnyak V.I. Sudebnyj shtraf v ugovnom sudoproizvodstve // Sud'ya. 2017. № 4.
8. Skripchenko N.YU. Sudebnyj shtraf: problemy realizacii zakonodatel'nyh novell // Zhurnal rossijskogo prava. 2017. № 7.
9. Vdovin V.A. Prekrashchenie ugovnogo presledovaniya s naznacheniem mery ugovno-pravovogo haraktera po ugovnym delam, v kotoryh otsutstvuet vozmozhnost' zaglazhivaniya vreda // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2018. № 6.
10. Tarhanov I.A. Pooshchrenie pozitivnogo povedeniya v ugovnom prave: monografiya. Kazan': Izd-vo KGU, 2001. S. 124.

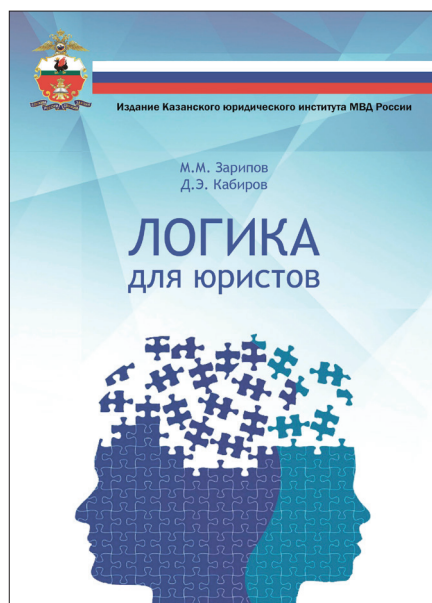
Об авторе: Каримов Адель Миннурович, преподаватель кафедры экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности ОВД Казанского юридического института МВД России
e-mail: karimov485@mail.ru
© Каримов А.М., 2019.

Статья получена: Статья принята к публикации: 20.03.2019.
Статья опубликована онлайн: 25.03.2019.

About the author: Karimov Adel M., Lecturer at the Department of Economics, Financial Law and Information Technologies of the Department of Internal Affairs of Kazan Law Institute of MIA of Russia
e-mail: karimov485@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Зарипов М.М.

Логика для юристов: учебное пособие / М.М. Зарипов, Д.Э. Кабиров. – Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2018. – 158 с.
ISBN 978-5-906977-48-9

В учебном пособии рассматриваются основные вопросы дисциплины. Обосновывается значение логики в деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Адресовано преподавателям, курсантам, слушателям образовательных организаций системы МВД России, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации.

Е.С. Крылова

ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ УГОЛОВНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ АНТИДОПИНГОВЫХ ПРАВИЛ

ALLOCATION OF CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR ANTI-DOPING RULE VIOLATION

Введение: в статье рассматривается проблема разграничения на практике ответственности за нарушение антидопинговых правил в отечественном уголовном законодательстве (Федеральным законом от 22.11.2016 № 392-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации введены статьи 230.1 и 230.2) и административном законодательстве (ст. 6.18 КоАП РФ).

Материалы и методы: нормативную базу составили Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте¹, Всемирный антидопинговый кодекс², Конституция РФ³, Уголовный кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях РФ, Трудовой кодекс РФ⁴, нормы спортивного права⁵, материалы следственно-судебной практики, относящиеся к предмету исследования.

Методологической основой послужили диалектико-материалистический метод познания и основанные на нем общенаучные и частные методы исследования (анализ, синтез, логико-юридический, сравнительно-правовой методы).

Результаты исследования: в статье дана сравнительная характеристика составов правонарушений, предусмотренных статьями 230.1, 230.2 УК РФ и статьей 6.18 КоАП РФ, выделены их общие и отличительные признаки, сформулировано предложение о внесении изменений в КоАП РФ.

Обсуждение и заключения: представленные предложения призваны помочь решению проблем, возникающих при разграничении составов рассмотренных правонарушений в связи с совпадением их признаков в уголовном и административном законодательстве; внесено и обосновано предложение об исключении ст. 6.18 КоАП РФ из главы 6.

Ключевые слова: допинг, запрещенные субстанции, запрещенные методы, нарушение антидопинговых правил, физическая культура и спорт, использование, склонение, содействие

Для цитирования: Крылова Е.С. Вопросы разграничения уголовной и административной ответственности за нарушение антидопинговых правил // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 1. С. . DOI:

Introduction: the article describes the issue of allocation of responsibility for anti-doping rule violation in criminal legislation of the Russian Federation (the Federal Law No. 392 dated November, 22 2016 included Art. 230.1. and 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) and Administrative legislation (Art. 6.18 Administrative Offenses Code of the Russian Federation).

Materials and Methods: the International Convention against Doping in Sports⁶, the World Anti-Doping Code⁷, the Constitution of the Russian Federation⁸, the Criminal Code of the Russian Federation, the Code

¹ Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте (заключена в г. Париже 19.10.2005) // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2835.

² Всемирный антидопинговый кодекс (принят Всемирным антидопинговым агентством 5.03. 2003 в Копенгагене). Международный стандарт. Запрещенный список 2018 года. URL: <http://list.rusada.ru/content/files/wadalist.html> (дата обращения: 14.08.2018).

³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2002. № 1. (ч. 1). Ст. 3.

⁵ Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил: приказ Минспорта России от 09.08.2016 № 947//Сборник официальных документов и материалов Минспорта РФ.2016.№ 8 и др.

⁶ The International Convention against Doping in Sports (was concluded in Paris October 19, 2005), Corpus of Legislative Acts of the Russian Federation, 2007. No. 24. Art. 2835.

⁷ The World Anti-Doping Code (was concluded by WADA in March 5, 2003 in Copenhagen). International Standard. The 2018 Prohibited List. URL: <http://list.rusada.ru/content/files/wadalist.html> (date of request: 14.08.2018). URL: <http://list.rusada.ru/content/files/wadalist.html> (дата обращения: 14.08.2018).

⁸ The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993, as amended by the Laws of the Russian

of Administrative Offences of the Russian Federation, the Labor Code of the Russian Federation, the rules of sports law¹ and other normative legal acts related to the subject of the study.

The methodological basis was the dialectical-materialistic method of cognition and the general scientific and private research methods based on it, such as analysis, synthesis, logical-legal, comparative-legal methods

Results: the article gives a comparative description of the compositions of offenses provided for in Articles 230.1. and 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 6.18 of the Administrative Code of the Russian Federation, highlights their common and distinctive features, a proposal to amend the Administrative Code of the Russian Federation.

Discussion and Conclusions: the conclusion about the challenges arising in the differentiation of the considered offenses in connection with the coincidence of their features was made, the proposal to exclude Art. 6.18 of the Administrative Code of the Russian Federation from Chapter 6 was made and justified.

Key words: doping, prohibited substances and methods, anti-doping rule violation, physical culture and sport, use, declination, promotion

For citation: Krylova E.S. Allocation of Criminal and Administrative Responsibility for Anti-Doping Rule Violation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 1. P. . DOI:

Введение

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена ситуацией, которая сложилась в российском спорте, когда решением Исполкома Международного олимпийского комитета (МОК) были отстранены от участия в Играх XXXI Олимпиады 2016 года в г. Рио-де-Жанейро (Бразилия) российские спортсмены, а также состав сборной России – от участия в XV Паралимпийских летних играх, был наложен запрет на участие и выступление спортсменам из России под российским флагом в зимних Олимпийских играх в Пхенчхане (Южная Корея) в 2018 г. и др. О необходимости формирования нетерпимого отношения к допингу говорил на заседании Совета по развитию физической культуры и спорта и Президент Российской Федерации В.В. Путин².

Участие спортсменов в соревнованиях различного уровня укрепляет авторитет спорта, формирует позитивное отношение к ведению здорового образа жизни. Однако при проведении спортивных мероприятий зачастую отмечают и негативные факторы, например, в сфере нарушения антидопинговых правил, дестабилизирующие систему спорта, требующие адекватного реагирования уголовно-правовыми и административными мерами, применение которых призвано осуществлять эффективное противодействие преступлениям и административным правонарушениям [1, с. 3].

Следует отметить и отсутствие четкого законодательного разграничения норм административно-

го и уголовного законодательства, регулирующих ответственность за нарушение антидопинговых правил, что свидетельствует о важности проведения их сравнительной характеристики.

Обзор литературы

Имеющиеся научные публикации в основном посвящены изучению признаков составов указанных правонарушений.

При написании статьи были изучены научные труды, отражающие отдельные теоретические и прикладные аспекты уголовной и административной ответственности за нарушение антидопинговых правил. Рассматриваемая проблема практически не нашла отражения в монографических (см. А.Н. Песков, О.А. Брусникина) и диссертационных исследованиях, что связано с относительно недавним включением указанных составов преступлений в УК РФ. Отдельные вопросы, относящиеся к рассматриваемой тематике, освещались в публикациях И.М. Амирова, А.П. Алексеевой, Р.Л. Габдрахманова, М.В. Денисенко, Н.А. Жабина, Т.О. Кошаевой, В.Н. Кужикова, А.Н. Пескова, В.Б. Поезжалова, В.В. Сараева, Е.Е. Стасеева, А.Ю. Решетникова, А.В. Федорова и других.

Результаты исследования

Под охраной уголовного и административного законодательства находятся схожие общественные отношения, что вызывает конкуренцию соответствующих правовых норм и подлежит учету при их квалификации. Для разграничения деяний,

Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 No. 6 of the Federal Constitutional Law (hereinafter referred to as FKZ), of December 30, 2008 No. 7-FKZ, of February 5, 2014, No. 2-FKZ, dated 07.21.2014 No. 11-FKZ), Corpus of Legislative Acts of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.⁴ The Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996, No. 63 of the Federal Law of the Russian Federation, Corpus of Legislative Acts of the Russian Federation, 1996, No. 25. Art. 2954.

¹ On approval of the All-Russian Anti-Doping Rules: Order of the Ministry of Sports of Russia dated August 9, 2016 No. 947, Collection of official documents and materials of the Ministry of Sports of the Russian Federation 2016 No. 8 and others.

² Заседание Совета по развитию физической культуры и спорта. (23 мая 2017 г.) URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54550> (дата обращения: 17.09.2018).

предусмотренных статьями 230.1-230.2 УК РФ¹, устанавливающими ответственность за склонение к использованию спортсменом (использование в отношении спортсмена) субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте, и ст. 6.18 КоАП РФ², закрепляющей ответственность за нарушение установленных законодательством о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним, необходимо учитывать признаки рассматриваемых составов правонарушений.

Деяния, предусмотренные рассматриваемыми составами правонарушений, совпадают по объекту и признаками потерпевших. Родовым объектом выступают отношения в сфере общественной безопасности и общественного порядка. Видовым – общественные отношения по охране здоровья населения и общественной нравственности. Основным непосредственным объектом являются общественные отношения по охране здоровья спортсменов, а дополнительным – отношения в сфере установленного законодательством порядка применения допинга. Потерпевшими являются спортсмены, под которыми понимаются физические лица, занимающиеся выбранным видом или видами спорта и выступающие на спортивных соревнованиях³.

Предметами преступлений, предусмотренных ст. 230.1 [2, с. 28], 230.2 УК РФ, ст. 6.18 КоАП РФ, являются: 1) субстанции, запрещенные в спорте; 2) методы, запрещенные в спорте.

Объективная сторона деяний, предусмотренных статьями 230.1-230.2 УК РФ и ст. 6.18 КоАП РФ, характеризуется совершением различных действий, которые направлены на использование допинга спортсменом. Так, в ст. 230.1 УК РФ это *склонение к использованию* запрещенных субстанций и (или) методов, за исключением случаев, предусмотренных ст. 230 УК РФ [3, с. 41]. В ст. 230.2 УК РФ – *использование* в отношении спортсмена независимо от его согласия запрещенных субстанций и (или) методов.

Расшифровка деяний, состоящих в использовании в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, требует обращения к нормативным правовым актам, определяющим нарушения антидо-

пинговых правил⁴. Использование метода определяется его содержанием [4, с. 38].

Диспозиция ст. 6.18 КоАП предусматривает нарушение установленных законодательством о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним, выразившееся в *использовании* в отношении спортсмена запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода независимо от согласия спортсмена либо в *содействии* в использовании спортсменом или в отношении спортсмена запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

Анализ законодательного толкования понятий «склонение» (ст. 230.1 УК РФ) и «содействие» (ст. 6.18 КоАП РФ), используемых в рассматриваемых составах, не позволяет дать точного ответа на вопрос: какое из них является более полным.

В примечании 1 к статье 230.1 УК РФ приводится определение склонения: «Под *склонением* понимаются любые умышленные действия, способствующие использованию спортсменом запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, в том числе совершенные путем обмана, уговоров, советов, указаний, предложений, предоставления информации либо запрещенных субстанций, средств применения запрещенных методов, устранения препятствий к использованию запрещенных субстанций и (или) методов»⁵.

Понятие содействия раскрывается в примечании 2 к ст. 6.18 КоАП РФ: «Под *содействием* понимаются любые действия, способствующие использованию запрещенных субстанций и (или) методов, в том числе советы, указания, предоставление информации, предоставление запрещенных субстанций, средств применения запрещенных методов, устранение препятствий к использованию запрещенных субстанций и (или) методов, а также сокрытие следов использования запрещенных субстанций и (или) методов»⁶.

В приведенных определениях законодательно закрепленное отличие состоит в том, что в понятие «склонение» включаются такие закрепленные в примечании к ст. 230.1 УК РФ и не указанные в примечании к ст. 6.18 КоАП РФ способы, как обман, уговоры, предложения, а в понятие «со-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

³ О физической культуре и спорте в Российской Федерации: ФЗ от 04.12.2007 № 329-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

⁴ О физической культуре и спорте в Российской Федерации: ФЗ от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (п. 8 ч. 3 ст. 26) // СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

⁵ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил): ФЗ от 22.11.2016 № 392-ФЗ // СЗ РФ. 2016. (Часть I). № 48. Ст. 6732.

⁶ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 26 и 26.1 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»: ФЗ от 06.12.2011 № 413-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7355.

действие» включено дополнительное действие, а именно сокрытие следов использования субстанции и (или) метода, запрещенных в спорте.

Наряду с этим приведенные определения содержат аналогичные указания на совершение любых действий, способствующих использованию спортсменом препаратов допинга. Следовательно, способы их совершения могут быть различными, а перечни таких действий являются открытыми. Соответственно, вопрос об отнесении деяния, совершенного в виде, например, советов, указаний о применении субстанций, запрещенных в спорте, к уголовному либо административному правонарушению оставляется на усмотрение суда. Больше либо меньшее количество способов, указанных в диспозиции статьи, уже не имеют значения, поскольку таковыми могут признаваться и находящиеся за рамками ее законодательного изложения. Очевидно, отличие в изложении рассматриваемых деяний должно было состоять в содержании действий образующих склонение (по сути, вовлечение, подстрекательство) и содействие (способствование совершению преступления пособничество). Но как видно из приведенных определений четкого различия в описании данных деяний не наблюдается. Сложившаяся ситуация не способствует единообразному пониманию рассматриваемых норм.

В научных публикациях справедливо говорится о необходимости отличать рассматриваемые составы по степени общественной опасности, а именно: преступление, предусмотренное ст. 230.2 УК РФ, следует отличать от аналогичного по признакам административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ст. 6.18 КоАП РФ. При этом, как подчеркивают авторы, отличительным признаком такого проступка от уголовно наказуемого деяния является действие, выразившееся также в *содействии* в использовании спортсменом или в отношении спортсмена запрещенной субстанции и (или) метода [5, с. 105]. Однако, как рассматривалось выше, «содействие» (ст. 6.18 КоАП РФ) совпадает по основным характеристикам со «склонением» (ст. 230.1 УК РФ) и различить их с учетом описанных действий зачастую не представляется возможным.

Согласно разъяснениям, данным в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58, степень общественной опасности преступного деяния устанавливается судебным органом с учетом конкретных обстоятельств произошедше-

го, а именно: характера и размера, наступивших общественно опасных последствий, способа совершения преступления, роли лица в преступлении, совершенном в соучастии, вида умысла или неосторожности¹.

Таким образом, ученые констатировали лишь общее отличие составов рассматриваемых правонарушений. Более глубокий анализ их признаков позволяет сделать вывод, что диспозиция ст. 6.18 КоАП РФ охватывает деяния, предусмотренные статьями 230.1 и 230.2 УК РФ. Первое деяние, выразившееся в использовании в отношении спортсмена запрещенной субстанции и (или) метода независимо от согласия спортсмена, охватывается ст. 230.2 УК РФ, а второе, выразившееся в содействии в использовании спортсменом или в отношении спортсмена запрещенной субстанции и (или) метода, – ст. 230.1 УК РФ.

В литературе высказано обоснованное предложение о разрешении межотраслевой конкуренции ст. 230.2 УК РФ и ст. 6.18 КоАП РФ путем привлечения лица к административной ответственности, с учетом рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5² [6, с. 62]. Однако в этом случае ставится под сомнение закрепление деяния, предусмотренного ст. 230.2 в УК РФ.

Рассматриваемые правонарушения могут быть совершены только специальными субъектами. К ним относятся тренер, специалист по спортивной медицине либо иной специалист в области физической культуры и спорта. Тренер – это физическое лицо, имеющее соответствующее высшее образование (среднее профессиональное образование) и осуществляющее проведение тренировочных мероприятий со спортсменами, а также руководящее их соревновательной деятельностью для достижения соответствующих спортивных результатов³.

Понятие специалиста по спортивной медицине в законодательстве не раскрывается и предполагает системное толкование имеющихся нормативных правовых актов [3, с. 42]. Под ним понимают, например, врача, работающего при секциях и командах, который отслеживает динамику физического развития спортсменов, направляет спортсмена во врачебно-физкультурные диспансеры, обеспечивает их реабилитацию после различных травм.

Иные специалисты в области физической культуры и спорта – это физические лица, работающие в физкультурно-спортивной организации. На основании приказа Министерства спорта и туризма

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: ППВС РФ от 22.12.2015 № 58 // РГ. 2015. № 295.

² О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: ППВС РФ от 12 марта 2002 г. № 5. П.8 // БВС РФ. 2002. № 5.

³ О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон: ФЗ от 04.12.2007 N 329-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

России от 16.04.2012 № 347¹ к ним относятся аналитик, дежурный по спортивному залу, инструктор по спорту и другие.

Субъективная сторона всех составов характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла. Виновный осознает, что нарушает установленные антидопинговые правила, и желает этого. Для квалификации не имеют значения мотив и цель, которыми руководствуется виновный.

Опыт правоприменительной практики по рассматриваемым составам правонарушений незначителен. Это одно административное дело², прекращенное уголовное дело³ и материалы проверки о совершении преступления, предусмотренного ст. 230.2 УК РФ⁴. Ввиду указанного обстоятельства сложно судить об эффективности норм УК РФ и КоАП РФ, посредством которых может осуществляться противодействие незаконному обороту допинга в спорте. Можно высказать предположение, что сложности в разграничении признаков рассмотренных общественно опасных деяний повлияли и на отсутствие судебной практики привлечения к ответственности за нарушение антидопинговых правил.

С учетом вышесказанного мы приходим к выводу, что рассматриваемые составы правонарушений в существующем изложении практически не отличаются по объективным и субъективным признакам. Как следствие – разграничение рассматриваемых деяний на практике является затруднительным либо даже невозможным, в результате окончательная оценка содеянного отдается на усмотрение суда. Для устранения выявленного противоречия может послужить исключение из главы 6 КоАП РФ статьи 6.18.

В пользу такого решения свидетельствует также то, что в рамках международных и общероссийских антидопинговых правил закреплена дисциплинарная ответственность, применение которой предполагает наложение не менее строгих санкций, чем предусмотренные статьей 6.18 КоАП РФ. Например, в соответствии с п. 22.2.6 (Роль и ответственность спортсменов и иных лиц) раздела XXII приказа Минспорта России от 09.08.2016 № 947 «Об утверждении Общероссий-

ских антидопинговых правил»⁵ (далее – Правила) персонал спортсмена не должен использовать или обладать какими-либо запрещенными субстанциями или запрещенными методами без уважительной причины. Указанное нарушение антидопинговых правил может повлечь за собой одно или более из следующих последствий: аннулирование (отмену результатов спортсмена в определенном спортивном соревновании); дисквалификацию; временное отстранение от участия в спортивных соревнованиях; финансовые последствия (санкции) и другие (приложение № 1 к Правилам). В свою очередь, в ст. 6.18 КоАП РФ предусмотрено административное наказание только в виде дисквалификации на срок от одного года до двух лет (ч. 1) и на срок три года за те же действия, совершенные в отношении несовершеннолетнего (ч. 2).

Обсуждение и заключения

В результате проведенного исследования в отношении разграничения составов преступлений, предусмотренных статьями 230.1 и 230.2 УК РФ, и состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.18 КоАП РФ, приходим к выводу, что они совпадают по объекту, субъекту и субъективной стороне. Отличия имеются лишь в описании способов совершения этих правонарушений, что не влияет на их объем и содержание ввиду открытых перечней данных деяний. При этом диспозиция статьи 6.18 КоАП РФ охватывает большее количество деяний, нежели две статьи УК РФ, что приводит к несоответствию степени общественной опасности уголовно наказуемых деяний и административного проступка. По сути, они приравниваются к одному административному правонарушению. Указанная ситуация противоречит концепции соотношения уголовной и административной ответственности. Характер и степень общественной опасности уголовно наказуемых деяний должны быть выше административных. В связи с выявленными совпадениями составов правонарушений и сложностями, возникающими в разграничении составов правонарушений, предусмотренных статьями 230.1 и 230.2 УК РФ и статьей 6.18 КоАП РФ, предлагаем исключить последнюю из главы 6 КоАП РФ.

¹ Об утверждении перечня иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и перечня специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации: приказ Минспорттуризма России от 16.04.2012 № 347 //ПГ. 2012. № 109.

² Решение Ленинского районного суда г. Самары по делу 7-34/2014. URL: <https://rospravosudie.com/court-leninskij-rajonnyj-sud-g-samary-samarskaya-oblast-s/act-462195090/> (дата обращения: 17.10.2018).

³ Дознанием УМВД России по г. Чебоксары прекращено уголовное преследование по ст. 230.2 УК РФ в отношении медицинского работника. URL: <https://21.mvd.rf/news/item/11559635> (дата обращения: 17.10.2018).

⁴ Следователи выяснят, как в организм кёрлингиста Крушельницкого А.А. попал мельдоний. URL: https://life.ru/t/passeledovaniya/1091161/sledovатели_vyяснят_kak_v_orghanizm_kiorlinghista_krushelnitskogho_popal_meldonii (дата обращения: 17.10.2018).

⁵ Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил: приказ Минспорта России от 09.08.2016 № 947 / Сборник официальных документов и материалов Минспорта РФ.2016.№ 8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мосина С.В. Уголовно-правовые меры противодействия преступлениям, совершаемым при подготовке и проведении спортивных соревнований: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016. 27 с.
2. Габдрахманов Р.Л., Кузиков В.Н., Денисенко М.В. Квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, их аналогов и запрещенных в спорте субстанций и методов, совершенных в отношении несовершеннолетних // Российский следователь. 2017. № 12. С. 25 - 29.
3. Федоров А.В. Уголовная ответственность за склонение к использованию допинга // Российский следователь. 2017. № 11. С. 38 - 43.
4. Федоров А.В. Уголовная ответственность за использование в отношении спортсмена допинга // Российский следователь. 2017. № 12. С. 34 - 39.
5. Кошаева Т.О., Ямашева Е.В. К вопросу об установлении уголовной ответственности за нарушения законодательства о допинге // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 97 - 105.
6. Решетников А.Ю., Возняк А.М. Противодействие нарушениям антидопингового законодательства уголовно-правовыми средствами // Уголовное право. 2017. № 3. С. 57 - 62.

REFERENCES

1. Mosina S.V. Ugolovno-pravovye mery protivodejstviya prestupleniyam, sovershaemym pri podgotovke i provedenii sportivnyh sorevnovaniy: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Moskva, 2016. 27 s.
2. Gabdrahmanov R.L., Kuzhikov V.N., Denisenko M.V. Kvalifikaciya prestuplenij, svyazannyh s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv i psihotropnyh veshchestv, ih analogov i zapreshchennyh v sporte substancij i metodov, sovershennyh v otnoshenii nesovershennoletnih // Rossijskij sledovatel'. 2017. № 12. S. 25 - 29.
3. Fedorov A.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za sklonenie k ispol'zovaniyu dopinga // Rossijskij sledovatel'. 2017. № 11. S. 38 - 43.
4. Fedorov A.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za ispol'zovanie v otnoshenii sportsmena dopinga // Rossijskij sledovatel'. 2017. № 12. S. 34 - 39.
5. Koshaeva T.O., Yamasheva E.V. K voprosu ob ustanovlenii ugolovnoj otvetstvennosti za narusheniya zakonodatel'stva o dopinge // Zhurnal rossijskogo prava. 2017. № 6. S. 97 - 105.
6. Reshetnikov A.YU., Voznyak A.M. Protivodejstvie narusheniyam antidopingovogo zakonodatel'stva ugolovno-pravovymi sredstvami // Ugolovnoe pravo. 2017. № 3. S. 57 - 62.

Об авторе: Крылова Елена Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России
e-mail: Elena.s-doc@yandex.ru
© Крылова Е.С., 2019.

Статья получена: 29.10.2018. Статья принята к публикации: 20.03.2019.
Статья опубликована онлайн: 25.03.2019.

About the author: Krylova Elena S., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Criminal Law Department of the Kazan Law Institute of MIA of Russia
e-mail: Elena.s-doc@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

В.В. Кусакин

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ
СТ. 263 УК РФ

SOME QUESTIONS OF THE PRACTICE OF APPLICATION
OF ART. 263 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Введение: в статье рассматриваются вопросы, связанные с реализацией уголовно-правовых норм об ответственности за преступления в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта.

Материалы и методы: при проведении исследования применялась совокупность диалектических методов исследования, среди которых компаративный, герменевтический, дискурсивный, формально-юридический методы, а также некоторые социологические методы: наблюдение; методы экспертных оценок и анализа. Метод анализа применялся при исследовании нормативных документов и материалов судебной статистики.

Результаты исследования: на основе анализа автор приходит к выводу, что практика применения ст. 263 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) оказывается достаточно дискуссионной, например, одним из спорных вопросов является назначение наказания лицам, совершившим преступление в состоянии опьянения. Одним из предложений по совершенствованию санкций данной статьи является введение дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Обсуждение и заключения: в статье проведен комплексный анализ соответствующих норм уголовного законодательства в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта, а также предложено авторское решение проблемных аспектов.

Ключевые слова: уголовное право; транспортная безопасность; железнодорожный транспорт; водный транспорт; воздушный транспорт; судебная практика

Для цитирования: Кусакин В.В. Некоторые вопросы практики применения ст. 263 УК РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 1. С. . DOI:

Introduction: the article deals with issues related to the implementation of criminal law on liability for road safety and vehicle operation crimes.

Materials and Methods: during the study, a set of dialectical research methods was used, including comparative, hermeneutic, discursive, formal legal methods, as well as some sociological methods: observation; methods of expert assessments and analysis. The method of analysis was used in the study of regulatory documents and materials of judicial statistics.

Results: on the basis of the analysis, the author comes to the conclusion that the practice of applying Art. 263 of the Criminal Code of the Russian Federation is sufficiently debatable, for example, one of the controversial issues is the sentencing of persons who have committed a crime while intoxicated. One of the proposals to improve the sanctions of this article is the introduction of an additional penalty in the form of deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities.

Discussion and Conclusions: the article carried out a comprehensive analysis of the relevant criminal law in the field of road safety and vehicle operation, as well as proposed the author's solution to the problem aspects.

Key words: criminal law; transport security; railway transport; water transport; air transport; arbitrage practice

For citation: Kusakina V.V. Some questions of the practice of application of art. 263 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V.10, N 1. P. . DOI:

Введение

С принятием в 1996 году нового УК РФ, пришедшего на смену УК РСФСР 1960 года, в отечественном уголовном законодательстве появилась статья, предусматривающая ответственность за преступное нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена. Появление в УК РФ данной статьи, как и в целом главы 27, посвященной преступлениям против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта, было обусловлено всем процессом развития уголовного законодательства в нашей стране, а также техническим состоянием транспорта. Ранее в УК РСФСР, и в уголовных кодексах союзных республик существовали статьи за нарушение правил движения и эксплуатации транспорта, появление в новом виде ст. 263 УК РФ было продиктовано меняющимися реалиями. Многие идеи (в том числе и относительно преступлений, связанных с движением и эксплуатацией транспорта), выдвигавшиеся учеными-юристами ранее, нашли свое отражение в действующем УК РФ. Тем не менее, очевидно, что принятый в 1996 году УК РФ нуждается в дальнейшем совершенствовании. Введение в действие статьи 263 УК РФ, безусловно, было прогрессивным шагом, продиктованным современными реалиями, однако полагаем, что ст. 263 УК РФ нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Обзор литературы

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 263 УК РФ, по мнению ряда ученых-юристов, необходимо считать общественные отношения, обеспечивающие безопасность функционирования тех конкретных видов транспорта, которые перечислены в данной статье. Такой точки зрения придерживается, в частности, Т.Ю. Орешкина, считающая здоровье и жизнь человека дополнительными объектами данного преступления [1; с. 482]. Автор статьи склонен согласиться с приведенной точкой зрения на непосредственный объект данного вида преступления. Существуют и другие точки зрения относительно непосредственного объекта рассматриваемого преступления. По мнению В.И. Жулева, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 263 УК РФ, являются жизнь и здоровье людей [2; с. 32]. Мы считаем, что В.И. Жулев, относя жизнь и здоровье к объектам преступления, прав лишь частично, поскольку они действительно являются объектами этого преступления, но не непосредственными, а дополнительными, которые обозначены в разных частях статьи, – жизнь (ч. 2 и 3) и здоровье человека (ч. 1). Безопасность движения и

эксплуатации предполагает состояние защищенности самого транспорта и процесса его движения, а также предотвращение случаев, которые могут повлечь за собой такие тяжкие последствия, как причинение вреда здоровью и жизни граждан, а также предотвращение ущерба.

Безусловно, посягательством на общественную безопасность преступное деяние, предусмотренное ст. 263 УК РФ, не ограничивается, и в данном случае наличие дополнительных объектов неизбежно. Таковыми могут являться жизнь и здоровье человека, а также право собственности и имущественные интересы. В связи с этим, по мнению Е.А. Фролова, в тех случаях, когда одним преступлением одновременно причиняется вред сразу нескольким общественным отношениям различного типа, необходимо выделять и дополнительный объект, который включает в себя общественные отношения, что «заслуживают самостоятельной уголовно-правовой защиты применительно к целям и задачам издания данной нормы, защищаемые уголовным законом лишь попутно», так как они «неизбежно ставятся в опасность причинения вреда при совершении посягательства на основной объект» [3]. Данная точка зрения была высказана задолго до появления УК РФ 1996 года и, по нашему мнению, справедлива относительно объекта преступления, предусмотренного ст. 263 УК РФ.

Результаты исследования

Предметом преступления являются обозначенные в названии статьи виды транспорта – железнодорожный, воздушный, морской, внутренний водный транспорт и метрополитен. Необходимо отметить, что данные виды транспорта относятся к источникам повышенной опасности, имеющим особое уголовно-правовое значение, и в случаях, когда речь заходит об источниках повышенной безопасности, которые являются предметом либо средством совершаемого преступления, совершенные преступления с неосторожной формой вины становятся более общественно опасными ввиду тяжести преступных последствий. По мнению М.С. Гринберга, объект технического преступления, к которым, безусловно, относится и объект, предусмотренный ст. 263 УК РФ, является стержневым и организующим признаком состава преступления и имеет особую значимость, поскольку предмет данного преступления, как указывалось выше, несет повышенную опасность и при его использовании ненадлежащим образом предмет может причинить вред объекту технического преступления [4; с. 78].

С субъективной стороны преступление характеризуется неосторожной формой вины. При этом указанный в ч. 1 данной статьи отказ от исполнения трудовых обязанностей может быть

только осознанным, но в целом такое преступление будет неосторожным в силу психического отношения виновного к последствиям, на неосторожность относительно наступления преступных последствий (тяжкий вред здоровью, крупный ущерб, смерть лица либо двух и более лиц) есть указания во всех трех частях статьи, и в целом такая позиция законодателя представляется нам юридически верной. Совершение подобных преступлений с данными видами транспорта с умышленной формой вины будет квалифицироваться по другим статьям. Более четко разделен и субъект данной статьи, а именно: таковым будет лицо, в силу выполняемой работы или занимаемой должности обязанное соблюдать правила безопасности перечисленных в названии и диспозиции статьи видов транспорта.

Стоит отметить, что одним из оснований наступления уголовной ответственности по ст. 263 УК РФ является наступление крупного ущерба, в примечании к статье обозначено, что таковым признается ущерб, превышающий один миллион рублей. Ранее понятие крупного ущерба действовало и для ст. 264 УК РФ, но с принятием в декабре 2003 г. Федерального закона № 163-ФЗ¹ наряду с причинением средней тяжести вреда здоровью причинение крупного ущерба в данной статье было декриминализовано, одновременно было декриминализовано оставление места дорожно-транспортного происшествия, ранее предусмотренное ст. 265 УК РФ. Столь масштабная декриминализация была достаточно неоднозначно воспринята учеными-юристами. Декриминализация причинения крупного ущерба и средней тяжести вреда здоровью коснулась тогда и ст. 263 УК РФ, но Федеральным законом от 27 июля 2010 года № 195² крупный ущерб как квалифицирующий признак преступления был возвращен в статью.

Несколько раз в статью 263 УК РФ вносились поправки, логичным ее продолжением стало введение в действие в 2010 г. ст. 263.1 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за различные аспекты ст. 263 УК РФ. Содержание статьи в целом и перечисленные в ней различные виды транспорта рассматривались многими учеными-юристами, в том числе и в диссертационных исследованиях (М.М. Колчин [5], Д.В. Токманцев [6], И.М. Тяжкова [7] и другие).

Крайне актуальная проблема профилактики нарушений безопасности дорожного движения лицами, находящимися в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического либо токсического), со временем привела к появлению квалифицированных составов преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, в 2009 году в указанной статье законодатель выделил преступные деяния, совершенные в состоянии опьянения и повлекшие последствия различной тяжести³. Ряд ученых-юристов выдвигали предложения ввести квалифицированные составы преступления, предусмотренного ст. 263 УК РФ, связанные с нахождением виновного лица в нетрезвом виде. Так, на взгляд Ю.М. Антоняна, необходимо учитывать состояние опьянения также и при посягательстве на безопасность движения и эксплуатации видов транспорта, обозначенных в ст. 263 УК РФ [8]. По мнению Н.А. Егоровой, при нарушении правил безопасности, обозначенных в ст. 263 УК РФ, видов транспорта лицами, находящимися в нетрезвом виде, существует возможность наступления более тяжких последствий (ввиду несравненно большего количества человеческих жертв), чем при совершении преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ [9].

На наш взгляд, опасения, высказанные Ю.М. Антоняном и Н.А. Егоровой, являются небеспочвенными. Как уже отмечалось, транспортное средство является источником повышенной опасности, а если им управляет лицо, находящееся в состоянии опьянения, то степень опасности возрастает кратно [10]. Относительно самого состояния опьянения существуют различные мнения ученых-юристов о том, стоит ли считать его отягчающим обстоятельством. В настоящее время в перечне отягчающих наказание обстоятельств, представленном в п. 1 ст. 63 УК РФ, отсутствует такое обстоятельство, как нахождение лица в состоянии опьянения, в то время как данный перечень, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» от 22 декабря 2015 г.⁴, является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Более того, в данном постановлении отдельно было указано на то, что совершение преступления в состоянии опьянения законом не отнесено к отягчающим наказание обстоятельствам.

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с обеспечением транспортной безопасности: Федеральный закон от 27.07.2010 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4164.

³ О внесении изменений в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 13.02.2009 № 20-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 7. Ст. 788.

⁴ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года № 58 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

Необходимо отметить, что УК РСФСР 1960 г. признавал состояние опьянения отягчающим обстоятельством¹. Большое количество регистрируемых преступлений в состоянии опьянения обусловило ряд изменений в уголовном законодательстве: Федеральным законом от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ² были внесены поправки в ст. 63 УК РФ, принятие которых стало попыткой найти золотую середину и компромисс между сторонниками различных точек зрения на то, в каком юридическом контексте следует оценивать состояние опьянения при совершении преступления. Согласно данному закону, в ст. 63 УК РФ был внесен п. 1.1, согласно которому в зависимости от конкретных обстоятельств дела и личности преступника суд вправе признавать состояние опьянения отягчающим обстоятельством, но при этом не обязан делать это всякий раз. Подобной позиции придерживается и В.Г. Павлов, предложивший добавить в перечень отягчающих наказание обстоятельств состояние опьянения, при том что суд в зависимости от обстоятельств конкретного преступления вправе не признавать это обстоятельство отягчающим наказанием [11]. В декабре 2018 года аналогичную позицию занял и Пленум Верховного Суда РФ, отразив в постановлении от 18 декабря 2018 г., что состояние опьянения не может быть признано отягчающим обстоятельством³.

В то же время, несмотря на изменившиеся в законодательстве обстоятельства, существуют противоположные точки зрения, согласно которым нахождение лица в состоянии опьянения следует считать отягчающим либо, наоборот, смягчающим обстоятельством. Предложения о внесении изменений в ст. 63 УК РФ о признании состоянии опьянения отягчающим обстоятельством выдвигались некоторыми авторами [12]. Так, например, А.С. Бабанов предложил отразить в ст. 63 УК РФ повышенную уголовную ответственность за совершение в состоянии опьянения насильственных преступлений и преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта [13]. Мы полагаем, что в этом есть определенная логика, поскольку транспорт является источником повышенной опасности, а неосторожное преступление с использованием источника повышенной опасности может оказаться более опасным, чем умышленное

преступление без такового источника. Как верно отмечают И.И. Бикеев и Э.Ю. Латыпова, подавляющее большинство преступлений, совершаемых по небрежности, совершается с использованием источников повышенной опасности: использованием транспортных средств, других механизмов, взрывчатых веществ, строительством, испытанием техники, медициной и т.п. [14, с. 45]. Сторонники смягчения уголовной ответственности склонны считать, что в таком состоянии лицо не ведает, что творит, и фактически это является аффектом. Существует мнение о необходимости исключения ст. 23 УК РФ в связи с тем, что поправки, внесенные в УК РФ в течение последних нескольких лет, привели к переоценке законодателем состояния опьянения с уголовно-правовой точки зрения [15]. На наш взгляд, такой подход в современных условиях, когда треть преступлений совершается в состоянии опьянения, грозил бы нашей стране самыми катастрофическими последствиями. Сторонники ужесточения позиции относительно данного вопроса в свою пользу приводят статистику совершения преступлений, согласно которой в состоянии опьянения совершается значительная часть преступлений [16].

Исходя из вышеизложенного и разделяя опасения относительно гораздо более высокой опасности управления транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, автор склонен не считать необходимым в современных условиях вводить дополнительные квалифицированные составы преступления, предусмотренного ст. 263 УК РФ, когда в зависимости от конкретных обстоятельств каждого дела суд может посчитать состояние опьянения отягчающим наказанием и с учетом этого назначить более строгое наказание. К тому же в этом случае пришлось бы распространить на ст. 263 УК РФ примечание № 2 о том, какое лицо находится в состоянии опьянения, – так же, как на ст. 264.1 УК РФ были распространены примечания ст. 264 УК РФ. Между тем примечание № 2 постановлением Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2018 г.⁴ было признано противоречащим Конституции РФ, поскольку оно ставит находящееся в состоянии опьянения лицо, совершившее преступление, предусмотренное данной статьей, в привилегированное положение, так как факт уста-

¹ Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 (в ред. от 30.07.1996) (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

² О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 21.10.2013 № 270-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 43. Ст. 5440.

³ О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» и от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 декабря 2018 года № 43.

⁴ По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2018 года № 17-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 5.

новления употребления вызывающих опьянение веществ будет затруднен. Если установление этого факта затруднено в отношении лиц, управляющих автомобилем, то в отношении лиц, управляющих транспортными средствами, перечисленными в ст. 263 УК РФ, установление этого факта может быть затруднено в большей степени. Однако если все же будет установлено состояние опьянения, то судья вправе, согласно п. 1.1, в зависимости от конкретных обстоятельств дела признать его отягчающим обстоятельством.

Еще один спорный, на наш взгляд, момент относительно ст. 263 УК РФ заключается в том, что законодатель в числе дополнительных видов наказания не указал лишение права заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности в ч. 2 и 3 данной статьи, в то время как в ч. 1 оно указано. Также дополнительное наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью в качестве обязательного зафиксировано во всех частях ст. 264 УК РФ, причем во всех частях, кроме первой, назначение данного дополнительного наказания является обязательным (данные части связаны с нахождением виновного лица в состоянии опьянения и/или с причинением смерти одному либо двум и более лицам). В то же время перечисленные в ст. 263 УК РФ виды транспорта могут являться источниками повышенной степени в гораздо большей степени, чем автомобиль: при аварии состава метрополитена, поезда, водного судна, вертолёта или самолёта число погибших и пострадавших может достигать нескольких десятков и даже сотен человек. Статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации свидетельствует, что за 2017 г. из 18 случаев осуждения по ч. 2 и 3 ст. 263 УК РФ дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью применялось лишь в пяти случаях¹.

Полагаем, что необходимо внести изменения в п. 2 и 3 ст. 263 УК РФ, при этом дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет должно быть обязательным, поскольку оно является обязательным за подобные нарушения при управлении автомобилем.

На наш взгляд, необходимо изложить п. 2 и 3 ст. 263 УК РФ в следующей редакции:

2. Те же деяния, повлекшие по неосторожности смерть человека, – наказываются принуди-

тельными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

3. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть двух или более лиц, – наказываются принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Стоит отметить, что ранее ч. 3 ст. 263 УК РФ предусматривала нижние пределы наказания за данный состав преступления, которые были исключены в ходе масштабной декриминализации в декабре 2003 года. А.И. Коробеев, в частности, отмечал, что, определяя пределы наказуемости, законодатель тем самым ограничивает рамки судебного усмотрения определенными рамками, лишь в пределах которых может действовать суд, тем самым сужая возможности для вынесения произвольных решений, не соответствующих реальному масштабу деяний [17]. Не принимая во внимание нижние пределы наказания, обязательное назначение дополнительного наказания также можно отнести к числу ограничителей рамок судебного усмотрения.

Выводы

Подводя итоги изложенному, отметим, что современная конструкция ст. 263 УК РФ нуждается в дальнейшем совершенствовании. Соглашаясь с опасениями относительно большей тяжести последствий преступлений, предусмотренных ст. 263 УК РФ, в сравнении со ст. 264 УК РФ, не считаем необходимым введение квалифицированных составов преступления, связанных с нахождением лица, управляющего транспортным средством, в состоянии опьянения. В настоящее время судья обладает достаточным юридическим инструментарием для определения наказания, соответствующего тяжести преступления и его последствий. В то же время введение обязательного дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью будет гораздо больше соответствовать тяжести последствий составов преступлений, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 263 УК РФ, и ограничит рамки судебного усмотрения там, где это явно необходимо.

¹ Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения). URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (дата обращения: 24.12.2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Орешкина Т.Ю. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. М., 2004. С. 482.
2. Жулев В.И. Транспортные преступления. М., 2001. С. 32.
3. Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Свердловск, 1971. С. 23-24.
4. Гринберг М.С. Технические преступления. Новосибирск, 1992. С. 78.
5. Колчин М.М. Уголовно-правовое обеспечение безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 200 с.
6. Токманцев Д.В. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного или водного транспорта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2008. 26 с.
7. Тяжкова И.М. Ответственность за неосторожные преступления, совершаемые при использовании источников повышенной опасности: дис.... докт. юрид. наук. М., 2003. 399 с.
8. Антонян Ю.М. Проблемы неосторожной преступности // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 1. С. 41-43.
9. Егорова Н.А. Об оценке последних (2009 г.) изменений уголовного законодательства России // Современные проблемы права: сборник научных трудов. Волгоград, 2009. Ч. 1. С. 68.
10. Латыпова Э.Ю. О влиянии средств массовой информации на профилактику и предупреждение зависимости от алкоголя и наркомании // Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств или психотропных веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции (региональный аспект): сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2015. С. 148-152.
11. Павлов В.Г. Субъект преступления и уголовная ответственность. СПб.: Лань, 2000. С. 138.
12. Костюк Н.М. Правовая оценка состояния опьянения при нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ) // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 11 (302). С. 78-82.
13. Бабанов А.С. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 23.
14. Бикеев И.И., Латыпова Э.Ю. Ответственность за преступления, совершенные с двумя формами вины. Казань: Познание, 2009. 228 с.
15. Газданова Е.К. Неоднозначность законодательного подхода к уголовно-правовой оценке состояния опьянения // Актуальные вопросы российского права. 2016. № 4. С. 156-159.
16. Иванов Н.Г. Аномальный субъект преступления. Проблемы уголовной ответственности. М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. С. 12.
17. Коробеев А.И. Транспортные преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 331.

REFERENCES

1. Oreshkina T.Yu. Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Osobennaya chast'. M., 2004. S. 482.
2. Zhulev V.I. Transportnye prestupleniya. M., 2001. S. 32.
3. Frolov E.A. Ob"ekt ugovolno-pravovoi okhrany i ego rol' v organizatsii bor'by s posyagatel'stvami na sotsialisticheskuyu sobstvennost': avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.08. Sverdlovsk, 1971. S. 23-24.
4. Grinberg M.S. Tekhnicheskie prestupleniya. Novosibirsk, 1992. S. 78.
5. Kolchin M.M. Ugolovno-pravovoe obespechenie bezopasnosti dvizheniya i ekspluatatsii zheleznodorozhnogo transporta: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2008. 200 s.
6. Tokmantsev D.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za narushenie pravil bezopasnosti dvizheniya i ekspluatatsii zheleznodorozhnogo, vozdušnogo ili vodnogo transporta: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnoyarsk, 2008. 26 s.
7. Tyazhkova I.M. Otvetstvennost' za neostorozhnye prestupleniya, sovershaemye pri ispol'zovanii istochnikov povyshennoi opasnosti: dis.... dokt. yurid. nauk. M., 2003. 399 s.
8. Antonyan Yu.M. Problemy neostorozhnoi prestupnosti // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2011. № 1. S. 41-43.
9. Egorova N.A. Ob otsenke poslednikh (2009 g.) izmenenii ugovolnogo zakonodatel'stva Rossii // Sovremennye problemy prava: sbornik nauchnykh trudov. Volgograd, 2009. Ch. 1. S. 68.
10. Latypova E.Yu. O vliyanií sredstv massovoi informatsii na profilaktiku i preduprezhdenie zavisimosti ot alkogolya i narkomanii // Ugolovno-pravovaya preventsiya v sfere oborota narkoticheskikh sredstv ili psikhotropnykh veshchestv, alkogol'noi i spirtosoderzhashchei produktsii (regional'nyi aspekt): sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Cheboksary, 2015. S. 148-152.
11. Pavlov V.G. Sub"ekt prestupleniya i ugovalnaya otvetstvennost'. SPb.: Lan', 2000. S. 138.
12. Kostyuk N.M. Pravovaya otsenka sostoyaniya op'yaneniya pri narushenii pravil dorozhnogo dvizheniya i

ekspluatatsii transportnykh sredstv (st. 264 UK RF) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2003. № 11 (302). S. 78-82.

13. Babanov A.S. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya, sovershennye v sostoyanii op'yaneniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2002. S. 23.

14. Bikeev I.I., Latypova E.Yu. Otvetstvennost' za prestupleniya, sovershennye s dvumya formami viny. Kazan': Poznanie, 2009. 228 s.

15. Gazdanova E.K. Neodnoznachnost' zakonodatel'nogo podkhoda k ugolovno-pravovoi otsenke sostoyaniya op'yaneniya // Aktual'nye voprosy rossiiskogo prava. 2016. № 4. S. 156-159.

16. Ivanov N.G. Anomal'nyi sub"ekt prestupleniya. Problemy ugolovnoi otvetstvennosti. M.: Zakon i pravo, YuNITI, 1998. S. 12.

17. Korobehev A.I. Transportnye prestupleniya. SPb.: Yuridicheskii tsentr Press, 2003. S. 331.

Об авторе: Кусякин Виктор Викторович, аспирант Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)

e-mail: grossmeister.90@mail.ru

© Кусякин В.В., 2019.

Статья получена: 29.12.2018. Статья принята к публикации: 20.03.2019.

Статья опубликована онлайн: 25.03.2019.

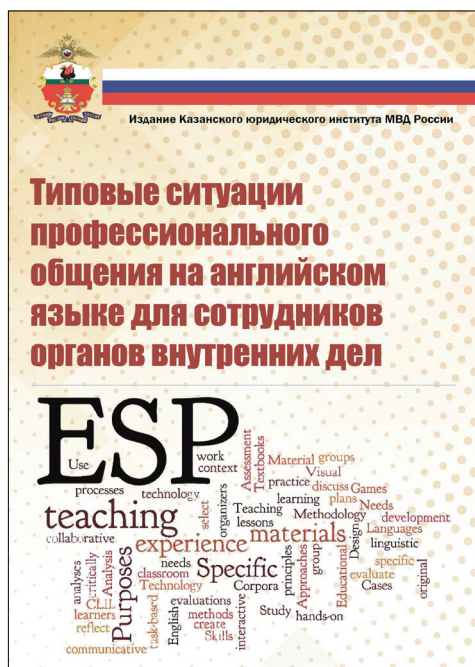
About the author: Kusakin Viktor V., PhD student of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)

e-mail: grossmeister.90@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Типовые ситуации профессионального общения на английском языке для сотрудников органов внутренних дел: учебно-практическое пособие / сост. Г.Г. Мингазизова, О.Ю. Баринаова. – Казань: КЮИ МВД России, 2018. – 116 с.

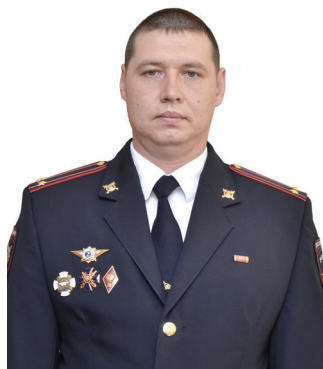
В пособии представлены ситуации профессионального общения (на английском языке), с которыми могут столкнуться сотрудники внутренних дел при выполнении служебных обязанностей.

Адресовано сотрудникам органов внутренних дел, проходящим профессиональное обучение (профессиональной подготовки) лиц рядового и младшего начальствующего состава, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел.

УДК 343.1

DOI:

А.А. Лихолетов

**ГЕНЕЗИС ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ
ИГОРНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УГОЛОВНОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**GENESIS OF RESPONSIBILITY FOR ILLEGAL GAMBLING
ACTIVITIES IN THE CRIMINAL LEGISLATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Введение: в статье представлены результаты анализа становления и развития ответственности за незаконные организацию и (или) проведение азартных игр в современном российском уголовном законодательстве.

Материалы и методы: применялись диалектический, формально-логический и другие общенаучные методы исследования, а также специально-юридические методы: сравнительно-правовой, формально-юридический и статистический методы.

Результаты исследования: на основе анализа научной литературы и материалов судебной практики рассмотрен вопрос становления и развития нормы об ответственности за незаконные организацию и проведение азартных игр в уголовном законе России.

Обсуждение и заключения: автор рассмотрел содержание изменений первоначальной редакции ст. 171.2 Уголовного кодекса РФ и пришел к выводу о наличии дискуссионных аспектов в принятых законодателем решениях, направленных на совершенствование мер противодействия незаконному игорному бизнесу.

Ключевые слова: азартные игры, игорный бизнес, организация азартных игр, проведение азартных игр, уголовная ответственность

Для цитирования: Лихолетов А.А. Генезис ответственности за незаконную игорную деятельность в уголовном законодательстве Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 1. С. . DOI:

Introduction: with the development of market relations in our country, certain types of business activities that are of interest not only among businessmen, but also in the criminal environment, have demanded closer scrutiny from the state. One of these types of entrepreneurship – the gambling business in the late twentieth and early twenty-first centuries became an area of economic and common crime. The article attempts to analyze the formation and development of responsibility for the illegal organization and (or) conduct of gambling in modern Russian criminal legislation.

Materials and Methods: dialectical, formal-logical and other general scientific research methods were used, as well as special legal methods: comparative legal, formal legal and statistical methods.

Results: on the basis of the analysis of scientific literature and judicial practice materials, the issue of the formation and development of the rule on responsibility for the illegal organization and conduct of gambling in the criminal law of Russia was considered.

Discussion and Conclusions: the author reviewed the content of changes to the original version of Art. 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and came to the conclusion that there are debatable aspects in the decisions taken by the legislator aimed at improving measures to counter the illegal gambling business.

Key words: gambling, gaming industry, regulation of gambling activities, gambling games, criminal liability

For citation: Likholetov A.A. Genesis of responsibility for illegal gambling activities in the criminal legislation of the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V.10, N 1. P. . DOI:

Введение

С развитием рыночных отношений в нашей стране отдельные виды предпринимательской деятельности, вызывающие интерес не только среди бизнесменов, но и в криминальной среде, потребовали более пристального контроля со стороны государства. Одним из таких видов предпринимательства является игорный бизнес, который в конце XX – начале XXI веков стал ареалом экономической и общеуголовной преступности.

Проведенная Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ (далее – ФЗ № 244)¹ реформа рассматриваемой отрасли предпринимательства была основана на установлении запрета осуществления игровой деятельности с использованием сети Интернет, а также за пределами специально создаваемых территорий. Указанный законодательный императив привел к тому, что большинство объектов игорного бизнеса было переведено в теневую сферу.

Согласно данным прокуратуры, силами только надзорного ведомства в рамках проведенных контрольных мероприятий в период с 2009 по 2012 гг., была пресечена деятельность 36 049 подпольных казино и залов игровых автоматов, изъято более 550 000 единиц оборудования для проведения азартных игр, в государственную казну обращено более 53 400 000 рублей, полученных в качестве дохода от нелегальной игровой деятельности².

Незаконный игорный бизнес сопровождается уклонением от уплаты налогов и других предусмотренных законом платежей в бюджеты, а также приводит к увеличению количества населения, осуществляющего деятельность без оформления трудовых отношений в установленном законом порядке, что не может не сказаться отрицательным образом на экономической системе нашей страны.

Учитывая, что размер обязательных выплат, поступивших от легальной деятельности по организации и проведению азартных игр в казну нашей страны в 2008 году составил 24 млрд рублей³, можно предположить, что после установления всех предусмотренных ФЗ № 244 ограничений в сфере игорного бизнеса с 1 июля 2009 г. российский бюджет стал недополучать денежных средств примерно в таких же объемах.

Помимо этого, неконтролируемые азартные игры представляют и серьезную социальную проблему [1, с. 33], поскольку нередко детерминиру-

ют развитие у игроков психического расстройства – лудомании.

Исходя из того, что основанием криминализации является общественная опасность деяния, которая основывается на определенной шкале социальных ценностей, существующей в данном обществе на конкретный период его развития [2, с. 84], сложившаяся негативная ситуация в сфере игорного бизнеса потребовала принятия мер уголовно-правового реагирования, поскольку иными средствами эффективно противостоять указанному явлению не представлялось возможным.

Обзор литературы

Проблемам противодействия незаконному игорному бизнесу уголовно-правовыми средствами на современном этапе посвящены работы О.П. Науменко, О.А. Ивановой, И.Н. Мосечкина, С.О. Кормильцевой. Однако в указанных трудах отсутствует анализ изменений, внесенных в первоначальную редакцию ст. 171.2 Уголовного кодекса РФ (УК РФ), в том числе Федеральным законом от 29.07.2018 № 227-ФЗ.

Результаты исследования

С целью оптимизации мер противодействия незаконному игорному бизнесу в июле 2011 года УК РФ был дополнен статьей 171.2⁴, первоначальная редакция которой устанавливала ответственность за сопряженные с извлечением дохода в крупном размере действия по организации и (или) проведению азартных игр:

- с использованием игрового оборудования вне игровой зоны;
- либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, а также средств связи, в том числе подвижной связи;
- или без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игровой зоне.

В части 2 рассматриваемой статьи был предусмотрен повышенный уровень ответственности за указанные выше деяния:

- а) сопряженные с извлечением дохода в особо крупном размере;
- б) совершенные организованной группой.

С момента криминализации описанных выше действий на территории нашей страны выявлено уголовно наказуемых деяний и привлечено к ответственности соответственно: в 2011 году – 20 преступлений, 1 лицо; в 2012 году – 96 преступлений,

¹ О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 29.12.2006 № 244-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (Ч. 1). Ст. 7.

² Подпольная рулетка // Российская газета. 2012. 22 июня.

³ Игорный бизнес в современной России. URL: <http://www.memoid.ru/> (дата обращения: 27.02.2012).

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 20.07.2011 № 250-ФЗ // Российская газета. 2011. 26 июля.

41 лицо; в 2013 году – 106 преступлений, 88 лиц; в 2014 году – 135 преступлений, 184 лица¹.

Несмотря на то что в указанном периоде наблюдается положительная динамика регистрируемости фактов нелегальной игровой деятельности, ожидаемого эффекта в противодействии рассматриваемым преступлениям достигнуто не было, что было связано, в том числе, и со сложностями установления размера дохода, извлеченного при противоправных организации и (или) проведении азартных игр. В результате лица, фактически совершающие уголовно наказуемые деяния, не привлекались к ответственности.

В декабре 2014 года редакция анализируемой уголовно-правовой нормы была существенным образом изменена. В частности, обязательный признак основного состава преступления – «извлечение дохода в крупном размере» – был исключен и перенесен в часть вторую ст. 171.2 УК РФ. В рассматриваемой статье появились особо квалифицирующие признаки – совершение деяния организованной группой, с извлечением дохода в особо крупном размере и с использованием служебного положения.

Одновременно Кодекс РФ об административных правонарушениях дополнен статьей, устанавливающей ответственность за организацию и проведение юридическими лицами азартных игр с нарушением предписаний ФЗ № 244².

Модифицировались, соответственно, и санкции, однако их анализ не является целью настоящей статьи.

Модернизация рассматриваемой нормы стала причиной закономерного увеличения количества зарегистрированных фактов незаконной организации и проведения азартных игр: в 2015 году выявлено 1423 преступления, 968 лиц привлечено к ответственности, в 2016 году выявлено 1519 преступлений, привлечено к ответственности 1875 лиц³.

Поправки к ст. 171.2 УК РФ облегчили труд правоприменителей по выявлению и доказыванию нелегальной игровой деятельности, поскольку исключили необходимость установления суммы незаконно полученного дохода, определение размера которого у правоохранителей вызывало наибольшие сложности, обусловленные отсутствием финансово-хозяйственной документации и мерами строгой конспирации подпольных казино⁴.

Подобный шаг законодателя привел к возникновению практики осуждения лиц за незаконную игорную деятельность, в том числе и сопряженную с извлечением дохода в незначительных размерах либо осуществляемую в течение непродолжительного промежутка времени. Представляется, что подобные судебные решения выносятся без учета характера и степени общественной опасности совершаемого деяния и, как следствие, без рассмотрения возможности применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Так, приговором Засвияжского районного суда г. Ульяновска К. осуждена за незаконные организацию и проведение азартных игр с использованием сети Интернет на протяжении десяти дней (с 09.08.2016 по 19.08.2016)⁵.

Б. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171.2 УК РФ. В результате нелегальной игровой деятельности виновным был извлечен доход в размере 4 700 рублей⁶.

Приведенные примеры свидетельствуют о чрезмерной репрессивности ст. 171.2 УК РФ в редакции Федерального закона от 22.12.2014 № 430-ФЗ, поскольку указанные выше действия при отсутствии факта извлечения дохода в крупном размере не обладают уровнем общественной опасности, требующим установления уголовной ответственности.

Расширение возможностей правоприменительных органов по противодействию незаконному игорному бизнесу только путем изменения уголовного законодательства, причем в сторону его ужесточения, отмечается исследователями как бесперспективное [3, с. 56].

Н.А. Лопашенко, не соглашаясь с подобным подходом законодателя к решению существующих в обществе проблем, абсолютно справедливо, на наш взгляд, указывает, что «нельзя обосновывать криминализацию неудобством правоприменителя, которому трудно доказать какой-либо криминаобразующий признак», в частности крупный размер [4, с. 80, 81].

В подобных ситуациях, опираясь на теоретические положения и сложившуюся следственную и судебную практику, необходимо оптимизировать методику выявления, раскрытия и расследования анализируемых преступлений, акцентируя внима-

¹ Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» за 2011–2017 гг. М.: ГИАЦ МВД России, 2018.

² О внесении изменений в статью 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 14.1.1 и 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон РФ от 22.12.2014 № 430-ФЗ // Российская газета. 2014. 24 декабря.

³ Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» за 2011–2017 гг. М.: ГИАЦ МВД России, 2018.

⁴ Ответы начальника УМВД на вопросы депутатов областной думы. Официальный сайт УМВД РФ по Ивановской области. URL: <http://www.uvd-ivanovo.ru/News?Index=4> (дата обращения: 10.09.2018).

⁵ Приговор Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 26.09.2017 по делу № 1-324/2017. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 28.01.2019).

⁶ Приговор мирового судьи судебного участка №9 Первомайского судебного района г.Ростова-на-Дону от 20.09.2016 по делу №1-3-28\16. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 28.01.2019).

ние на установлении всех признаков уголовно наказуемого деяния на стадии документирования, в том числе и на основе более эффективного использования возможностей оперативных подразделений.

Федеральным законом от 03.07.2016 № 325-ФЗ статья 171.2 УК РФ дополнена примечанием, содержащим определение доходов в крупном и особо крупном размере, при этом данные величины не подверглись изменениям и составили, соответственно, суммы, превышающие 1 500 000 и 6 000 000 рублей¹.

В 2017 году на фоне общего сокращения показателей регистрируемости по всем преступлениям, в том числе и в сфере экономической деятельности, количество выявленных уголовно наказуемых деяний, предусмотренных ст. 171.2 УК РФ, несколько снизилось и составило 1492, а количество лиц, привлеченных к ответственности, напротив, заметно увеличилось – до 2065².

Модернизация анализируемой уголовно-правовой нормы на этом не закончилась, и Федеральным законом от 29.07.2018 № 227-ФЗ она коренным образом была преобразована и изложена в новой редакции³.

Диспозиция части первой была дополнена новыми формами деяния:

- организация и (или) проведение азартных игр без полученной в установленном порядке лицензии на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах вне игровой зоны;

- систематическое предоставление помещений для незаконных организации и (или) проведения азартных игр.

Кроме того, текст статьи был приведен в соответствие с положениями ФЗ № 244, предусматривающими исключение из общего запрета на проведение азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, случаев приема интерактивных ставок организаторами азартных игр в букмекерских конторах и (или) тотализаторах.

Примечание к рассматриваемой статье дополнено разъяснениями относительно содержания дефиниции «систематическое предоставление помещений», под которым следует понимать предоставление помещений более двух раз.

Каких-либо убедительных доводов в обоснование принятия указанных выше поправок в по-

яснительной записке к Федеральному закону от 29.07.2018 г. № 227-ФЗ не содержится⁴.

И если решение о криминализации действий по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах вне игровой зоны без лицензии, которые ранее квалифицировались по общей норме о незаконном предпринимательстве, с определенной долей сомнения, исходя из сущности и правовой природы азартных игр, поддается какому-то объяснению, то установление ответственности за систематическое предоставление помещений для незаконного игорного бизнеса, да и еще в рамках главы 22 УК РФ, вызывает немало вопросов.

Во-первых, в чем выражается общественная опасность действий по систематическому предоставлению помещения для организации или проведения азартных игр? Во-вторых, каким общественным отношениям причиняется вред в результате совершения подобных деяний? В-третьих, почему для противодействия указанному явлению не достаточно административно-правовых ресурсов?

При этом в случае обоснования необходимости криминализации таких действий найти причину помещения этого деяния в главу 22 УК РФ очень сложно, поскольку вряд ли в результате систематического предоставления помещения для игорного бизнеса в первую очередь причиняется вред экономике страны.

Даже несмотря на то, что такие помещения предоставляются за вознаграждение, которое, как правило, укрывается от налогообложения, вызывает сомнение, что вырученные в качестве арендной платы денежные средства достигают размеров, способных причинить вред охраняемым уголовным законом в главе 22 УК РФ общественным отношениям.

Более того, получение дохода (в крупном или особо крупном размере) физическим лицом от предоставления жилого помещения или иного объекта недвижимости в аренду или внаем, согласно постановлению Пленума Верховного Суда России от 18.11.2004 № 23, не образует состава незаконного предпринимательства⁵. Таким образом, случаи предоставления помещения физическим лицом для организации и проведения азартных игр не могут причинить вред объекту, поставленному под охрану нормами главы 22 УК РФ.

Конечно, исключение факта наличия ущерба экономическим интересам страны в результате аренды помещения для игорного бизнеса будет тоже не совсем оправданно, поскольку он имеет ме-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 03.07.2016 № 325-ФЗ // Российская газета. 2016. 8 июля.

² Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» за 2011 – 2017 гг. М.: ГИАЦ МВД России, 2018.

³ О внесении изменения в статью 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон РФ 29.07.2018 № 227-ФЗ // Российская газета. 2018. 31 июля.

⁴ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменения в статью 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.12.2018).

⁵ О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 г. № 23 // Российская газета от 7.12.2004 г. № 271.

сто, но в незначительных объемах и наносится опосредованно. Между совершением таких действий и наступлением неблагоприятных последствий для экономики России отсутствует прямая причинная связь. Основной вред причиняется именно незаконными действиями по организации и проведению азартных игр, а предоставление помещения для такой деятельности следует рассматривать как детерминирующий фактор преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ.

Подобного рода деяния при наличии оснований криминализации, по нашему мнению, должны быть помещены в главу 25 УК РФ, нормы которой существуют для охраны здоровья населения и общественной нравственности. Однако в настоящее время для пресечения фактов предоставления помещений для организации и проведения азартных игр достаточно эффективного применения мер административно-правового характера.

Обсуждение и заключения

Таким образом, ст. 171.2 УК РФ за период своего существования (с 2013 года) трижды подвергалась существенным поправкам, в результате чего ее содержание стало заметно отличаться от первоначальной редакции. Однако следует отметить, что не все законодательные решения, связанные с модернизацией УК РФ (в том числе и рассмотренные в рамках настоящей статьи), можно признать бесспорными. В частности, сложно согласиться с установлением ответственности за систематическое предоставление помещений для незаконных организации и (или) проведения азартных игр в рамках ст. 171.2 УК РФ, поскольку такие деяния не могут причинить вред объекту, поставленному под охрану нормами главы 22 УК РФ. При наличии оснований криминализации подобные деяния по признакам видового объекта должны быть отнесены к преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кормильцева С.О. Незаконные организация и проведение азартных игр: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Казань. 2018. 307 с.
2. Прокументов Л.М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. №4 (14). С. 81-91.
3. Лихолетов А.А. Законодательные инициативы в сфере противодействия незаконному игорному бизнесу // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. Выпуск 2 (41). С. 55-59.
4. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: монография: в 2-х частях. М.: Юрлитинформ, 2015. Ч. 2. 640 с.

REFERENCES

1. Kormil'ceva S.O. Nezakonnye organizaciya i provedenie azartnyh igr: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty : dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Kazan'. 2018. 307 s.
2. Prozumentov L.M. Osnovanie kriminalizacii (dekriminalizacii) deyanij // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2014. №4 (14). S. 81-91.
3. Liholetov A.A. Zakonodatel'nye iniciativy v sfere protivodejstviya nezakonnomu igornomu biznesu // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2017. Vypusk 2 (41). S. 55-59.
4. Lopashenko N.A. Prestupleniya v sfere ehkonomicheskoy deyatel'nosti: teoreticheskij i prikladnoj analiz: monografiya: v 2-h chastyah. M.: YUrlitinform, 2015. CH. 2. 640 s.

Об авторе: Лихолетов Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

e-mail: A.Likholetov@mail.ru

© Лихолетов А.А., 2019.

Статья получена: 31.01.2019. Статья принята к публикации: 20.03.2019.

Статья опубликована онлайн: 25.03.2019.

About the author: Likholetov Alexander A., Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia
e-mail: A.Likholetov@mail.ru

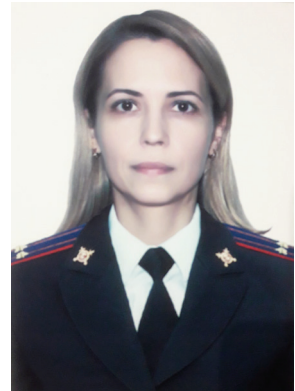
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

О.Ю. Можнина

**ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ
ПОЛУЧЕНИЕ И ДАЧУ МЕЛКОЙ ВЗЯТКИ В СФЕРАХ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ**

**THE MAIN FACTORS DETERMINING SMALL PASSIVE
AND ACTIVE BRIBERY IN HEALTH
AND EDUCATION AREAS**

Введение: в статье рассматриваются основные факторы, которые детерминируют получение и дачу мелкой взятки в таких социально значимых сферах, как здравоохранение и образование.

Материалы и методы: при проведении исследования использованы общенаучные и частнонаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, системный, логический и др. Были изучены приговоры судов различных субъектов Российской Федерации, осужденными по которым признавались участники таких социальных сфер, как здравоохранение и образование, а также проанализированы результаты анкетирования и опроса сотрудников и пациентов медицинских организаций, сотрудников и обучающихся в образовательных организациях, их родителей и законных представителей.

Результаты исследования: выявлены факторы, детерминирующие мелкое взяточничество в сферах здравоохранения и образования, которые представляют собой комплекс социально-экономических, политических, психологических, организационных причин и условий (объективных и субъективных).

Обсуждение и заключения: знание комплекса факторов, детерминирующих мелкое взяточничество в сферах здравоохранения и образования, – это необходимая составляющая деятельности в области предупреждения получения и дачи мелкой взятки.

Ключевые слова: мелкая взятка; факторы, детерминирующие мелкое взяточничество; сфера здравоохранения; сфера образования

Для цитирования: Можнина О.Ю. Основные факторы, детерминирующие получение и дачу мелкой взятки в сферах здравоохранения и образования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 1. С. . DOI:

Introduction: the article discusses the main factors that determine petty passive and active bribery in such socially important areas as health and education.

Materials and Methods: the study used general scientific and private scientific methods: analysis, synthesis, induction, deduction, abstraction, systemic, logical etc. The sentences of courts of various subjects of the Russian Federation were studied, convicted by participants of such social spheres as health and education. The results of the survey of employees and patients of medical organizations, employees and students in educational institutions, their parents and legal representatives were analyzed.

Results: the factors determining petty bribery in health care and education spheres are a complex of socio-economic, political, psychological, organizational causes and conditions (objective and subjective), which together form the environment that allows spread this phenomenon, and determine the most common types of bribery in socially significant areas.

Discussion and Conclusions: knowledge of the causes and conditions of petty bribery in social and health spheres is a necessary component of further activities in the field of prevention of these crimes.

Key words: petty bribery, factors determining petty bribery, health care, education

For citation: Mozhina O.YU. The main factors determining small passive and active bribery in health and education areas // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V.10, N 1. P. . DOI:

Введение

Мелкое взяточничество в социальной сфере (в сфере здравоохранения и образования) как явление действительности представляет собой специфический социальный конфликт, который находится на рубеже экономики, социологии и права. Как любое социальное явление, мелкое взяточничество детерминруется определенными объективными и субъективными факторами, имеет адекватные детерминантам формы проявления, в том числе преступные, круг своих субъектов и влечет определенные социально значимые негативные последствия.

Снизить уровень мелкого взяточничества в социальной сфере можно, только одновременно уменьшая величину влияния факторов, обеспечивающих его существование и развитие.

Обзор литературы

В научной литературе достаточно подробно рассмотрен вопрос содержания, сущности, классификации детерминант коррупции и взяточничества (Т.Я. Хабриева [1], А.И. Долгова [2], С.Н. Чурилов, Н.С. Грудинин [3] и др.). Немало содержательных научных исследований, в которых рассматриваются проблемы выявления причин и условий взяточничества, в том числе мелкого (бытового, низового) именно в социальной сфере: рассматриваются причины и условия коррупционных преступлений в сфере здравоохранения (А.Н. Варыгин [4, с. 142], А.В. Полукаров [5, с. 60]), причины и условия коррупции в российской сфере образования (Р.А. Абрамова [6, с. 24]), детерминанты коррупционной преступности в социальной сфере (С.В. Плохова [7, с. 77]). В указанных работах рассматривается совокупность всех коррупционных преступлений, совершаемых в таких социально значимых сферах, как здравоохранение и образование. Однако по-прежнему неисследованным остается комплекс факторов, детерминирующих совершение в этих сферах именно мелкого взяточничества.

Материалы и методы

При рассмотрении факторов, детерминирующих мелкое взяточничество в социальной сфере, нами были учтены сложившиеся в стране в данный исторический период социальные, политические и экономические условия, изучены 170 приговоров судов различных субъектов Российской Федерации (с 2016 по 2018 гг.), осужденными по которым признавались участники таких социальных сфер, как здравоохранение и образование, а также проанализированы результаты анкетирования и опроса сотрудников (115 человек) и пациентов медицинских организаций (111 человек), сотрудников (102 человека) и обучающихся в образовательных организациях (121 человек).

Результаты исследования

Принимая во внимание, что некоторые исследователи усматривают недостаток теории факторов в неиспользовании системного подхода к факторам преступности [2, с. 168], отметим, что нами рассматривается понятие «факторы, детерминирующие мелкое взяточничество в социальной сфере» как более универсальное по отношению к понятиям «причины» и «условия» преступности, поскольку в данном случае можно говорить как о причинах, условиях преступности, так и о явлениях, которые состоят в причинной связи, представляющей собой объективную связь реального мира, когда одно из явлений может при наличии определенных условий порождать другое (причина – следствие) [8, с. 58].

Проанализировать все факторы, детерминирующие мелкое взяточничество в социальной сфере, невозможно, поскольку процессы и явления, которые имеют криминогенное значение, можно обнаружить во всех сферах жизнедеятельности общества. Кроме того, любой фактор при определенных обстоятельствах может быть как криминогенным, так и антикриминогенным. При этом большая часть криминогенных факторов не порождает преступность, а является лишь предпосылками, которые облегчают ее существование [9, с. 59].

Рассматривая криминогенный комплекс [10, с. 9] мелкого взяточничества, необходимо указать также на то, что само взяточничество как вид преступности является значимым криминогенным фактором, подготавливающим необходимые условия для самовоспроизводства, самодетерминации.

Одним из оснований подразделения детерминант преступности на классы является уровень функционирования криминогенного комплекса. Выделяют детерминанты преступности в целом, детерминанты отдельных видов преступлений, причины и условия конкретных видов преступлений. Различия и в то же время взаимосвязь этих уровней отражают сложную связь общего и единичного, целого и части, общего и особенного, системы, подсистемы и элемента.

Необходимо иметь в виду, что мелкое взяточничество в социальной сфере – следствие как общих процессов детерминации и причинности преступности, выражающих общую степень обобщения, так и специфических, максимально конкретизирующих причины и условия именно мелкого взяточничества в сферах здравоохранения и образования.

К общим процессам, провоцирующим преступность, в том числе взяточничество, а также и мелкое взяточничество в социальной сфере, относятся: дефективные формы социально-экономических преобразований, породившие несоразмерное расслоение на богатых и бедных; несовершенство

законодательства и неадекватность законодательной базы существующим в стране социальным, экономическим и политическим условиям; не всегда надлежащая деятельность государственных структур социального контроля и правоохранительных органов; дух беспринципности и система корыстных злоупотреблений в социальной сфере; правовой нигилизм, конформизм и отсутствие веры в социальную справедливость, абсолютизация в массовом сознании культа достижения материального благополучия и утверждение крайнего индивидуализма в общественных отношениях, экзистенциальный вакуум в сознании граждан.

Комплекс специфических причин и условий, детерминирующих мелкое взяточничество в социальной сфере, связан в первую очередь с особенностями государственной и муниципальной службы в медицинских и образовательных организациях. Следует рассмотреть данные особенности отдельно в отношении факторов, детерминирующих получение и дачу мелкой взятки в сфере здравоохранения, и отдельно в отношении факторов, детерминирующих получение и дачу мелкой взятки в сфере образования. То есть необходимо проанализировать четыре блока внешних и внутренних факторов, детерминирующих мелкое взяточничество в социальной сфере, которые попарно взаимосвязаны, но при этом имеют определенные отличия.

Первый блок – причины и условия получения мелкой взятки в сфере здравоохранения (являются причинами и условиями второго порядка, детерминирующими дачу мелкой взятки медицинским работникам). Получение мелкой взятки сотрудниками медицинских организаций обусловлено такими объективными (внешними) явлениями, как:

– неопределенность, господствующая на рынке государственных медицинских услуг. Лица, которые осуществляют управление ресурсами медицинских организаций, ведут мониторинг существующих и необходимых медицинских услуг и занимаются планированием медицинского страхования, не имеют сведений о количестве реальных пациентов, характере их заболеваний, эффективности проводимого лечения и лекарственных препаратов (официальные статистические данные не всегда совпадают с реальной картиной¹), что

порождает возможность использования медицинскими сотрудниками этой неопределенности в целях обогащения за счет тех пациентов, которые готовы потратить материальные средства на не всегда необходимое в сложившихся обстоятельствах лечение;

– сложность системы здравоохранения (глава 3 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» предусматривает, что полномочия в сфере охраны здоровья выполняют органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления²) ещё более затрудняет сбор и анализ необходимой информации, что приводит к перекосам в сфере предоставления медицинских услуг в медицинских организациях на различных уровнях. Например, пациент, которому необходимо лечение не в районной поликлинике, а в каком-либо специализирующемся на том или ином заболевании центре федерального значения, должен получить направление участкового терапевта, которое не всегда выдается своевременно. Такой пациент вынужден «задабривать» медицинского работника с помощью мелкой взятки (выявить подобные преступления крайне сложно, хотя данный тезис подтвердили 65 % опрошенных пациентов);

– недостаточное финансирование сферы здравоохранения, о котором говорят, например, Н.Н. Калмыков и Н.В. Рахтина³, как один из факторов, влияющих на рост мелкого взяточничества в данной сфере, нельзя рассматривать вне связи с тем, что финансы на развитие и поддержание данной сферы выделяются в немалых объемах⁴, но не все финансы доходят до адресатов, в том числе вследствие того же взяточничества, но уже в крупном и особо крупном размерах;

– отсутствие должного контроля и надзора за деятельностью медицинских работников и медицинских организаций со стороны вышестоящих руководителей, правоохранительных органов и иных органов власти формирует чувство вседозволенности и безнаказанности у медицинских работников. Л.В. Шубцова указывает, что Федеральная служба по контролю и надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор), выполняя контрольно-надзорные функции, контролирует более 200 тысяч предприятий, организаций, уч-

¹ Бескаравайная Т.А. Заболеваемость среди школьников оказалась гораздо выше официальной статистики (исследование проводилось Национальным медицинским исследовательским центром здоровья детей в российских общеобразовательных учреждениях и в школах здоровья в девяти субъектах РФ в 2016 году). URL: <https://alev.biz/news/social-problems/problems-of-medicine/zabolevaemost-sredi-shkolnikov-okazalas-gorazdo-vyshe-oficialnoj/> (дата обращения: 22.01.2019).

² Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Российская газета. 2011. 23 ноября.

³ Калмыков Н.Н. Рахтина Н.В. Проблемы и перспективы развития системы здравоохранения в Российской Федерации. URL: <http://zodogov.ru/problem-i-perspektivi-razvitiya-sistemi-zdravoohraneniya.html> (дата обращения: 22.01.2019).

⁴ О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов: Федеральный закон от 05.12.2017 № 362-ФЗ (ред. от 29.11.2018) // Российская газета. 2017. 8 декабря.

реждений различных организационно-правовых форм, проводит в год около 10 тысяч проверок, но такие тотальные проверки неэффективны и не отвечают интересам общества и граждан [11, с. 77];

– отсутствие действенной системы профилактики правонарушений, в том числе получения мелкой взятки, совершаемых медицинскими сотрудниками. Перечень мер по предупреждению коррупции в учреждениях закреплены в ст. 113.3 ФЗ «О противодействии коррупции»¹, но реализация таких мер зачастую носит формальный характер, направленный на улучшение показателей статистики. О таком положении дел могут свидетельствовать полученные при исследовании данные: в каждом третьем из 170 изученных приговоров судов различных субъектов РФ, осужденными по которым признавались участники таких социальных сфер, как здравоохранение и образование, виновными в получении мелкой взятки признаются именно сотрудники медицинских организаций.

Субъективными (внутренними) причинами и условиями получения мелкой взятки сотрудниками медицинских организаций следует признать перечисленные ниже явления.

Незнание граждан своих прав в получении тех или иных услуг в медицинских организациях вследствие несоразмерности распределения информации между медицинскими работниками и пациентами порождает возможность и желание у медицинских сотрудников воспользоваться этим незнанием и предоставить услуги, предусмотренные перечнем по полису обязательного медицинского страхования, за дополнительную плату, несмотря на то, что медицинские организации обязаны осуществлять информационное сопровождение застрахованных лиц на всех этапах оказания им медицинской помощи². Ю.В. Сабанин и Е.И. Кузнецова одним из основных направлений коррупции в здравоохранении называют дезинформацию в целях личной выгоды [12, с. 44]. На диспропорцию в распределении информации как фактор, способствующий совершению преступлений в сфере здравоохранения, указывает А.Н. Варыгин [4, с. 145].

Также основным субъективным фактором является низкий базовый уровень подготовки будущих специалистов (в том числе вследствие высокого уровня мелкого взяточничества в сфере образования) и отсутствие желания, а в некоторых случаях возможности совершенствоваться, повышать уровень квалификации и приобретать знания в области медицины (с данным утверждением согласи-

лись 42% опрошенных сотрудников медицинских организаций и 70% опрошенных пациентов).

Более чем 59% опрошенных сотрудников медицинских организаций и 65% опрошенных пациентов соглашались с тем, что мелкое взяточничество детерминировано озлобленностью, моральной опустошенностью некоторых медицинских сотрудников вследствие материальной необеспеченности, бытовой неустойчивости, напряженного графика работы и нехватки специалистов всех уровней.

Последним по порядку в данном списке, но не по значению является фактор деформации врачебной этики, патернализм отношений, в результате чего проявляется безразличное отношение к пациентам и низкий уровень качества медицинской помощи (данный фактор признан основным 45% сотрудников медицинских организаций и 65% пациентов).

Причинами и условиями второго порядка, обуславливающими получение мелкой взятки, являются те, что детерминируют дачу мелкой взятки сотрудникам медицинских организаций.

Причины и условия дачи мелкой взятки в сфере здравоохранения (второй блок) также можно разделить на объективные и субъективные. Объективные причины дачи мелкой взятки сотрудникам медицинских организаций практически в полном объеме совпадают с объективными причинами получения мелкой взятки медицинскими работниками с той только разницей, что основным субъектом и инициатором отношений здесь выступает не сотрудник медицинской организации, а пациент. Следует отметить, что из 170 изученных нами приговоров судов различных субъектов РФ лишь по 7 из них осужденными признавались пациенты медицинских организаций.

Субъективные причины и условия дачи мелкой взятки медицинским работникам следующие:

- низкая правовая активность граждан, вследствие чего пациенты слабо представляют себе, как, кто и каким образом охраняет их права, куда обращаться в случае нарушения данных прав, какая ответственность предусмотрена и каковы способы возмещения причиненного ущерба;
- нежелание обращаться в вышестоящие инстанции и в судебные органы для защиты своих прав вследствие уверенности в безнаказанности медицинских работников и в безуспешном исходе дела;
- отсутствие у пациентов полной и достоверной информации о том, какие медицинские препа-

¹ О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 30.10.2018) // Российская газета. 2008. 30 декабря.

² Об утверждении Правил обязательного медицинского страхования: приказ Минздравсоцразвития России от 28.02.2011 № 158н (ред. от 11.01.2017) // Российская газета. 2011. 5 марта.

раты и какие медицинские услуги в каком объеме и по какой стоимости (платно или бесплатно) им должны предоставляться, что особенно характерно для пациентов старшей возрастной группы;

– безразличие пациентов к способу оплаты оказанных медицинских услуг, желание «отблагодарить» медицинского работника, вручить благодарность «из первых рук».

То, что указанные выше факторы, детерминирующие дачу мелкой взятки сотрудникам медицинских организаций, относятся к основным, подтверждают данные анкетирования сотрудников и пациентов медицинских организаций, 53% которых выделили указанные факторы из списка предложенных.

Третий блок (причины и условия получения мелкой взятки в сфере образования) и четвертый блок (причины и условия дачи мелкой взятки в сфере образования) так же, как первый и второй, являются взаимозависимыми и взаимодополняемыми.

Так, причины и условия, которые порождают получение мелкой взятки сотрудниками образовательных организаций, обуславливают причины и условия, детерминирующие дачу мелкой взятки данным сотрудникам. При этом имеет значение, на каком уровне образовательных организаций (дошкольное детское учреждение, образовательные организации начального, основного и среднего общего образования, высшего профессионального образования, повышения квалификации, профессиональной переподготовки) и на каком этапе (при поступлении, в процессе обучения, на завершающем этапе обучения) осуществляется мелкое взяточничество.

Одной из основных объективных причин получения и дачи мелкой взятки в сфере образования является недостаточная проработка нормативно-правового регулирования всех этапов образовательного процесса. Активное изменение требований осуществления образовательной деятельности сопровождается недостатками нормативного регулирования и влечет за собой нормативные неопределенности при:

– зачислении в детские сады по принципу оказания «помощи» детскому дошкольному учреждению,

– выборе родительских комитетов и старост, с помощью которых осуществляется сбор материальных средств на «нужды» группы,

– организация мероприятий («свой фотограф», «свой аниматор» и т.д.) к выпуску детей из детского сада,

– поступлении в первый класс по территориальному признаку (влечет за собой совершение такого преступления, как фиктивная регистрация по месту пребывания или по месту жительства),

– текущем и итоговом контроле в начальной и средней школе на основе посещения занятий ре-

петитора, помощи преподавателей при подготовке к сдаче ЕГЭ и непосредственно при сдаче ЕГЭ,

– текущем и итоговом контроле в высших учебных заведениях на основе «благодарности» студента по отношению к профессорско-преподавательскому составу, что может выражаться в необходимости посещения платных «частных занятий», покупке учебных и методических материалов преподавателей и профессоров, устной договоренности о защите курсовых проектов, сдаче зачетов, экзаменов.

Указанные недостатки образовательного процесса выделили как основные 39% опрошенных сотрудников образовательных организаций и более 80% опрошенных обучающихся в образовательных организациях, а также их родители и законные представители.

Кроме того, респонденты подтвердили, что к факторам, детерминирующим мелкое взяточничество в сфере образования, следует отнести:

– существование борьбы среди вузов за получение государственного заказа, что блокирует возможность отчисления неуспевающих студентов;

– перенасыщенность современного рынка труда выпускниками вузов (зачастую качество таких выпускников не очень высокое);

– отсутствие в большинстве случаев у высокообразованных людей достаточных возможностей для самореализации, что приводит к поиску удобных схем;

– низкий уровень оплаты труда преподавателей (особенно в отдаленных от Москвы субъектах РФ) при большом объеме нагрузки.

Причины и условия дачи мелкой взятки сотрудникам образовательных организаций, с которыми согласились 47% опрошенных сотрудников образовательных организаций и 75% опрошенных обучающихся в образовательных организациях, их родителей и законных представителей, следующие:

– отсутствие доступной и понятной человеку, не имеющему юридического образования, информации о правилах зачисления в детские дошкольные учреждения, в образовательные организации начального, среднего, основного и среднего общего образования;

– конформизм большинства родителей и нежелание принятия участия в жизнедеятельности группы детского сада, класса, готовность «откупиться» и позиция «возьмите, только не трогайте меня»;

– незаинтересованность студентов в получении знаний в силу личных качеств и в силу некачественного преподавания, субъективного оценивания знаний студентов;

– отсутствие у студентов и преподавателей желания борьбы с коррупционными практиками;

– общее обесценивание нравственности, низкая ценность саморазвития и потеря мотивации к получению новых знаний, умений, навыков.

Обсуждение и заключения

Таким образом, вышеперечисленные факторы, детерминирующие мелкое взяточничество в сферах здравоохранения и образования, представляют собой комплекс социально-экономических, политических, психологических, организационных причин и условий, которые в совокупности формируют среду, позволяющую распространяться этому явлению, и определяют наиболее распространенные виды взяточничества в социально значимых сферах. Обобщив рассмотренные выше факторы получения и дачи мелкой взятки в сферах здравоохранения и образования, можно сделать следующие выводы:

– во-первых, получение и дача мелких взяток в сферах здравоохранения и образования зависят от ряда общих причин, которые основываются на процессах, происходящих в государстве и обществе;

– во-вторых, данные виды преступлений детерминируются специфическими причинами и условиями, которые характерны для взяточничества в целом;

– в-третьих, особая роль в детерминации получения и дачи мелких взяток в сферах здравоохранения и образования принадлежит четырем блокам внешних и внутренних причин и условий совершения мелкого взяточничества в сферах здравоохранения и образования.

Знание причин и условий мелкого взяточничества в социальной сфере – необходимая составляющая дальнейшей деятельности в области предупреждения указанных преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коррупция: природа, проявления, противодействие: монография / отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. М.: Юриспруденция, 2012. 688 с.
2. Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы / под ред. проф. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2015. 361 с.
3. Коррупция в современной России: понятие, причины, противодействие: коллективная монография / под ред. С.Н. Чурилова, Н.С. Грудина. М.: Издательство РГСУ, 2017. 174 с.
4. Варыгин А.Н., Червонных Е.В. Преступления, совершаемые в сфере здравоохранения, и их предупреждения: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 200 с.
5. Полукаров А.В. Правовые меры противодействия коррупции в сфере здравоохранения: монография. М.: Nota bene, 2015. 88 с.
6. Абрамов Р.А., Соколов М.С. Исследование эффективности противодействия и профилактики коррупции в российской сфере образования: теория, методология, практика: монография. М.: РУСАЙНС, 2017. 98 с.
7. Плохов С.В. Противодействие коррупционной преступности в социальной сфере: криминологический анализ коррупции в областях здравоохранения и образования: монография; под. ред. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2015. 261 с.
8. Криминология: учебник / коллектив авторов; под общей ред. В.И. Гладких. М.: Юстиция, 2017. 422 с.
9. Криминология: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А.Ф. Агапов и др.; под ред. В.Д. Малкова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2011. 542 с.
10. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М.: Инфра-М; Форум, 1998. 216 с.
11. Шубцова Л.В. Совершенствование оценки деятельности органов госуправления в сфере контроля и надзора в здравоохранении // Сервис в России и за рубежом. 2016. № 6. С. 77.
12. Сабанин Ю.В., Кузнецова Е.И. Коррупция в здравоохранении: причины и пути предупреждения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. Т.7. № 16 (109). С. 43-48.

REFERENCES

1. Korruptsiya: priroda, proyavleniya, protivodejstvie: monografiya / otv. red. akademik RAN T.YA. Habrieva. M.: YUrisprudenciya, 2012. 688 s.
2. Korruptsiya: sostoyanie protivodejstviya i napravleniya optimizacii bor'by / pod red. prof. A.I. Dolgovoj. M.: Rossijskaya kriminologicheskaya asociaciya, 2015. 361 s.
3. Korruptsiya v sovremennoj Rossii: ponyatie, prichiny, protivodejstvie: kollektivnaya monografiya / pod red. S.N. CHurilova, N.S. Grudinina. M.: Izdatel'stvo RGSU, 2017. 174 s.
4. Varygin A.N., CHervonnyh E.V. Prestupleniya, sovershaemye v sfere zdravooohraneniya, i ih preduprezhdeniya: monografiya. M.: YUrlitinform, 2013. 200 s.
5. Polukarov A.V. Pravovye mery protivodejstviya korrupcii v sfere zdravooohraneniya: monografiya. M.: Nota bene, 2015. 88 s.
6. Abramov R.A., Sokolov M.S. Issledovanie ehffektivnosti protivodejstviya i profilaktiki korrupcii v rossijskoj sfere

obrazovaniya: teoriya, metodologiya, praktika: monografiya. M.: RUSAJNS, 2017. 98 s.

7. Plovov S.V. Protivodejstvie korrupcionnoj prestupnosti v social'noj sfere: kriminologicheskij analiz korrupcii v oblastyah zdravooohraneniya i obrazovaniya: monografiya; pod. red. N. A. Lopashenko. M.: YUrlitinform, 2015. 261 s.

8. Kriminologiya: uchebnik / kollektiv avtorov; pod obshchej red. V.I. Gladkih. M.: YUsticiya, 2017. 422 s.

9. Kriminologiya: uchebnik dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij, obuchayushchihsya po special'nosti «YUrisprudenciya» / A.F. Agapov i dr.; pod red. V.D. Malkova. 4-e izd., pererab. i dop. M.: YUsticinform, 2011. 542 s.

10. Kudryavcev V.N. Genezis prestupleniya. Opyt kriminologicheskogo modelirovaniya. M.: Infra-M; Forum, 1998. 216 s.

11. SHubcova L.V. Sovershenstvovanie ocenki deyatel'nosti organov gosupravleniya v sfere kontrolya i nadzora v zdravooohranenii // Servis v Rossii i za rubezhom. 2016. № 6. S. 77.

12. Sabanin YU.V., Kuznecova E.I. Korrupciya v zdravooohranenii: prichiny i puti preduprezhdeniya // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2011. T.7. № 16 (109). S. 43-48.

Об авторе: Можина Ольга Юрьевна, адъюнкт кафедры уголовной политики Академии управления МВД России
e-mail: olga.olina2016@yandex.ru

© Можина О.Ю., 2019.

Статья получена: 06.02.2019. Статья принята к публикации: 20.03.2019.

Статья опубликована онлайн: 25.03.2019.

About the author: Mozhina Ol'ga YU., Postgraduate in a Military College of Criminal Policy of Academy of Administration of MIA of Russia

e-mail: olga.olina2016@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 343.85

DOI:

И.М. Усманов, Ф.К. Зиннуров

**«ЗЕЛЕНАЯ» ЗОНА: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ПРОВОКАЦИЯ
(ПРАКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАДИКАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ
В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН)**

**«GREEN» ZONE: REALITY OR PROVOCATION (THE PRACTICE OF COUNTERING
RADICALIZATION OF CONVICTED PERSONS IN PRISONS
IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN)**

Введение: в статье анализируется современная ситуация распространения радикального ислама в местах лишения свободы, выделяются причины и условия этого явления. Особое внимание уделено положительной практике противодействия радикализации осужденных в Республике Татарстан. Даны практические рекомендации по минимизации распространения радикального ислама в исправительных учреждениях.

Материалы и методы: материалом к проведенному исследованию послужили труды по криминологии, уголовному и уголовно-исполнительному праву, социологии, психологии, педагогике, а также материалы практики деятельности Антитеррористической комиссии в Республике Татарстан. При подготовке статьи применялись социологический, статистический, сравнительно-правовой и документальный методы, позволившие проанализировать и обобщить вопросы теоретической и эмпирической направленности, сформулировать выводы и предложения.

Результаты исследования: в статье проанализировано современное состояние радикальной исламизации мест лишения свободы, намечены приоритетные направления совершенствования деятельности по противодействию распространения экстремизма.

Обсуждение и заключения: несмотря на то, что радикализация мест лишения свободы волнует все мировое сообщество, выводы некоторых авторов об образовании «зеленых» зон являются преувеличенными и используются исламофобами зачастую необдуманно. Выводы авторов основываются на статистических данных МВД по РТ и ФСИН России, а также эффективной практике деятельности Антитеррористической комиссии Республики Татарстан.

Ключевые слова: «зеленая» зона, экстремизм, терроризм, радикализация осужденных, радикальный ислам, тюремный джамаат, осужденный.

Для цитирования: Усманов И.М., Зиннуров Ф.К. «Зеленая» зона: реальность или провокация (практика противодействия радикализации осужденных в местах лишения свободы в Республике Татарстан) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 1. С. . DOI:

Introduction: this article analyzes the current situation of the spread of radical Islam in prisons, are the causes and conditions of poverty. Special attention is given to the positive practice of countering radicalization of convicted in the Republic of Tatarstan. Practical recommendations are given to minimize the spread of radical Islam in prisons.

Materials and Methods: material to study served as writings on Criminology, criminal and criminal-executive law, sociology, psychology, pedagogy, as well as Anti-terrorist activities of the Commission in practice

The Republic Of Tatarstan. When the preparation of the article applied sociological, statistical, legal and documentary methods, allowing to analyze and synthesize the theoretical issues and empirical focus, formulate conclusions and proposals.

Results: the article analysed the current state of radical Islamization of places of deprivation of liberty, the priorities in the development of activities to counter the spread of extremism.

Discussion and Conclusions: despite the fact that the radicalization of prison care the entire world community, risk education "green" zones exaggerated and often not Islamophobic is used judiciously. The authors conclusions are based on statistical data of the Ministry of Internal Affairs on RT and the Federal Penal Correction Service, as well as good practices activities Anti-terrorist Commission of the Republic of Tatarstan.

Key words: "green" zone, extremism, terrorism, radicalization of convicts, radical Islam, prison, sentenced Jamaat

For citation: Usmanov I.M., Zinnurov F.K. "Green" zone: reality or provocation (the practice of counter-ing radicalization of convicted persons in prisons in the Republic of Tatarstan) // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V.10, N 1. P. . DOI:

Введение

В отечественной и мировой правоохранительной практике сложно представить иную сферу, в рамках которой возникали бы столь частые и остро-актуальные дискуссии, как сфера противодействия экстремистской и террористической деятельности.

Проблема распространения экстремизма уже давно является одним из ключевых факторов последних десятилетий, угрожающих национальной безопасности, государственной целостности страны. У правоохранительных органов Российской Федерации выработаны определенные способы и методы борьбы в этой сфере. Однако в последние годы экстремистская идеология нашла для себя новую нишу для вербовки новых последователей: это места отбывания наказания в виде лишения свободы, в которых осужденные объединяются в группы, джамааты (араб. джамаат – «община») по религиозным убеждениям, как правило, под руководством радикально настроенных осужденных мусульман.

Напомним, что до недавнего времени колонии и тюрьмы неофициально делились на «черные», которые негласно управляются авторитетами преступной среды, и «красные» – с сильной позицией администрации исправительного учреждения. Сегодня ряд исследователей уже заявляют о появлении так называемых «зеленых» зон или исправительных учреждениях, где внутренняя ситуация неофициально контролируется осужденными мусульманами (по ассоциации с зеленым цветом знамени ислама).

Об актуальности проблемы возникновения тюремных джамаатов в Казани впервые заговорили в

2012 году: в Приволжском центре этнорелигиозных и региональных исследований эксперты обсуждали вопросы отбывания наказания радикал-исламистами в местах лишения свободы, их влияния на остальных осужденных (на примере исправительных учреждений Республики Татарстан) [1].

Складывающаяся ситуация привлекает интерес не только со стороны отечественных правоохранителей и ученых, но и всего мирового сообщества¹. Так, угроза распространения экстремизма среди осужденных исправительных учреждений стран Центральной Азии обсуждалась экспертами стран Азии на международной конференции спецслужб, прошедшей в 2015 году в Бишкеке².

Палата общин в Англии и Уэльсе предоставила данные, согласно которым за последние годы численность заключенных экстремистов выросла более чем в четыре раза [2]. Об усилившейся исламистской пропаганде среди осужденных также заявляет и Франция, имеющая более строгую пенитенциарную систему. Но не только европейские страны обеспокоены ростом исламской радикализации среди осужденных и последующим влиянием на европейское общество [3, с. 44-49]. Аналогичная ситуация складывается в Индии, где большое число осужденных – представителей самой низшей индуистской касты – становятся сторонниками радикального ислама, что позволяет им перейти в касту «неприкасаемых» [4].

Обращение к религии в местах лишения свободы – явление распространённое, однако лишь у мусульман получается противопоставлять себя «блатным» порядкам и администрации³.

¹ В тюрьмах многие «новые мусульмане» перешли в ислам в поисках «крыши». URL: <https://serg-slavorum.livejournal.com/391602.html> (дата обращения: 13.07.2018).

² Радикальный контингент. Российская газета. - №17 (6885). URL: <https://rg.ru/2016/01/28/turma.html> (дата обращения: 13.10.2018).

³ ФСИН начинает борьбу с «зелеными зонами», опасаясь распространения радикального ислама в тюрьмах <https://www.newsru.com/russia/27jan2016/green.html> (дата обращения: 02.02.2019).

Осужденные экстремисты научились адаптироваться в местах лишения свободы и даже создавать «комфортные» зоны, пропагандируя среди осужденных радикальный ислам. Ускорению процесса распространения радикальных взглядов и формированию «зеленых» зон способствует наличие в тюрьме осужденных за терроризм, формирование джамаатов, радикальная пропаганда, возникновение новой точки опоры-защиты от блатных¹.

По данным ФСИН России, в колониях и изоляторах функционирует 708 зданий, сооружений, используемых для проведения религиозных обрядов и церемоний, в том числе 627 зданий и сооружений, выделяемых для лиц, исповедующих православие, 62 – для лиц, исповедующих ислам, 12 – для лиц, исповедующих буддизм, 3 – для лиц, исповедующих католицизм, и иные. Действует более 698 помещений, предоставляемых подозреваемым, обвиняемым и осужденным для проведения религиозных обрядов и церемоний, пользования предметами культа и религиозной литературой, в том числе 351 помещение для лиц, исповедующих православие, 293 – для лиц, исповедующих ислам, 15 – для лиц, исповедующих иудаизм, и иные².

Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России, в 2018 году зарегистрировано 1566 преступлений террористического характера (-12,7%) и 1238 преступлений экстремистской направленности (+4,9%). По состоянию на 1 февраля 2019 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы России (УИС) общее число осужденных составляет 557 684 чел., в том числе за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности – более 2000 подозреваемых, обвиняемых и осужденных³.

В Республике Татарстан с 2004 по 2017 гг. за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности осуждено более 287 человек. Отмечается негативная динамика роста числа подписчиков деструктивных групп (более 200 тыс. человек)⁴.

Тюремная среда с ее набором ценностей и криминальными установками предоставляет немало возможностей осужденным экстремистам для вербовки в свои ряды новых адептов. Как правило, к данной категории относятся люди с низким

уровнем образования и культуры, с различными психологическими травмами. Находясь в благоприятной для вербовочной деятельности среде, радикалы зачастую оказывают большее влияние, чем воспитатели исправительного учреждения.

Среди причин, способствующих распространению радикального ислама в местах лишения свободы, необходимо выделить следующие:

1. Увеличение числа осужденных, исповедующих ислам, и как следствие, образование тюремных джамаатов. Так, в столичных СИЗО мусульмане составляют около 20% заключенных, а в некоторых регионах более 50% от общего числа спецконтингента. Процент молящихся в отдельных местах лишения свободы доходит до 50 и более⁵.

2. Переход в сплоченный джамаат является одной из форм социальной адаптации новообращенных мусульман. Духовное братство привлекательно для осужденных тем, что оно держится особняком, у них появляется ощущение избранности, их число велико, чтобы защитить себя. Осужденные используют идеологию радикального ислама для укрепления своего положения в неформальной тюремной иерархии, «ворам» такое положение не по нраву, но изменить ситуацию и они не могут.

3. Активная проповедническая деятельность осужденных радикал-исламистов среди осужденных. Со вновь прибывшим осужденным в колонии проводится психологическая беседа, в ходе которой ему обещают поддержку, четкий порядок и справедливость, убеждают, что и после освобождения «братья-мусульмане» не бросят его, окажут материальную и иную помощь. Больше всего это привлекает тех осужденных, у которых на свободе нет поддержки, жилья и работы.

4. Свободное использование осужденными выхода в Интернет способствует распространению среди них радикально исламистских учений.

5. Отсутствие концепции религиозной работы в исправительных учреждениях, а также нехватка представителей официального органа традиционных религий в отдельных регионах России.

Обзор литературы

Значительный вклад в разработку проблематики распространения радикального ислама среди осужденных к лишению свободы и совершенство-

¹ Феномен новообращенных мусульман в современной России: сборник докладов участников конференции. URL: <https://books.google.ru/books?id=YuIJDQAAQBAJ&pg> (дата обращения: 02.02.2019).

² ФСИН России Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS> (дата обращения: 12.02.2019).

³ Статистические данные ГИАЦ МВД РФ «Состояние преступности в России за период 2017 г., а также за 10 месяцев 2018 года». URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/15304733> (дата обращения: 02.02.2019).

⁴ Материалы аппарата антитеррористической комиссии в Республике Татарстан.

⁵ ФСИН начинает борьбу с «зелеными зонами», опасаясь распространения радикального ислама в тюрьмах. URL: <https://www.newsru.com/russia/27jan2016/green.html> (дата обращения: 02.02.2019).

вания деятельности различных учреждений по дерадикализации осужденных к этому наказанию внесли такие исследователи, как Габараев А.Ш., Годованец О.Г., Казберов П.Н., Меркурьев В.В., Оганесян С.С., Пащенко И.В., Соколов Д., Сулейманов Р.Р., Ушков Ф.И. и др.

Яворский М.А., подробно рассматривая радикализацию осужденных в России и за рубежом [5, с. 166-173], особенности пенитенциарной исламизации несовершеннолетних [6, с. 43-49], выделяет внутренние и внешние причины распространения радикального ислама в исправительных учреждениях ФСИН России [7, с. 325-329].

Опасность распространения радикального ислама в тюрьмах признается на государственном уровне, поэтому в целях противодействия данному явлению приказом Минюста России утверждена Инструкция по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы¹. Согласно Инструкции, лица, пропагандирующие экстремистскую идеологию, подлежат постоянному контролю, с ними проводятся профилактические мероприятия. С 2014 года во ФСИН и МВД России разработан и реализуется совместный План организационных, оперативно-розыскных и профилактических мероприятий в отношении осужденных к лишению свободы за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности, а также осужденных, пропагандирующих радикальные взгляды [8].

Антитеррористической комиссией в Республике Татарстан разработаны Методические рекомендации антитеррористическим комиссиям в муниципальных образованиях по организации работы с лицами, осужденными за экстремизм и требующими особого внимания².

Деятельность официально зарегистрированных Минюстом России религиозных организаций в местах лишения свободы регламентируется специальными соглашениями с ФСИН России³.

Материалы и методы

Методологическую основу данного научного исследования составляют общенаучные и част-

нонаучные методы познания: социологический, статистический, сравнительно-правовой и документальный методы познания, анализ, синтез, а также обобщение и интерпретация эмпирических данных. Авторские рекомендации и предложения основываются на изучении материалов практики деятельности Антитеррористической комиссии в Республике Татарстан, Центра по противодействию экстремизму МВД по Республике Татарстан, ФСИН России и результатах научных разработок в рассматриваемой сфере.

Результаты исследования

К вопросу раздельного содержания осужденных экстремистов подход у современных государств неоднозначный. В отдельных тюрьмах содержатся осужденные из числа воинствующих экстремистов в таких странах, как Англия, Уэльс, Бельгия, Саудовская Аравия, Израиль, Куба, Малайзия, Киргизия, Кыргызстан. В США, Алжире и Индонезии экстремисты содержатся отдельно от других категорий осужденных. Совместное содержание с другими осужденными применяется в Канаде и Марокко⁴.

После участвовавших случаев нападений радикальных заключенных на сотрудников тюрьмы Франция отменила политику размещения исламистов в специальных тюрьмах. В отношении подозреваемых в экстремистской деятельности применяются электронные браслеты⁵. В Великобритании к работе с осужденными экстремистами привлекаются специальные психологи и представители религиозных конфессий, призванные вернуть в лоно традиционной религии радикально настроенных заключенных. Принятый в 2015 в Германии пакет антитеррористических законов позволяет изымать паспорта у радикально настроенных исламистов на три года, а тех, кто пытается выехать в зону боевых действий на Ближнем Востоке, лишать свободы на десять лет.

Правительство Таджикистана в целях повышения профессионального уровня и ответственности имамов в работе по воспитанию молодежи и противодействию экстремизму в местах лишения свободы контролирует деятельность мечетей, согла-

¹ Приказ Минюста России от 20.05.2013 №72 (ред. от 02.11.2018) «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» (Зарегистрировано в Минюсте России 27.05.2013 №28535).

² Решение антитеррористической комиссии в Республике Татарстан от 18.03.2016 № ПР-70 Методические рекомендации антитеррористическим комиссиям в муниципальных образованиях по организации адресной профилактической работы с лицами категории «особого внимания».

³ Соглашение о взаимодействии ФСИН России и Русской Православной Церкви от 23 июня 2017 г. URL: <http://helpprison.ru/2017/08/23/soglashenie-o-vzaimodejstvii-federalnoj-sluzhby-ispolneniya-nakazaniy-i-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi> (дата обращения: 01.10.2018); Соглашение о сотрудничестве Централизованной мусульманской организацией Совет Муфтиев России от 12.05.2010 г. URL: http://фсин.рф/news/index.php?ELEMENT_ID=4478 (дата обращения: 01.10.2018).

⁴ Справочник по работе с заключенными из числа воинствующих экстремистов и предупреждению порождающей насилие радикализации в тюрьмах. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. URL: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/Handbook-on-VEPs-RU.pdf (дата обращения 27.01.2019).

⁵ Soeren Kern France: Deradicalization Of Jihadists A "Total Fiasco" // URL: <https://www.prisonplanet.com/france-deradicalization-of-jihadists-a-total-fiasco.html> (дата обращения: 13.11.2018).

совывает кандидатуры имамов и выплачивает им государственную заработную плату [9].

В Казахстане разработан и внедряется целый комплекс мер, среди которых наиболее значимые: повышение религиозной грамотности населения; оказание помощи в работе негосударственных организаций в области противодействия экстремизму; повышение профессионального уровня сотрудников государственных органов, занимающихся противодействием экстремизму и терроризму. Кроме того, центры религиозных исследований при местных акиматах под эгидой Агентства по делам религий занимаются координацией деятельности в области религиозного образования и контролируют работу религиозных объединений. Агентство республики Казахстан по делам религий запустило интернет-сайт e-islam.kz, предназначенный для пропаганды традиционного ислама и светских ценностей, а также организовало работу круглосуточной и бесплатной телефонной горячей линии «114» для помощи пострадавшим от деятельности сект и исламистов.

Несмотря на рост количества лиц, вовлекаемых в деструктивную деятельность на территории Российской Федерации, в практике правоохранительных органов Республики Татарстан также накоплен значительный положительный опыт противодействия распространению экстремистской идеологии.

Реализация Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013-2018 годы позволила сформировать законодательные и организационные механизмы противодействия идеологии терроризма. Организовано кадровое, методическое и научное обеспечение данной деятельности, к ее осуществлению привлечены органы местного самоуправления. В настоящее время вступил в действие новый Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019-2023 годы, целью которого является защита населения от пропагандистского (идеологического) воздействия международных террористических организаций, сообществ и отдельных лиц¹.

Мероприятия Комплексного плана предусмотрены государственной программой «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Республике Татарстан на 2014-2020 годы», утвержденной постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 16 октября 2013 года № 764, в которую включена подпрограмма «Профилактика терроризма и экстремизма в Ре-

спублике Татарстан на 2014-2020 годы» с общим объемом финансирования 137,674 млн рублей.

Для координации деятельности муниципалитетов на республиканском уровне при Антитеррористической комиссии Республики Татарстан были созданы 17 межведомственных рабочих групп по профилактике терроризма и экстремизма, состоящие из заместителей руководителей ведомств, и Экспертная группа из числа рядовых исполнителей. Основная деятельность рабочей группы направлена на работу с категориями лиц, наиболее подверженных идеологии терроризма и уже попавших под ее влияние. Антитеррористической комиссией принято решение об использовании обобщающего термина – категория «особого внимания». Этот термин подразумевает, в первую очередь, такое отношение к лицам, которое исключает навязчивую, неуместную опеку, но предполагает ситуацию установления долгосрочных отношений, обеспечение необходимого сопровождения, направленного на формирование устойчивого понимания о возможности пути исправления. С учетом этого былработан принцип минимизации внешнего вмешательства, способного усугубить негативное отношение лица к социуму и государству. В настоящее время проводится адресная работа по ресоциализации в отношении 213 граждан, отбывающих наказание и освободившихся из мест лишения свободы, на 607 членов их семей оказывается профилактической воздействие с момента ареста (в 2017 году 73 лица, 183 члена семей)².

Автономной некоммерческой организацией «Центр социальной реабилитации и адаптации» оказывается юридическая, психологическая, теологическая, материальная и иная помощь освобожденным из мест лишения свободы.

Бывшие осужденные за совершение преступлений экстремистской и террористической направленности, принявшие радикальные установки в местах лишения свободы, проходят ресоциализацию по программам, разработанным специалистами Информационно-консультационного центра (ИКЦ) «Диалог». Положительные результаты приносят практика привлечения некогда авторитетных членов террористических и экстремистских организаций, признавших ошибочность своих прежних взглядов, к подготовке пропагандистских и учебных материалов, адресные беседы с арестованными в следственных изоляторах, содействие родственникам в создании условий по выходу из организаций, аноним-

¹ Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019-2023 годы. URL: http://drogga.noye.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1753018 (дата обращения: 02.02.2019).

² Решение антитеррористической комиссии в Республике Татарстан от 18.03.2016 № ПР-70 Методические рекомендации антитеррористическим комиссиям в муниципальных образованиях по организации адресной профилактической работы с лицами категории «особого внимания».

ному консультированию лиц, планирующих выйти из террористических организаций, а также поиск и переубеждение сомневающихся. Такой подход позволяет создать атмосферу доверия и конструктивного сотрудничества.

В целях обмена опытом 9-11 октября 2018 года Академией наук Республики Татарстан проведена международная научно-практическая конференция «Опыт дерадикализации и ресоциализации приверженцев экстремистских и террористических идеологий», проведены краткосрочные курсы повышения квалификации для специалистов, непосредственно участвующих в адресной профилактической работе с данной категорией лиц. В порядке оказания методической помощи муниципалитетам Академией наук в 2018 году с выездами в районы республики проинтервьюированы 30 осужденных за терроризм и 30 членов их семей, разработаны индивидуальные рекомендации (диагностические карты) по дальнейшей ресоциализации указанных лиц.

Ведется подбор квалифицированных специалистов и адресная профилактическая работа в виртуальном пространстве сети Интернет. На сайтах, в социальных сетях и мессенджерах Духовным управлением мусульман Республики Татарстан (ДУМ РТ) активизирована пропаганда традиционного ислама. Этноконфессиональная тематика и вопросы противодействия идеологии терроризма на регулярной основе освещаются в средствах массовой информации.

Мусульманская литература в мечети на территории колоний завозится по согласованию с Духовным управлением мусульман РТ, на постоянной основе осуществляется ревизия сформированных библиотек.

Духовным управлением мусульман Республики Татарстан во взаимодействии с Управлением ФСИН России по Республике Татарстан и Департаментом Президента Республики Татарстан по вопросам внутренней политики в 2018 году на грантовой основе организована работа 9 религиозных деятелей с осужденными верующими. В 2018 году проведено более 400 бесед с подучетным контингентом в исправительных учреждениях Республики Татарстан, регулярно проводятся специализированные обучающие семинары для религиозных деятелей, закрепленных за пенитенциарными учреждениями.

Таким образом, наработан существенный эмпирический и теоретический опыт, который позволил сформировать видение, чему в первую очередь необходимо обучать лиц, принимающих участие в дерадикализации и профилактике осужденных экстремистов.

Обсуждения и заключения

Проблему образования радикальных группировок в местах лишения свободы одними лишь силовыми методами не решить, необходимы комплексные меры по ресоциализации лиц, которые по той или иной причине оказались подвержены влиянию радикальных религиозных течений. Необходимо изучать и внедрять положительную практику зарубежных стран и регионов России в вопросах противодействия распространения экстремизма в местах лишения свободы.

Несмотря на имеющийся положительные сдвиги в данном направлении, остаются актуальными ряд общих проблем, для решения которых могут быть даны следующие рекомендации:

1. Необходимо предусмотреть проведение семинаров по обмену передовым опытом участников рабочих групп по профилактике терроризма и экстремизма на федеральном уровне.
2. Организовать работу с авторитетными членами террористических и экстремистских организаций, которые признали ошибочность прежних взглядов.
3. Обеспечить финансирование адресных профилактических мероприятий с лицами данной категории.
4. Задача дерадикализации предполагает наличие специальных знаний и высокого профессионализма. Для этого необходимо организовать курсы повышения квалификации для специалистов в области исламоведения и психологии, обеспечить проведение ими диагностики осужденных по экстремистским статьям.
5. Совершенствовать систему контроля исполнения комплексных программ и планов противодействия идеологии экстремизма.
6. Рассмотреть вопрос использования на практике содержания осужденных экстремистов по прогрессивной системе отбывания наказания: условия содержания осужденных экстремистов улучшаются или ухудшаются в зависимости от его поведения, отношения к отбываемому наказанию и дерадикализации. Наиболее эффективной, на наш взгляд, является ирландская прогрессивная система, которая характеризуется наличием «переходных тюрем» с полусвободным режимом. Данная система предусматривает определенные стадии на пути движения осужденного к освобождению, определенный постпенитенциарный контроль. Рассматриваемые «переходные тюрьмы» представляют собой своеобразный «фильтр между тюрьмой и обществом». Практика применения этой системы исполнения заключения уже подтвердила свою эффективность.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что называть колонии и тюрьмы «зелеными» преждевременно, скорее можно говорить о дополнении тюремной субкультуры новой категорией осужденных и о тенденции перераспределения сфер влияния. На примере Республики Татарстан можно утверждать, что при правильном подходе со стороны государственных органов можно повысить иммунитет и к радикализму в местах лишения свободы.

Признательность

Авторы выражают благодарность Антитеррористической комиссии Республики Татарстан и лично руководителю аппарата Галиеву Ильдару Шамилевичу, начальнику отдела Центра по противодействию экстремизму МВД по РТ Исмагилову Рамилю Равиловичу за оказанную помощь при написании настоящей статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сулейманов Р.Р. Исламский фундаментализм на территории тюрем и колоний России // Информационно-аналитический портал «Центр Льва Гумилева». 2 апреля 2012 г. URL: <http://www.gumilev-center.ru/islamskijj-fundamentalizm-na-territorii-tyurem-i-kolonijj-rossii> (дата обращения: 13.07.2018).
2. Kern S. Britain: Muslim Prison Population Up 200%. URL: <http://www.gatestoneinstitute.org/3913/uk-muslim-prison-population> (дата обращения: 13.07.2018).
3. Селезнев И.А. Причины распространения радикального исламизма в делинквентной среде Западной Европы и России XXI в. // Бюллетень Центра этнорелигиозных исследований. СПб., 2017. № 1(5). С. 44-55.
4. Mahabat Kenjebekkyzy. Актуальные вопросы противодействия религиозному экстремизму в местах лишения свободы URL: <http://oaji.net/articles/2019/679-1548016487.pdf> (дата обращения: 12.02.2019).
5. Яворский М.А. Причина радикализации осужденных в местах лишения свободы в России и за рубежом // Национальная безопасность: стратегические приоритеты и система обеспечения: материалы Международной научно-практической конференции. Пермь, 2016. С. 166-173.
6. Яворский М.А. Дерадикализация заключенных в тюрьмах стран Скандинавии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. №3(29). С. 43-49.
7. Яворский М.А. Противодействие экстремизации исправительных учреждений для несовершеннолетних // Юридическая наука и практика: Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара, 2018. С. 325-329.
8. Меркурьев В.В. Предупреждение экстремистской деятельности в исправительных учреждениях ФСИН России в контексте решения задач сохранения и развития личности осужденного. URL: http://anastasia-uz.ru/news/preduprezhdenie_ekstremistskoj_deyatelnosti_v_ispravitelnykh_uchrezhdenijakh_fsin_rossii/2016-01-23-12945 (дата обращения: 12.01.2019).
9. Магомедов Р. Имам-хатибы Таджикистана будут получать заработную плату. URL: <http://golosislama.ru/news.php?id=21465> (дата обращения 23.11.2018).

REFERENCES

1. Sulejmanov R.R. Islamskij fundamentalizm na territorii tyurem i kolonij Rossii // Informacionno-analiticheskij portal «Centr L'va Gumilyova». 2 aprelya 2012 g. URL: <http://www.gumilev-center.ru/islamskijj-fundamentalizm-na-territorii-tyurem-i-kolonijj-rossii> (data obrashcheniya: 13.07.2018).
2. Kern S. Britain: Muslim Prison Population Up 200%. URL: <http://www.gatestoneinstitute.org/3913/uk-muslim-prison-population> (data obrashcheniya: 13.07.2018).
3. Seleznyov I.A. Prichiny rasprostraneniya radikal'nogo islamizma v delinkventnoj srede Zapadnoj Evropy i Rossii XXI v. // Byulleten' Centra etnoreligioznyh issledovaniy. SPb., 2017. № 1(5). S. 44-55.
4. Mahabat Kenjebekkyzy. Aktual'nye voprosy protivodejstviya religioznomu ehkstremitizmu v mestah lisheniya svobody URL: <http://oaji.net/articles/2019/679-1548016487.pdf> (data obrashcheniya: 12.02.2019).
5. YAvorskij M.A. Prichina radikalizacii osuzhdennyh v mestah lisheniya svobody v Rossii i za rubezhom // Nacional'naya bezopasnost': strategicheskie prioritety i sistema obespecheniya: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Perm', 2016. S. 166-173.
6. YAvorskij M.A. Deradikalizaciya zaklyuchennyh v tyur'mah stran Skandinavii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. №3(29). S. 43-49.
7. YAvorskij M.A. Protivodejstvie ehkstremitizacii ispravitel'nyh uchrezhdenij dlya nesovershennoletnih // YUridicheskaya nauka i praktika: Al'manah nauchnyh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii. Samara, 2018. S. 325-329.
8. Merkur'ev V.V. Preduprezhdenie ehkstremitiskoj deyatel'nosti v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah FSIN Rossii v kontekste resheniya zadach sohraneniya i razvitiya lichnosti osuzhden'nogo. URL: http://anastasia-uz.ru/news/preduprezhdenie_ekstremistskoj_deyatelnosti_v_ispravitelnykh_uchrezhdenijakh_fsin_rossii/2016-01-23-12945 (data obrashcheniya: 12.01.2019).
9. Magomedov R. Imam-hatiby Tadjikistana budut poluchat' zarabotnuyu platu. URL: <http://golosislama.ru/news.php?id=21465> (data obrashcheniya 23.11.2018).

Об авторах: Усманов Ильгиз Миншакирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности Казанского юридического института МВД России

e-mail: ilgiz-kgs@mail.ru

Зиннуров Фоат Канафиевич, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент, начальник Казанского юридического института МВД России

© Усманов И.М., 2019.

© Зиннуров Ф.К., 2019.

Статья получена: 01.03.2019. Статья принята к публикации: 20.03.2019.

Статья опубликована онлайн: 25.03.2019.

About the authors: Usmanov Ilgiz M., Research Doctorate in Law, Associate Professor of the Department of Investigation Activities of Kazan Law Institute of MIA of Russia

e-mail: ilgiz-kgs@mail.ru

Zinnurov Foat K., Doctor of Pedagogical Sciences (Higher Doctorate), Candidate of Psychological Sciences (Research Doctorate), Associate Professor, Chief of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов

Усманов Ильгиз Миншакирович – подготовка первоначального варианта текста; проведение критического анализа материалов и формирование выводов; поиск аналитических материалов в отечественных и зарубежных источниках
Зиннуров Фоат Канафиевич – концепция и инициация исследования; осуществление критического анализа и доработка текста.

УДК 343.9

DOI:

К.Ф. Багаутдинов

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В СЛУЧАЕ ИЗМЕНЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ

ISSUES OF IMPLEMENTING A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT IN CASE OF CHANGE OF ACCUSATION

Введение: в статье рассматриваются актуальные проблемы реализации в уголовном судопроизводстве досудебного соглашения о сотрудничестве в случае изменения обвинения.

Материалы и методы: в процессе проведенного исследования применялись следующие методы: обобщение следственной и судебной практики, аналитический, технико-юридический, формально-логический, сравнительно-правовой.

Результаты исследования: выявлена противоречивая следственная и судебная практика при реализации досудебного соглашения о сотрудничестве в случаях изменения обвинения, в том числе в сторону ухудшения положения обвиняемого.

Обсуждение и заключения: сформулированы предложения о совершенствовании правоприменительной практики.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, полномочия прокурора, предъявление обвинения, изменение обвинения

Для цитирования: Багаутдинов К.Ф. Вопросы реализации досудебного соглашения о сотрудничестве в случае изменения обвинения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 1. С. . DOI:

Introduction: the article deals with topical issues of implementation of a pre-trial agreement on cooperation in case of change of accusation in criminal proceedings.

Materials and Methods: in the process of the study, the following methods were used: a generalization of investigative and judicial practice, analytical, technical legal, formal-logical, comparative legal.

Results: contradictory investigative and judicial practice was revealed in the implementation of the pre-trial agreement on cooperation in cases of change in the prosecution, including worsening of the situation of the accused.

Discussion and Conclusions: recommendations to improve law enforcement practice were formulated.

Key words: pre-trial cooperation agreement, powers of the prosecutor, charge, change of charge

For citation: Bagautdinov K.F. Issues of implementing a pre-trial cooperation agreement in case of change of accusation // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2019. V.10, N 1. P. . DOI:

Введение

Статья 317.3 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) определяет порядок составления прокурором досудебного соглашения о сотрудничестве и подробно описывает его содержание. Прокурор должен составить досудебное соглашение о сотрудничестве с участием следователя, подозреваемого (обвиняемого) и его адвоката, при необходимости – переводчика. При этом в досудебном соглашении о сотрудничестве должны быть указаны:

- 1) дата и место его составления;
- 2) должностное лицо органа прокуратуры, заключающее соглашение со стороны обвинения;

- 3) фамилия, имя и отчество подозреваемого или обвиняемого, заключающего соглашение со стороны защиты, дата и место его рождения;

- 4) описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пунктами 1-4 части первой статьи 73 УПК РФ;

- 5) пункт, часть, статья Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), предусматривающие ответственность за данное преступление;

- 6) действия, которые подозреваемый или обвиняемый обязуется совершить при выполнении им

обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве;

7) смягчающие обстоятельства и нормы уголовного законодательства, которые могут быть применены в отношении подозреваемого или обвиняемого при соблюдении последним условий и выполнении обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве.

Таким образом, как следует из содержания статьи 317.3 УПК РФ, в досудебном соглашении о сотрудничестве среди других сведений должно быть дано описание преступления; исходя из ст. 73 УПК РФ, указаны пункт, часть, статья Уголовного кодекса РФ, предусматривающие ответственность за данное преступление, – в том виде, как они установлены на момент заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Также отметим, что содержание ст. 317.3 УПК РФ полностью совпадает с диспозицией статьи 171 УПК РФ, регулирующей порядок привлечения лица в качестве обвиняемого, то есть досудебное соглашение о сотрудничестве фактически дублирует постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, что само по себе является юридически верным, т.к. досудебное соглашение заключается по конкретному делу и конкретному преступлению.

Материалы и методы

При проведении научного исследования применялись следующие материалы и методы: сбор, анализ и обобщение материалов следственной и судебной практики, логический, формально-юридический, системно-структурный, аналитический методы.

Результаты исследования

Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве объективно предполагает добровольность волеизъявления со стороны обвиняемого, что, в свою очередь, предопределяет осведомленность обвиняемого о характере и существе выдвинутого против него обвинения, в рамках которого обвиняемый оказывает содействие в раскрытии, расследовании преступления, изобличении лиц, причастных к данной преступной деятельности.

На практике нередко квалификация действий виновного изменяется, в том числе и в сторону ухудшения положения обвиняемого, обвинение перепредъявляется на более тяжкое. При расследовании многоэпизодных, длящихся, групповых преступлений необходимость дополнения или изменения в ходе расследования уголовного дела обвинения, как правило, неизбежна. В то же время закон не требует в таких случаях вносить изменения в досудебное соглашение о сотрудничестве либо заключать новое соглашение.

По мнению Е.П. Федосеевой, повторное предъявление обвинения не является основанием для заключения с обвиняемым нового соглашения о сотрудничестве, поскольку оно принимается по совершенному им преступлению с целью раскрытия других (более тяжких, групповых) преступлений, выявление которых может повлиять на объем и квалификацию преступления [1].

В свою очередь Г.В. Абшилава считает, что изменение обвинения, наоборот, влечет необходимость заключения нового соглашения и признание юридически ничтожным предыдущего [2].

Судебная практика по данному вопросу является достаточно противоречивой. Суды в отдельных случаях считают, что при изменении квалификации действий обвиняемого, ранее заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, необходимо заключение нового соглашения либо внесение в соглашение изменений.

Например, в Саратовской области имели место факты, когда государственные обвинители ставили под сомнение законность и обоснованность решения прокурора о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Так, Т. в ходе следствия заключил досудебное соглашение о сотрудничестве. Прокурор утвердил обвинительное заключение и направил в суд представление об особом порядке проведения судебного заседания. Октябрьским районным судом г. Саратова за незаконный сбыт наркотических средств, совершенный организованной группой в крупном размере, а также за приготовление к незаконному сбыту психотропных веществ, совершенное организованной группой в крупном размере, Т. осужден к 11 годам лишения свободы. Приговор обжаловали Т., его защитник и прокурор. В частности, государственный обвинитель, наряду с другими доводами, указал на нарушение требований закона при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: в досудебном соглашении о сотрудничестве отсутствовало указание на квалификацию действий обвиняемого по признаку совершения преступления организованной группой; обвинение было изменено на более тяжкое, не предусмотренное досудебным соглашением, следовательно, в досудебном соглашении о сотрудничестве не были согласованы условия ответственности Т. При таких обстоятельствах досудебное соглашение о сотрудничестве, заключенное с Т., по мнению государственного обвинителя, нельзя признать соответствующим требованиям закона. В результате приговор в отношении Т. был отменен с направлением дела

на новое судебное рассмотрение¹. Аналогичные решения принимались Саратовским областным судом и по другим уголовным делам.

Как следует из описанного случая, фактические обстоятельства дела не изменились. Просто следователь сначала расценил действия Т. как совершенные группой лиц, а в конце расследования решил заменить этот признак другим, более тяжким – организованной группой. Причины таких изменений квалификации вполне понятны. Имеют место случаи, когда зачастую необоснованно предъявляется обвинение «с запасом», добавляется новый квалифицирующий признак – преступление, совершенное организованной группой.

Обратимся к другому примеру. К. привлекался к уголовной ответственности за незаконный сбыт наркотических средств. В ходе следствия он заключил досудебное соглашение о сотрудничестве, прокурор внес представление, и уголовное дело К. было рассмотрено в порядке, определенном гл. 40.1 УПК РФ. Октябрьским районным судом г. Саратова 18 ноября 2013 года К. был осужден по ч.3 ст. 30, п. «а» ч. 4 ст. 228.1, пп. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 1 ст. 30, пп. «а, г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ с применением ч. 3 ст. 69 УК РФ к 10 годам 6 месяцам лишения свободы. Осужденный обжаловал приговор, считая его чрезмерно суровым. Государственный обвинитель в апелляционном представлении, наоборот, указал на чрезмерную мягкость назначенного К. наказания, а также несоответствие заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве требованиям уголовно-процессуального закона, т.к. условия, указанные в соглашении об ответственности обвиняемого, фактически не могли быть выполнены.

Суд апелляционной инстанции отменил приговор районного суда в связи с допущенными при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве нарушениями требований уголовно-процессуального закона при составлении досудебного соглашения о сотрудничестве. Выяснилось, что в тексте данного соглашения отсутствует указание на квалификацию действий К. в совершении инкриминируемых ему преступлений. Кроме этого, указание в тексте досудебного соглашения о сотрудничестве на возможность применения ч. 2 ст. 62 УК РФ при назначении наказания также не соответствовало требованию закона, поскольку у К. имелось отягчающее наказание обстоятельство в виде рецидива: он совершил особо тяжкое преступление, будучи ранее осужденным за особо тяжкое преступление. Суд также указал, что обвинение К.

впоследствии было изменено на более тяжкое. При повторном рассмотрении дела в общем порядке К. был осужден к 11 годам лишения свободы².

С учетом практики, сформированной судами области, в Саратовской области, начиная с 2015 года, прокурорами при предъявлении окончательного обвинения, когда увеличивается объем обвинения, положение обвиняемого ухудшается, перезаключается практически каждое соглашение о сотрудничестве.

Аналогичные примеры имеются и в других регионах. Например, прокурором Оренбургского района Оренбургской области были заключены досудебные соглашения с тремя обвиняемыми, которые привлекались по пунктам «а», «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ. При предъявлении окончательного обвинения указанные обвиняемые свою вину признали частично, оспаривая квалифицирующий признак – совершение преступления в составе организованной группы, а также оспаривали объем похищенного имущества, т.е. не согласились с размером ущерба. В связи с этим прокурор вынес постановление о прекращении досудебного соглашения о сотрудничестве.

На наш взгляд, решение прокурора в данном случае является спорным. Наличие по делу признаков организованной преступной группы является оценочным вопросом. Обвиняемые вправе оспаривать обвинение как в целом, так и в отдельной части. В данном случае обвиняемые не отрицали совершение ими преступных действий, изложенных в обвинении. Чем отличаются признаки «совершение преступления в составе организованной преступной группы» или «группой лиц по предварительному сговору», определить непросто даже юристам, не говоря уже о лицах без специального юридического образования. Полагаем, что в подобных и других случаях прокурор может сохранить досудебное соглашение о сотрудничестве, не нарушая тем самым права и законные интересы обвиняемого. Нельзя по формальным основаниям лишать обвиняемого тех преимуществ, на которые он рассчитывал, заключая досудебное соглашение о сотрудничестве. В конце концов, в составлении досудебного соглашения о сотрудничестве главную роль играет прокурор и он должен нести ответственность за его соответствие требованиям закона. Если обвинение изменилось на более тяжкое, тогда прокурору самому следует рассмотреть вопрос о составлении нового досудебного соглашения о сотрудничестве с учетом

¹ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Саратовского областного суда от 19 июня 2014 г. по делу № 22-1680/2014.

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Саратовского областного суда от 13 февраля 2014 г. по делу № 22-241 по обвинению К.

изменившейся квалификации действий обвиняемого, а не заявлять в апелляционной инстанции о нарушении требований закона.

Приговором Канавинского районного суда г. Нижнего Новгорода от 5 мая 2017 года Д. осужден в особом порядке судебного разбирательства в соответствии с положениями главы 40.1 УПК РФ. 10 августа 2017 года этот приговор отменен судом апелляционной инстанции с направлением дела на новое судебное разбирательство. Основанием для отмены приговора послужило нарушение положений ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ, выразившееся в несоблюдении судом требований закона о проверке процедуры заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Оказалось, что на момент заключения досудебного соглашения о сотрудничестве Д. обвинялся только по одной статье – п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. В окончательном обвинении, кроме ч. 2 ст. 158 УК РФ (15 эпизодов), содержались и другие статьи: п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ (один эпизод), ч. 1 ст. 228 УК РФ (один эпизод). После перепредъявления обвинения с увеличением числа эпизодов по другим статьям УК РФ изменения в ранее заключенное соглашение о сотрудничестве не вносились. В судебном заседании соглашение о сотрудничестве не оглашалось и не исследовалось. Суд не убедился в намерении Д. продолжить сотрудничество со следствием после перепредъявления ему обвинения.

Таким образом, в случае перепредъявления обвинения как следователь, прокурор, так и суд должны убедиться в намерении обвиняемого продолжить сотрудничество со следствием после предъявления ему обвинения в сторону ухудшения. Следовательно, этот вопрос должен быть задан обвиняемому с получением подробного ответа, изложением его позиции и дальнейших намерений. При перепредъявлении обвинения на допросе следователь должен выяснить у обвиняемого, понятно ли обвинение, согласен ли он с ним, с разъяснением права на расторжение сделки в случае несогласия с обвинением.

Изменение обвинения на более тяжкое нередко ведет к изменению позиции обвиняемого в части согласия с предъявленным обвинением, признания вины. В связи с этим О.В. Климанова предлагает на законодательном уровне установить требование о недопустимости «поворота к худ-

шему» в части квалификации, указанной в досудебном соглашении о сотрудничестве, поскольку она входит в предмет соглашения и относится к обязательствам прокурора, принимаемым им в соответствии с соглашением о сотрудничестве. Квалификация деяния должна быть сохранена или изменена в сторону, улучшающую положение лица, в итоговом обвинении, которое обозначит пределы судебного разбирательства [3].

Идею запрета на изменение обвинения в худшую сторону, если такое не было специально оговорено в самом соглашении о сотрудничестве, поддерживает и Г.В. Абшилава [2].

По нашему мнению, нет оснований согласиться с подобным подходом. Если лицо заключило досудебное соглашение, то ни следователь, ни прокурор не могут дать никаких гарантий о неизменности квалификации действий обвиняемого, указанной в досудебном соглашении о сотрудничестве. Следствие еще не закончено, оно продолжается. Не исключено, что с ходатайствами о заключении досудебного соглашения обратятся другие соучастники преступления, будут добыты новые доказательства и в результате квалификация действий обвиняемого, ранее заключившего досудебное соглашение, изменится в сторону ухудшения его положения.

Обсуждение и заключения

Полагаем, что прокурору должно быть предоставлено право на сохранение юридической силы заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве при изменении обвинения в сторону ухудшения положения обвиняемого с учетом степени и характера оказанного обвиняемым содействия следствию. Такое решение прокурор может принять в процессе расследования (в виде отдельного постановления) либо отразить данное обстоятельство в представлении в суд об особом порядке рассмотрения уголовного дела. Окончательную оценку всем этим вопросам прокурор дает при поступлении уголовного дела для утверждения обвинительного заключения.

Когда обвинение изменяется в сторону облегчения положения обвиняемого (исключается часть обвинения, квалификация изменяется на более мягкую), то принятия прокурором такого решения не требуется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федосеева Е.Л. Особый порядок уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. С.7-8.
2. Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С.14.
3. Климанова О.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа, договорные характеристики и проблемы квалификации преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2017. С.8.

REFERENCES

1. Fedoseeva E.L. Osobyj poryadok ugolovnogogo sudoproizvodstva pri zaklyuchenii dosudebnogo soglashiya o sotrudnichestve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2014. S.7-8.
2. Abshilava G.V. Soglasitel'nye procedury v ugolovnom sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii: avtoref dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2012. S.14.
3. Klimanova O.V. Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve: pravovaya priroda, dogovornye harakteristiki i problemy kvalifikacii prestuplenij: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Samara, 2017. S.8.

Об авторе: Багаутдинов Камил Флерович, руководитель Азнакаевского межрайонного следственного отдела Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан
e-mail: kamilskrt@mail.ru
© Багаутдинов К.Ф., 2019.

Статья получена: 30.08.2018. Статья принята к публикации: 20.03.2019.
Статья опубликована онлайн: 25.03.2019.

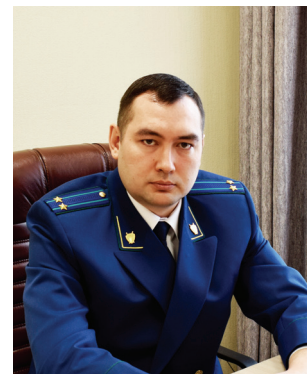
About the author: Bagautdinov Kamil' F., Head of Aznakaevsky Interdistrict Investigation Department of Investigation Department of Investigative Committee of the Russian Federation in the Republic of Tatarstan
e-mail: kamilskrt@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

И.Д. Гайнов

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА
ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА
НА ДОШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ**

**ASPECTS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER
OBSERVANCE OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT
TO PRE-SCHOOL EDUCATION**

Введение: статья посвящена вопросам организации прокурорского надзора за соблюдением конституционного права граждан на образование с точки зрения обеспечения его общедоступности.

Материалы и методы: методический инструментарий исследования включает в себя диалектический, сравнительно-правовой, формально-логический и статистический методы. В качестве материалов исследования использованы статистические данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации с 2012 по 2017 гг., статистические данные Министерства образования и науки Российской Федерации с 2015 по 2018 гг., а также материалы опубликованной судебной практики по вопросам обеспечения общедоступности образования.

Результаты исследования: в статье представлены результаты анализа критериев обеспечения общедоступности образования как приоритетного направления прокурорского надзора за соблюдением конституционного права граждан на образование.

Обсуждение и заключения: в статье иллюстрируется положение, согласно которому отсутствие в законодательстве об образовании критериев общедоступности образования на практике нередко приводит к нарушению соответствующего конституционного права граждан.

Ключевые слова: прокурорский надзор, конституционные права граждан; право на образование, дошкольное образование

Для цитирования: Гайнов И.Д. Некоторые аспекты прокурорского надзора за соблюдением конституционного права на дошкольное образование // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 1. С. . DOI:

Introduction: the article is devoted to the organization of prosecutorial supervision over observance of the constitutional right of citizens to education in terms of ensuring its accessibility.

Materials and Methods: the methodological tools of the research include dialectical, comparative legal, formal logical and statistical methods. Statistical data of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation from 2012 to 2017, statistical data of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation from 2015 to 2018, as well as materials of published judicial practice on issues of ensuring the accessibility of education were used as research materials.

Results: the article presents results of the analysis of criteria of general access to education as priority way of prosecutorial oversight over observation of constitutional law of rights of citizens to education.

Discussion and Conclusions: the article substantiates the opinion that there is no clear definition of criteria of general access to education lead to violation of citizens' constitutional rights.

Key words: prosecutorial oversight of the constitutional rights of citizens; the right to education

For citation: Gainov I.D. Aspects of prosecutorial supervision over observance of the constitutional right to pre-school education // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2019. V.10, N 1. P. . DOI:

Введение

Право на образование в Российской Федерации гарантировано Конституцией Российской Федерации, Всеобщей декларацией прав человека и Конвенцией о борьбе с дискриминацией в области образования. Кроме того, государственные гарантии соблюдения конституционного права граждан на дошкольное образование содержатся в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ)¹ и других федеральных законах².

На приоритетность проблем образования неоднократно обращал внимание Президент Российской Федерации В.В. Путин³. В послании Федеральному Собранию в 2018 году он подчеркнул, что равные образовательные возможности являются мощным ресурсом для развития страны, а современное, качественное образование должно быть доступно для каждого ребенка.

Проблемы надзора за соблюдением органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и образовательными организациями конституционного права граждан на дошкольное образование сегодня являются весьма актуальными. В первую очередь, это связано с приоритетом интересов и благосостояния детей во всех сферах жизни общества и государства, что особо отмечено в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних и молодежи»⁴ (п. 2) (далее – приказ Генерального прокурора № 188).

В настоящее время количество нарушений конституционного права граждан на образование остается значительным. Одной из главных задач при осуществлении прокурорского надзора в этой сфере является организация общедоступности образования. Ее эффективное решение требует применения комплексных мер и зависит не только от соответствующих экономических процессов, но и от обеспечения необходимого режима законности.

Обзор литературы

К вопросу прокурорского надзора за соблюдением конституционного права на образование обращались Н.В. Коваль [1], Е.П. Кондратьева [2].

Проблемы общедоступности образования рассматривались в научных работах О.Ю. Косовой [3, с. 6 - 10.], Т.И. Пуденко [4]. Понятие и гарантии реализации конституционного права на образование исследовались М.А. Задориной [5, с. 18 - 26], Е.А. Каштановой [6, с. 24 - 28].

Результаты исследования

Согласно п. 6 приказа Генерального прокурора № 188, прокурорский надзор за соблюдением прав граждан на общедоступность образования – это одно из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры. Вместе с тем критериев общедоступности образования ни в вышеуказанном приказе, ни в Федеральном законе № 273-ФЗ не содержится. Общедоступность образования лишь упоминается в ч. 3 ст. 5 Федерального закона № 273-ФЗ, а также в п. 11 ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) и в п. 13, 14 ч. 2 ст. 26.3 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 184-ФЗ).

Очевидно, что отсутствие в законодательстве об образовании критериев общедоступности образования на практике может привести к нарушению соответствующего конституционного права граждан.

Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание, что согласно Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования и ст. 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах под доступностью образования необходимо понимать равные для всех права и возможности его получения. По мнению Конституционного Суда РФ, доступность образования должна пониматься не только в экономическом смысле, но и в физическом (безопасная досягаемость образовательной организации, ее разумное географическое удаление, обеспечение доступа к современным технологиям)⁵.

Необходимо отметить, что наряду с экономической и физической доступностью в Конвенции о правах ребенка фактически содержится указание

¹ Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Российская газета. 2012. № 303.

² Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ // Российская газета. 1999. № 206; Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Российская газета. 2003. № 202.

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 // Российская газета. 2018. № 46.

⁴ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних и молодежи» // Законность. 2008. № 2.

⁵ По делу о проверке конституционности положений статьи 153 Федерального закона от 22.08.2004 № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти

на информационную доступность образования. В частности, в п. 4 ч. 1 ст. 28 упомянутой Конвенции сказано, что Государства – участники должны обеспечить для всех детей доступ к информации и материалам в области образования. Требования относительно информационной открытости образовательной организации и образования содержатся и в ст. 29 Федерального закона № 273-ФЗ.

Однако практика прокурорского надзора показывает, что количество нарушений в рассматриваемой сфере хоть и уменьшается год от года, но все же остается значительным. Так, только в сфере дошкольного образования в 2012 году прокурорами было выявлено более 183 тыс. нарушений, в 2013 году – более 180 тыс. нарушений, в 2014 – около 104 тыс. нарушений¹.

Одной из первостепенных задач деятельности прокурора по надзору за соблюдением конституционного права граждан на образование является обеспечение экономической доступности образования. Так, в п. 6.2. приказа Генерального прокурора № 188 прокурорам предписано во всех случаях незаконной коммерциализации образовательной сферы без промедлений принимать меры прокурорского реагирования.

Наиболее распространенными нарушениями в сфере обеспечения экономической доступности образования являются: взимание родительской платы с законных представителей детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; подмена образовательной деятельности платными образовательными услугами; систематический сбор денег на различные нужды образовательной организации; необеспечение необходимой учебной литературой. Проведенное нами исследование не позволяет однозначно утверждать, что причиной указанных нарушений является недостаточный объем финансирования образовательных организаций. Так, по данным Министерства образования и науки Российской Федерации, на реализацию государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы в 2017 году из федерального бюджета было выделено 441 млрд рублей².

Гарантии экономической доступности образования закреплены в Федеральном законе № 273-ФЗ. Так, например, в ст. 65 указано, что все

расходы на реализацию государственными и муниципальными образовательными организациями образовательной программы дошкольного образования не могут быть включены в родительскую плату. Родители (законные представители) оплачивают только сопутствующие услуги по присмотру и уходу за детьми (стоимость данных услуг устанавливается учредителем). Кстати, именно это положение некоторые авторы подвергают критике. Так, Т.И. Пуденко отметила, что в Федеральном законе № 273-ФЗ отсутствует норма, ограничивающая размер родительской платы, что при определенных объективных обстоятельствах может привести к экономической недоступности дошкольного образования [6].

В соответствии с ч. 2 ст. 101 Федерального закона № 273-ФЗ недопустимо оказание платных образовательных услуг вместо образовательной деятельности, которая финансируется за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов. С целью материальной поддержки воспитания и обучения детей, посещающих образовательные организации, Федеральным законом № 273-ФЗ предусмотрена возможность компенсации части родительской платы, уменьшения ее размера либо освобождения от ее уплаты (ч. 5 ст. 65). Однако нарушения указанных положений закона иногда приобретают массовый характер. Так, в Удмуртской Республике в 9 детских садах с опекунов 12 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, взималась родительская плата, обязанность внесения которой была включена в соответствующие договоры³.

В соответствии со ст. 65 Федерального закона № 273-ФЗ расходы на содержание недвижимого имущества не могут быть включены в родительскую плату, а согласно п. 11 ч. 1 ст. 15 Федерального закона № 131-ФЗ организация предоставления бесплатного общего образования по соответствующим программам в муниципальных образовательных организациях относится к вопросам местного значения. Как показывает практика, нарушения указанных запретов в отдельных случаях являются систематическими. Так, в одном из детских садов г. Краснодара администра-

субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой главы города Твери и Тверской городской Думы: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.05.2006 № 5-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 3.

¹ Генеральная прокуратура РФ обобщила состояние законности и практику прокурорского надзора за соблюдением конституционных гарантий на получение детьми дошкольного образования в 2012-2014 годах // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-489366/> (дата обращения: 13.01.2019).

² Отчет об итогах деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации в 2017 году и задачах на 2018 год // Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <https://минобрнауки.рф/документы/12446> (дата обращения: 14.01.2019).

³ Генеральная прокуратура РФ обобщила состояние законности и практику прокурорского надзора за соблюдением конституционных гарантий на получение детьми дошкольного образования в 2012-2014 годах // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-489366/> (дата обращения: 13.01.2019).

цией детского сада с родителей обучающихся на протяжении двух лет собирались «добровольные» пожертвования для приобретения чистящих и моющих средств [3]. Похожий случай выявлен в Республике Мордовия¹. Такое взаимодействие образовательной организации и родителей обучающихся не может считаться благотворительной деятельностью последних, поскольку не основана на принципах добровольности и свободы выбора соответствующих целей (ст. 1, 4 Федерального закона от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (далее – Федеральный закон №135-ФЗ).

Другим не менее важным критерием общедоступности образования является физическая доступность. В Федеральном законе № 273-ФЗ установлено, что обучение ребенка в дошкольной образовательной организации возможно при достижении им возраста двух месяцев, а в образовательной организации общего образования – шести лет и шести месяцев (ч. 1 ст. 67). При этом определена только одна причина отказа в приеме – отсутствие свободных мест (ч. 4 ст. 67). Необходимо отметить, что именно по этой причине только в 2015 году в Российской Федерации не была обеспечена общедоступность образования 372 430 детей в возрасте от 3 до 7 лет².

Очевидно, что сложившаяся ситуация обусловлена, с одной стороны, положительной демографической динамикой (в 2012 году дошкольные образовательные организации посещало 4 605 018 детей, в 2013 году – 4 913 924 ребенка, в 2014 году – 5 275 197 детей, в 2015 году – 5 652 935 детей)³, а с другой – требованиями законодательства об образовании, которые устанавливают, что правила приема на обучение должны обеспечивать прием всех граждан, имеющих на это право (ч. 2 ст. 67 Федерального закона №273-ФЗ). В результате нарушение консти-

туционного права граждан на образование в некоторых случаях становится систематическим. Так, по состоянию на 1 января 2016 г. местами в детских садах были обеспечены 71,7 % детей в возрасте от 2 месяцев до 3 лет, на 1 января 2017 г. – 76,6 %, на 1 января 2018 г. – 79,8 %⁴. Очевидно, что сложившаяся ситуация, хоть и имеет положительную динамику, но все же требует применения комплексных мер, в том числе направленных на неукоснительное исполнение действующего законодательства всеми участниками образовательных отношений и участниками отношений в сфере образования.

Поскольку организация предоставления общедоступного образования и учет детей, подлежащих обучению, относится к вопросам местного значения (п. 1, 6 ч. 1 ст. 9 Федерального закона № 273-ФЗ и п. 13 ч. 1 ст. 16 Федерального закона № 131-ФЗ), необходимо обратить внимание на надлежащее исполнение соответствующих обязанностей должностными лицами органов местного самоуправления. С этой целью прокуроры неоднократно принимали меры реагирования, направленные на понуждение органов местного самоуправления принять меры к увеличению количества мест в образовательных организациях⁵. Так, только после вмешательства прокурора была обеспечена физическая доступность дошкольного образования в некоторых труднодоступных районах, где ранее дошкольное образование вообще детям не предоставлялось⁶, построены и введены в эксплуатацию новые детские сады⁷. А в некоторых случаях были выявлены факты нарушения в действиях руководителей соответствующих образовательных организаций. Например, в одном из детских садов при наличии очереди на получение в нем мест руководителем были заключены договоры аренды помещений для последующего использования в коммерческих целях⁸.

¹ Прокуратура Республики Мордовия выявила многочисленные нарушения законодательства о бесплатном дошкольном и общем образовании // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-826456/> (дата обращения: 14.01.2019).

² Отчет об итогах деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации в 2017 году и задачах на 2018 год // Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <https://минобрнауки.рф/документы/12446> (дата обращения: 14.01.2019).

³ Отчет об итогах деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации в 2015 году и задачах на 2016 год // Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <https://минобрнауки.рф/документы/7951> (дата обращения: 14.01.2019).

⁴ Отчет об итогах деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации в 2017 году и задачах на 2018 год // Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <https://минобрнауки.рф/документы/12446> (дата обращения: 14.01.2019).

⁵ В Генеральной прокуратуре Российской Федерации состоялся Открытый интерактивный форум «Защита поколений будущего» // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/news_events/news-1306394/ (дата обращения: 07.03.2019).

⁶ Генеральная прокуратура России проанализировала состояние законности при реализации приоритетного национального проекта «Образование» // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-81254/> (дата обращения: 14.01.2019).

⁷ В Мурманской области прокуратура области добилась восстановления прав граждан на получение общедоступного бесплатного дошкольного образования // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1404268/> (дата обращения: 14.01.2019).

⁸ Генеральная прокуратура РФ обобщила состояние законности и практику прокурорского надзора за соблюдением конституционных гарантий на получение детьми дошкольного образования в 2012-2014 годах // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-489366/> (дата обращения: 13.01.2019).

При организации прокурорского надзора за исполнением законодательства об образовании необходимо обратить внимание на обеспечение условий для получения качественного образования всеми, кто имеет на это право, в том числе лицами с ограниченными возможностями здоровья. Такая обязанность возложена, в том числе, на органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления (п. 1 ч. 5 ст. 5 Федерального закона № 273-ФЗ), а также на органы, осуществляющие управление в сфере образования, образовательные организации, органы социальной защиты населения и органы здравоохранения (ст. 19 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»). Практика показывает, что в некоторых образовательных организациях такие условия не создаются. Чаще всего это связано с отсутствием пандуса и ограждений с поручнями¹ либо отсутствием групп, обучение в которых проводится по адаптированным программам².

Следующим критерием общедоступности образования является его информационная доступность. Гарантия обеспечения для всех детей доступности информации об образовании закреплена как в общепризнанных международных нормах³, так и в отечественном национальном законодательстве⁴. Как правило, информационный доступ для ознакомления с Уставом и другими документами образовательных организаций осуществляется посредством ведения официального сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – сеть «Интернет»).

В соответствии с п. 21 ч. 3 ст. 28 Федерального закона № 273-ФЗ обеспечение создания и ведения официального сайта в сети «Интернет» относится к компетенции образовательной организации, которая обеспечивает доступность определенной информации о своей деятельности. Такие сведения подлежат размещению и обновлению в соответствии с правилами, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 10.07.2013 № 582 «Об утверждении Правил размещения на официальном сайте образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и обновления

информации об образовательной организации»⁵ (далее – Постановление № 582).

Случаи нарушений порядка размещения информации на соответствующих официальных сайтах нельзя назвать редкими. Результаты мониторинга свидетельствуют, что информационная доступность дошкольного образования, в сравнении с другими уровнями образования, является максимальной, однако те или иные нарушения выявляются практически повсеместно⁶ [3].

Обсуждение и заключения

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Эффективность реализации конституционного права граждан на образование, в том числе и дошкольное, зависит не только от соответствующих экономических процессов, но и от обеспечения необходимого режима законности в деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и образовательных организаций.

2. Критериями общедоступности образования являются его экономическая, физическая и информационная доступность. Следовательно, именно эти критерии должны быть ключевыми при осуществлении прокурорского надзора за соблюдением конституционного права граждан на дошкольное образование.

3. При организации прокурорского надзора за соблюдением конституционного права граждан на дошкольное образование необходимо проверять не только законность установления оплаты за услуги по присмотру и уходу за детьми, но и законность взимания денежных средств за оказание дополнительных образовательных услуг.

4. Действия по систематическому сбору денег с родителей (законных представителей) несовершеннолетних на различные, в том числе заранее установленные, нужды образовательной организации противоречат требованиям Федерального закона № 135-ФЗ, поскольку при передаче денежных средств и имущества не соблюдаются основополагающие принципы добровольности и свободы выбора целей благотворительной деятельности.

5. Неразмещение информации и (или) размещение не соответствующей законодательству ин-

¹ Прокуратура Республики Мордовия выявила многочисленные нарушения законодательства о бесплатном дошкольном и общем образовании // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-826456/> (дата обращения: 14.01.2019).

² Благодаря вмешательству прокуратуры г. Горно-Алтайска восстановлено право ребенка-инвалида на получение дошкольного образования // Официальный сайт прокуратуры Республики Алтай. URL: <http://prokuratura-ra.ru/masmedia/news/36121/> (дата обращения: 14.01.2019).

³ Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Выпуск XLVI.

⁴ Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Российская газета. 2012. № 303.

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 10.07.2013 № 582 «Об утверждении Правил размещения на официальном сайте образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и обновления информации об образовательной организации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 29, ст. 3964.

⁶ Информационно-аналитическая справка по результатам регионального мониторинга и анализа сайтов системы образования Челябинской области // Официальный сайт Министерства образования и науки Челябинской области. URL: <http://www.minobr74.ru/> (дата обращения: 13.01.2019).

формации на официальном сайте образовательной организации нарушает права обучающихся и их родителей (законных представителей). В связи с этим в каждом случае выявления подобных фак-

тов прокурору необходимо решать вопрос о возбуждении административного производства по ст. 5.57 КоАП РФ, что подтверждается и судебной практикой¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Задорина М.А. Конституционное право на среднее профессиональное образование в Российской Федерации: определение понятия // Российский юридический журнал. 2017. № 2.
2. Каштанова Е.А. О гарантии реализации права на образование // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 2.
3. Кондратьева Е.П. Прокурорский надзор в сфере соблюдения прав детей на получение общего образования // Прокурор. 2018. № 2.
4. Косова О.Ю. Обеспечение доступности образования для несовершеннолетних // Законность. 2017. № 4.
5. Коваль Н.В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства об образовании: лекция. М., 2017. 40 с.
6. Пуденко Т.И. Доступность качественного дошкольного образования: риски современного этапа // Управление образованием: теория и практика. 2013. № 2 (10).

REFERENCES

1. Zadorina M.A. Konstitucionnoe pravo na srednee professional'noe obrazovanie v Rossijskoj Federacii: opredelenie ponyatiya // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2017. № 2.
2. Kashtanova E.A. O garantii realizacii prava na obrazovanie // Vestnik Omskoj yuridicheskoy akademii. 2017. № 2.
3. Kondrat'eva E.P. Prokurorskij nadzor v sfere soblyudeniya prav detej na poluchenie obshchego obrazovaniya // Prokuror. 2018. № 2.
4. Kosova O.YU. Obespechenie dostupnosti obrazovaniya dlya nesovershennoletnih // Zakonnost'. 2017. № 4.
5. Koval' N.V. Prokurorskij nadzor za ispolneniem zakonodatel'stva ob obrazovanii: lekciya. M., 2017. 40 s.
6. Pudenko T.I. Dostupnost' kachestvennogo doshkol'nogo obrazovaniya: riski sovremennogo ehtapa // Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika. 2013. № 2 (10).

Об авторе: Гайнов Ильяс Дамирович, кандидат юридических наук, профессор кафедры прокурорского надзора за исполнением законов и участия прокурора в административном, арбитражном и гражданском процессе федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации»
e-mail: gainov@yandex.ru
© Гайнов И.Д., 2019.

Статья получена: 12.03.2019. Статья принята к публикации: 20.03.2019.
Статья опубликована онлайн: 25.03.2019.

About the author: Gainov Il'yas D., Research Doctorate in Legal Sciences, Associate Professor of Prosecutor's oversight of the implementation of laws and the involvement of a prosecutor in Administrative, Civil and Administrative Proceedings of Federal National State Educational Institution of Higher Education "University of Procuracy of the Russian Federation".
e-mail: gainov@yandex.ru

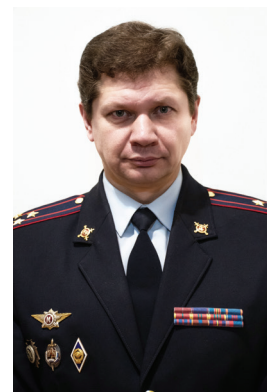
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

¹ Апелляционное определение Смоленского областного суда № 33-1505/2014 от 22.04.2014 по делу № 33-1505/2014 // Официальный сайт Смоленского областного суда. URL: <http://oblsud.sml.sudrf.ru/> (дата обращения: 11.02.2019).

А.В. Победкин

АВТОРИТЕТ СЛЕДОВАТЕЛЯ КАК СРЕДСТВО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПУБЛИЧНОСТИ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА

THE CREDIBILITY OF THE INVESTIGATOR
AS A MEANS OF ENSURING THE PUBLICITY
OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Введение: в статье представлены результаты теоретического осмысления процессуального и общественного статуса следователя, разработаны отдельные рекомендации для законодателя, которые могут быть использованы в формировании и реализации уголовно-процессуальной политики в целях повышения авторитета следователя. По мнению автора статьи, недостаточный авторитет следователя препятствует созданию в обществе представления о справедливости досудебного производства, что затрудняет эффективную реализацию публичной функции уголовного судопроизводства.

Материалы и методы: исследование основано на методе материалистической диалектики. Проблема повышения авторитета следователя рассматривается во взаимосвязи с рядом иных уголовно-процессуальных проблем: авторитета судьи, уголовно-процессуальных функций, функций следователя, вопросами организации досудебного производства. Кроме того, использовались общенаучные методы: исторический, социологический, формально-логический, анализа, синтеза и др., а также частнонаучные методы: сравнительно-правовой; формально-юридический, логико-юридический и др.

Результаты исследования: авторитет следователя в глазах общества является важным фактором обеспечения публичности уголовного судопроизводства. Автор статьи полагает, что следователь должен восприниматься обществом как высокопрофессиональное, ответственное, обладающее необходимыми нравственными качествами должностное лицо, способное обеспечить законное и справедливое расследование по уголовному делу.

Обсуждение и заключения: следователь – должностное лицо, выполняющее функцию юстиционного характера, т.е. обеспечивающее всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств по уголовному делу. В связи с этим его авторитет должен быть сопоставим с авторитетом судьи и требует соответствующих мер обеспечения.

Ключевые слова: функции следователя, авторитет следователя, процессуальное положение следователя, процессуальная самостоятельность следователя, публичность уголовного судопроизводства

Для цитирования: Победкин А.В. Авторитет следователя как средство обеспечения публичности уголовного судопроизводства // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 1. С. . DOI:

Introduction: the article presents the results of theoretical understanding of the procedural and public status of an investigator, some recommendations for the legislator, which can be used in the formation and implementation of criminal procedure policy in order to increase the credibility of the investigator. According to the author of the article, insufficient credibility of an investigator impedes the creation in society of the perception of justice in pre-trial proceedings, which makes it difficult to effectively implement the public function of criminal justice.

Materials and Methods: the study is based on the method of materialistic dialectics. The question of increasing the credibility of an investigator is considered in conjunction with a number of other criminal procedural problems: the credibility of a judge, criminal procedural functions, functions of an investigator, and organization of pre-trial proceedings. In addition, general scientific methods were used: historical, sociological, formal-logical, analysis, synthesis, etc., as well as specific scientific methods: comparative-legal; formal legal, logical and legal etc.

Results: credibility of an investigator in the society is an important factor in ensuring the publicity of criminal proceedings. The author suggests that an investigator must be seen by the population of the country as a highly professional, responsible, possessing necessary moral qualities, able to provide a legitimate and fair investigation in a criminal case.

Discussion and Conclusions: investigator is an official performing the function of a justice nature, i.e. providing comprehensive, complete and objective investigation of the circumstances of a criminal case. In this regard, his credibility must be comparable to that of a judge and requires appropriate enforcement measures.

Key words: functions of the investigator, credibility of the investigator, procedural position of the investigator, procedural independence of the investigator, publicity of criminal proceedings

For citation: Pobedkin A.V. The credibility of the investigator as a means of ensuring the publicity of criminal proceedings // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2019. V. 10, N 1. P. . DOI:

Введение

Многочисленные, в том числе и кардинальные, изменения уголовно-процессуального законодательства не способны существенно повлиять на качество уголовного судопроизводства. Этот вывод не вызывает сомнений даже на фоне ежегодного снижения количества зарегистрированных преступлений. Он основан не только на информации о многочисленных жалобах на прямые, нередко попросту циничные нарушения законодательства в ходе досудебного производства¹, но, прежде всего, на отношении населения страны к должностным лицам правоохранительных структур, которое не может не распространяться на участников уголовного судопроизводства, осуществляющих предварительное расследование. По результатам исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, 40% населения полагают, что правоохранительные структуры коррумпированы. Около половины населения считают, что их потребность в справедливости не удовлетворяется [1]. Где же еще так ярко выражается справедливость, как не в уголовном судопроизводстве, которое и существует для того, чтобы ее, попорченную, восстанавливать [2].

Однако важно не только обеспечить справедливость уголовно-процессуальных решений, важно, чтобы в это поверили люди, в противном случае чувство тревоги за свою безопасность, безопасность своих детей останется неизжитым, а значит, и публичность уголовного судопроизводства, которая, по мнению автора настоящей статьи, является основной его функцией, по сути, останется нереализованной.

Публичность имеет две стороны – объективную и субъективную. Объективная – реальная безопасность общества от преступных проявлений,

обеспечиваемая выявлением и привлечением к уголовной ответственности действительно виновных, субъективная – осознание этой безопасности каждым жителем страны. Отсутствие как той, так и другой составляющей свидетельствует, что свое публичное предназначение уголовный процесс не выполняет.

В части досудебного производства обе стороны публичности сегодня в России упречны. Недаром идеи реформирования досудебного производства вновь на пике обсуждений – и на серьезном общественном уровне², и в науке [3, с. 9-21; 4, с. 9-18]. Объективная сторона страдает ввиду последовательного скатывания уголовно-процессуального законодательства к ценностям, несвойственным россиянам: голому прагматизму, дешевизне, договорным технологиям, которые отнюдь не стимулируют должностных лиц, осуществляющих досудебное производство, к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств по уголовному делу. Субъективная сторона публичности определяется связью народа с уголовным судопроизводством, которую можно обеспечить лишь комплексными системными решениями. Одно из них – обеспечение авторитета следователя в глазах населения страны.

Методология и материалы

Исследование основано на методе материалистической диалектики: проблема повышения авторитета следователя рассматривается во взаимосвязи с рядом иных уголовно-процессуальных проблем: авторитета судьи, уголовно-процессуальных функций, функций следователя, организации досудебного производства. Кроме того, использовались общенаучные методы: исторический (в части истории процессуального положения следователя и соотношения его с судебским положе-

¹ См., например: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год // Российская газета. 2018. 17 апреля; Доклад Генерального прокурора Российской Федерации на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 18 февраля 2019 г.). В докладе Ю.Я. Чайки, в частности, отмечается, что, хотя 70 % уголовных дел рассматривается в особом порядке, который не предполагает ни длительных расследований, ни тем более реабилитации подсудимых, в 2017 г. на четверть возросло число лиц, оправданных судом (877), а общее количество лиц, получивших право на реабилитацию, превысило 13 тыс.

² См., например: Предложения о компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации, подготовленные Постоянной комиссией по гражданскому участию в правовой реформе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <http://president-sovet.ru/> (дата обращения 19 февраля 2019 г.).

нием), социологический (использовались статистические показатели, характеризующие качество досудебного производства, отношения населения к правоохранительным органам), формально-логический (функции следователя логично выводились из его полномочий), анализа, синтеза и др., а также частнонаучные методы: историко-правовой (сравнивалось современное и ранее действовавшее законодательство, регламентирующее положение следователя), формально-юридический, логико-юридический (исследовалось содержание конкретных норм уголовно-процессуального права и их логическая связь) и др. Изучались доклады и выступления должностных лиц, возглавляющих правоохранительные органы, общественные и законотворческие структуры, а также правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд).

Обзор литературы

В основе уровня авторитета, которым должен обладать следователь, – решение вопроса о его функциях. Многочисленные точки зрения на выполняемую следователем функцию в основном сводятся к сущностной характеристике его положения в процессе: является ли он обвинителем (участником, осуществляющим уголовное преследование) или лицом, производящим предварительное расследование всесторонне, полно и объективно, что ближе к судейскому предназначению. О.Я. Баев, настаивавший, что следователь выполняет функцию уголовного преследования вне зависимости от наличия в уголовном судопроизводстве подозреваемого (обвиняемого), писал: «Говорить об уголовном преследовании, имея в виду его осуществление только в отношении конкретного лица, не включая в него деятельность, приводящую к его, конкретного лица, выявлению и изобличению, – все равно что попытаться одной линией начертить прямоугольник либо без длины, либо без высоты» [5, с. 23]. Иначе говоря, с точки зрения О.Я. Баева, следователь выполняет функцию уголовного преследования вне зависимости от того, выявлен ли по уголовному делу подозреваемый или обвиняемый. Другими видными специалистами отстаивается и иной подход: следователь осуществляет функцию предварительного расследования [6, с. 122-127; 7, с. 38]. Существует авторитетное мнение, что в деятельности следователя можно усмотреть и функцию обвинения, и функцию защиты, и функцию разрешения уголовного дела [8, 13-14; 9, с. 18-19]. Обозначена позиция, согласно которой следова-

тель, выполняя функцию предварительного расследования, после надления лица процессуальным статусом обвиняемого, подозреваемого одновременно реализует подфункцию обвинения [10, с. 50].

Понимание сущности положения следователя в уголовном судопроизводстве, несомненно, важно. Однако она в любом случае определяется не собственно наименованием функции, а обязанностями, которые следователь обязан выполнить в ее рамках. Не вызывает никаких сомнений, что все авторы, отстаивающие разные позиции относительно выполняемых следователем функций, не отказывают следователю в обязанности исследовать обстоятельства по уголовному делу всесторонне, полно и объективно, что в полной мере соответствует правовым позициям Конституционного Суда¹.

Результаты исследования

Следователь, конечно, при наличии к тому оснований не может не осуществлять действия, ставящие человека в положение лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Однако эти его действия являются лишь результатом реализации им своего основного предназначения, которым является всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств по уголовному делу в целях правильного установления значимых обстоятельств (по сути, это и есть установление истины). Точно так же и суд постановляет обвинительный или оправдательный приговор (либо постановление о прекращении уголовного дела) по результатам исследования обстоятельств по уголовному делу, и эти судебные решения никем не воспринимаются как выполнение судом функции обвинения или защиты.

Следователь, равно как и судья, принимает решения по результатам объективного исследования обстоятельств по уголовному делу. Объективность следователя и судьи вполне сопоставимы. В связи с этим длительный исторический перекося в законодательстве, позициях Конституционного Суда РФ, ряде научных работ, в направлении некоего особого, по сравнению со следователем, авторитета судьи, имеющего конституционно-правовую природу, вызывает серьезные сомнения.

Конституционно-правовой статус судьи, особый характер его деятельности, на которые опирается Конституционный Суд, обосновывая даже исключение из принципа равенства всех перед законом и судом, в полной мере относится и к следователю, от деятельности которого во многом зависят, во-первых, исход судебного разбирательства, во-вторых,

¹ Например: По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 27. Ст. 2804.

судьбы участников уголовного судопроизводства на досудебных стадиях. Потому имеются все основания поспорить с тем, что судебная власть – «самая спокойная, выдержанная, рассудительная власть...» – самодостаточна [11, с. 53].

Конституционный Суд обосновывает особый статус судьи следующим образом: «...общество и государство, предъявляя к судье и его профессиональной деятельности высокие требования, вправе и обязаны обеспечить ему дополнительные гарантии надлежащего осуществления деятельности по отправлению правосудия. Конституционное положение о неприкосновенности судьи, закрепляющее один из существенных элементов статуса судьи и важнейшую гарантию его профессиональной деятельности, направлено на обеспечение основ конституционного строя, связанных с разделением властей, самостоятельностью и независимостью судебной власти ... является не личной привилегией гражданина, занимающего должность судьи, а средством защиты публичных интересов, и прежде всего, интересов правосудия. Следует также учитывать особый режим судейской работы, повышенный профессиональный риск, наличие различных процессуальных и организационных средств контроля за законностью действий и решений судьи»¹. С некоторыми незначительными допущениями правовая позиция Конституционного Суда РФ полностью относится и к следователю как должностному лицу, осуществляющему досудебное производство.

Труд следователя отнюдь не менее тяжел и ответственен, чем работа судьи, учитывая, что для следователя решение не только процессуальных, но и лежащих на его плечах организационных проблем расследования – обычная практика. «Особый режим судейской работы, повышенный профессиональный риск, наличие различных процессуальных и организационных средств контроля за законностью действий и решений»² – это ли не о следователе?

Исторически не все претенденты на судейскую работу готовы были выполнять работу следственную именно в связи с ее сложностью и напряженностью. Так, при подготовке Судебной реформы 1864 г. предлагалось возложить обязанность проведения предварительного следствия на мировых судей. Однако от этого предложения пришлось

отказаться. Велико было опасение, что неблагодарность следственных обязанностей отпугнет «уважаемых людей» от судебных должностей. «Должность мирового судьи делается столь зависимою и беспокойною, что никто из людей самостоятельных и достойных не пожелает быть мировым судьей» [12, с. 86].

Вот где заложен корень проблемы! Он – в ошибочном представлении, что следственная должность не для людей самостоятельных и достойных. К сожалению, избавиться от этого явно дискредитирующего профессию следователя представления не удалось и до настоящего времени.

Конституционно-правовой статус, который неизменно подчеркивается Конституционным Судом Российской Федерации как неотъемлемая характеристика судьи, не может не распространяться и на следователя, хотя о нем в Конституции Российской Федерации прямо и не сказано. Однако же реализация конституционного принципа презумпции невиновности (ст. 49 Конституции) предполагает доказывание виновности не только на судебных, но и на досудебных стадиях, а значит, «независимой и беспристрастной по своей природе»³ должна быть не только судебная власть, но и следственная деятельность, ибо судьба уголовного дела нередко разрешается и на досудебном производстве.

Не будем отрицать, что в дореволюционной России все же предпринимались попытки обеспечить авторитет следователя на уровне, приближенном к судейскому, хотя они и не в полной мере удались. Судебные следователи и в царской России не снижали авторитета, равного судейскому, хотя и назначались Императором, и числились по судебному ведомству. Начиная с 1860-х годов, кандидат в судебные следователи обязан был иметь, как и судья, высшее юридическое образование и прослужить по судебной части не менее трех лет [13, с. 362]. Именно за это судебного следователя невзлюбили полицейские и жандармские чины, а старые косные суды с дореформенными корнями еще продолжали ненавидеть [14].

Справедливости ради заметим, что авторитетный судебный следователь был неудобен и власти. Последовательно судебные следователи (а также следователи по особо важным и важнейшим делам при окружных судах, которые начали вводиться с 1867 г.) вытеснялись «чиновниками, причисленны-

¹ По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Р.И. Мухаметшина и А.В. Барбаша: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 марта 1996 г. № 6-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 14. Ст. 1549.

² Там же.

³ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 28, ст. 3881.

ми к министерству юстиции и командированными министром к исправлению должности судебного следователя». «В 1898 году из 1487 судебных следователей, состоящих по империи, только 154, т.е. около 10%, пользовались судейской несменяемостью» [15, с. 59, цит. по: 16, с. 285].

После революционных событий 1917 г. авторитет следователя во многом пострадал и в связи со все-таки состоявшейся передачей следователей в государственные органы исполнительной власти, да еще и под административное руководство начальников, возглавляющих оперативную работу. Если начало Советской власти озаменовано хотя бы формальной принадлежностью части следователей к судебным органам, а последующие ее шаги – концентрацией их в органах прокуратуры, то дальнейшее развитие следственного аппарата окончательно означало де-факто «слияние» следователя с органами исполнительной власти и оперативными аппаратами под одним руководством. Стало шириться и дознание, хотя идея передачи «менее важных дел» от судебных следователей полиции была отвергнута еще авторами реформы 1864 г. по причинам того, что «неминуемо обнаружилось бы все капитальные недостатки следствия, которые побудили законодательную власть к безотлагательному учреждению судебных следователей, не выжидая преобразования других частей судопроизводства и судопроизводства». В числе таких недостатков «отцы» реформ видели соединение сыска и следствия, а последнее считалось функцией ближе к судебной, чем к полицейской [12, с. 86].

Разграничения полицейской и юстиционной деятельности – наиболее перспективный путь, следуя которым можно и нужно разрушать ассоциирование следователя с простым чиновником, который ходит на серую повседневную работу, а не выполняет высокую миссию¹.

Действительно, как обосновывалось выше, следователь и судья выполняют функцию одной природы – юстиционной. К сожалению, по объективным и субъективным причинам, в том числе и узковедомственного характера, с 60-х годов прошлого века авторитет следователя стараниями законодателя неизменно снижался. Сегодня оценка деятельности следователей в ряде случаев уже на грани такта: «следственная власть» объявляется атрибутом автократии, бюрократической структурой, подрывающей доступ человека к правосудию, как «паразитная инстанция в плане полезного

вклада в информационный продукт», от которой в цифровую эпоху вообще стоит отказаться [4, с. 14].

Конечно, соединение следственных аппаратов в органах исполнительной власти, да еще в одной организационной структуре с оперативными службами, повлияло на авторитет следователя. Следователь стал отождествляться с должностными лицами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность и по характеру деятельности, и по методам, и по требованиям, предъявляемым к кандидатам на службу. Недаром в отечественном кинематографе фигуры следователя и оперативного работника нередко сливались в одно лицо. Именно таким следователь и воспринимается населением страны: как оперативный работник, а не как должностное лицо, выполняющее функцию, близкую к судебной.

В связи с этим создание Следственного комитета Российской Федерации (далее – Следственный комитет)² – перспективный шаг к возвращению следователю юстиционной функции. Тем более что принципом деятельности этого федерального государственного органа (без указания конкретной ветви власти, а значит, находящегося в системе «сдержек и противовесов») выступает независимость от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, иных органов [13, с. 364]. А.А. Шишков верно замечает, что предназначение следователя – предварительное исследование обстоятельств уголовного дела, в то время как функция обвинения традиционно присуща исполнительной власти, а значит, следователю нужно искать место вне исполнительной власти [13, с. 366].

Заметим, что в структуре Следственного комитета предпринимаются заслуживающие внимания меры по поддержанию авторитета следователя, непосредственно расследующего преступление. В частности, производятся реорганизации, направленные на увеличение количества реальных следователей за счет управленческих и штабных структур [19]. В региональных следственных подразделениях число следователей предполагается довести до максимума – 70 % штатной численности. Старшие следователи по особо важным делам Следственного комитета получили статус состоящих «при Председателе Следственного комитета Российской Федерации», что направлено на повы-

¹ О необходимости разграничения полицейской деятельности и решения юридических вопросов в ходе уголовного судопроизводства [17, с. 25-27].

² К сожалению, прервалась связь между следственной и судебной деятельностью, которую должен обеспечивать прокурор, поддерживающий в суде обвинение, а не только надзирающий за законностью следствия. Н.А. Буцковский писал о роли прокурора по Уставу уголовного судопроизводства: «Власть, имеющая право требовать доследования и преследования, не может не иметь преобладающего влияния на производство следствия». [18, с. 22; 16, с. 294].

шение их авторитета и формирование положительного имиджа в глазах общества.

Однако все же вряд ли именно факт слияния следствия с органами исполнительной власти стал решающим в вопросе снижения авторитета следователя. Он мог бы быть обеспечен и в этих условиях.

Утрата авторитета следователем, ставшая неизбежным следствием снижения образовательного ценза, материального обеспечения, социального статуса, сама по себе выступила катализатором дальнейших мер по снижению его процессуальной самостоятельности. Несмотря на то, что в Концепции судебной реформы в РСФСР¹ был поставлен вопрос о восстановлении процессуальной самостоятельности следователя, именно слабость следственного аппарата стала основной причиной сохранения в уголовно-процессуальном законодательстве начальника следственного отдела (руководителя следственного органа) как участника уголовного судопроизводства. Б.Я. Гаврилов прямо объяснял его необходимость не в полной мере дееспособным следственным аппаратом и признавал возможность отпадения в будущем условий, влекущих необходимость данной процессуальной фигуры [20, с. 11].

Следователь, не имеющий жизненного опыта, с нравственностью и правосознанием, поврежденными периодом вседозволенности конца прошлого века, постоянно присматривающийся к работе более высоко оплачиваемой, предсказуемой и спокойной, уважаемой в обществе, уже с большим трудом может ощущать причастность к великому делу, чувствовать ответственность за него, которая совершенно не сравнима с чиновничьей, а равна ответственности за судьбы справедливости в мире.

К сожалению, к положению следователя как чиновника «средней руки» прежде всего стали привыкать и сам следователь, и его руководители, а затем и общество.

Обсуждение и заключения

Возрождение авторитета следователя – сложный, но необходимый путь, без которого публичное назначение уголовного судопроизводства не будет реализовано в полной мере ввиду отсутствия его субъективной составляющей.

В глазах населения следователь должен выступать как высокопрофессиональное, ответствен-

ное, обладающее необходимыми нравственными качествами должностное лицо, способное обеспечить законное и справедливое расследование по уголовному делу.

Одним повышением статуса, материального и социального обеспечения вопрос, конечно, не решить, как не удалось решить его только этими мерами в отношении судей (хотя, несомненно, делать это нужно). Следователь – представитель общества, в котором живет. В связи с этим нравственные качества следователя, необходимые для осуществления следственной миссии, должны воспитываться вместе с нравственными качества общества. В семье, школе, на этапе подготовки в вузе (прежде всего примером профессионализма, совестливости и честности педагогов, а затем уже изучением юридических и философских дисциплин), развиваться в дальнейшем в ходе профессиональной деятельности уважительным отношением к процессуальной позиции следователя со стороны его руководителей (а не подавляться грубым администрированием). В перспективе законодателю следует подумать об исключении руководителя следственного органа из числа участников уголовного судопроизводства. С точки зрения законодательной перспективы интересны предложения по установлению возрастного ценза для кандидатов на должность следователя, а также по усилению связи следователя и народа посредством введения хотя бы элементов выборных начал (если не избрание или одобрение кандидатуры следователя голосованием избирателей, то хотя бы учет мнения представительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации или коллектива органа предварительного следствия) [21, с. 118-121] и др. Организационные аспекты единого статуса следователя целесообразно предусмотреть в самостоятельном нормативном акте: это мог бы быть закон о следственных органах или о статусе следователя.

Следователь имеет конституционно-правовой статус, выполняет публичную функцию, от его работы судьбы людей зависят не меньше, чем от выполнения своей функции судьей, поэтому восстановление авторитета следователя – одна из первоочередных задач, от решения которой зависит эффективная реализация назначения уголовного судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Четверикова А. Макарошки по-русски // Российская газета. 2018. 21 декабря.
2. Васильев О.Л. Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях российского уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2018.

¹ О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 ноября 1991 № 1801 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

3. Боруленков Ю.П. Следственный судья как «слабое звено» уголовно-процессуального доказывания // Библиотека криминалиста. 2015. № 3 (20).
4. Власова С.В. К вопросу о приспособляемости уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1 (36).
5. Баев О.Я. Следователь (основы теории и практики деятельности). М.: Прометей, 2017.
6. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М: Госюриздат, 1961.
7. Соловьев А.Б. Законность в досудебных стадиях уголовного процесса России: монография / А.Б. Соловьев, М.Е. Токарева, А.Г. Халиулин, Н.А. Якубович // М.-Кемерово, 1997.
8. Гуляев А.П. Процессуальные функции следователя: учебное пособие. М.: Академия МВД России, 1981.
9. Уланов В.В. Содержание процессуальных функций следователя // Российский следователь. 2008. № 17.
10. Победкин А.В., Ерохина О.С. Следователь в судебном заседании в ходе досудебного производства по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2017.
11. Аверин А.В. Истина и судебная достоверность (Постановка проблемы). 2-е изд., доп. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.
12. Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 г. в России (сущность и социально-правовой механизм формирования) // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3.
13. Шишков А.А. Органы предварительного следствия в системе государственной власти // Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства // Моя профессия – следователь: сб. статей по итогам межведомственной научно-практической конференции, 19 апреля 2018 г. М.: МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя. 2018.
14. Куликов В. Яшманов Б. Главный по арестам. Следственные судьи защитят от незаконных дел // Российская газета. 2015. 12 марта.
15. Бразоль Б.Л. Очерки по следственной части. Пг., 1916.
16. Российское законодательство X-XX веков в 9 т. Том 8. Судебная реформа / О.И. Чистяков и др.; отв. ред. Б.В. Виленский. М.: Юридическая литература, 1991.
17. Головкин Л.В. Реформа полиции в контексте модернизации предварительного производства в российском уголовном процессе // Уголовная юстиция: связь времен: избранные материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 6-8 октября 2010 г.) / сост. А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. М., 2012.
18. Буцковский Н. О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной. СПб, 1867.
19. Козлова Н. В СК продолжают мероприятия, направленные на рост числа следователей // Российская газета. 2019. 2 февраля.
20. Гаврилов Б.Я. О некоторых проблемных вопросах уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации // Юридический консультант. 2002. № 1 (97).
21. Огородов А.Н. Реализация следователем процессуальной самостоятельности // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2016. № 3 (37).

REFERENCES

1. SHetverikova A. Makaroshki po-russki // Rossijskaya gazeta. 2018. 21 dekabrya.
2. Vasil'ev O.L. Teoreticheskie aspekty dejstviya principa spravedlivosti na dosudebnyh stadiyah rossijskogo ugovnogo processa: dis. ... d-ra yurid. nauk. M.: Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M.V. Lomonosova, 2018.
3. Borulenkoy YU.P. Sledstvennyj sud'ya kak «slaboe zveno» ugovno-processual'nogo dokazyvaniya // Biblioteka kriminalista. 2015. № 3 (20).
4. Vlasova S.V. K voprosu o prisposablivaemosti ugovno-processual'nogo mekhanizma k cifrovoj real'nosti // Biblioteka kriminalista. 2018. № 1 (36).
5. Baev O.YA. Sledovatel' (osnovy teorii i praktiki deyatel'nosti). M.: Prometej, 2017.
6. Rahunov R.D. Uchastniki ugovno-processual'noj deyatel'nosti po sovetскому pravu. M: Gosyurizdat, 1961.
7. Solov'ev A.B. Zakonnost' v dosudebnyh stadiyah ugovnogo processa Rossii: monografiya / A.B. Solov'ev, M.E. Tokareva, A.G. Haliulin, N.A. YAkubovich // M.-Kemerovo, 1997.
8. Gulyaev A.P. Processual'nye funkcii sledovatelya: uchebnoe posobie. M.: Akademiya MVD Rossii, 1981.
9. Ulanov V.V. Soderzhanie processual'nyh funkcij sledovatelya // Rossijskij sledovatel'. 2008. № 17.
10. Pobedkin A.V., Erohina O.S. Sledovatel' v sudebnom zasedanii v hode dosudebnogo proizvodstva po ugovnomu delu. M.: YUrlitinform, 2017.
11. Averin A.V. Istina i sudebnaya dostovernost' (Postanovka problemy). 2-e izd., dop. SPb.: Izdatel'stvo R. Aslanova «YUridicheskij centr Press», 2007.
12. Korotkih M.G. Sudebnaya reforma 1864 g. v Rossii (sushchnost' i social'no-pravovoj mekhanizm formirovaniya) // Sudebnaya vlast' i ugovnyj process. 2014. № 3.
13. SHishkov A.A. Organy predvaritel'nogo sledstviya v sisteme gosudarstvennoj vlasti // Aktual'nye problemy

- predvaritel'nogo sledstviya i doznaniya v sovremennyh usloviyah razvitiya ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva // Moya professiya – sledovatel': sb. statej po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 19 aprelya 2018 g. M.: MosU MVD Rossii imeni V.YA. Kikotya. 2018.
14. Kulikov V. YAshmanov B. Glavnyj po arestam. Sledstvennye sud'i zashchityat ot nezakonnyh del // Rossijskaya gazeta. 2015. 12 marta.
15. Brazol' B.L. Ocherki po sledstvennoj chasti. Pg., 1916.
16. Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov v 9 t. Tom 8. Sudebnaya reforma / O.I. CHistyakov i dr.; otv. red. B.V. Vilenskij. M.: YUridicheskaya literatura, 1991.
17. Golovko L.V. Reforma policii v kontekste modernizacii predvaritel'nogo proizvodstva v rossijskom ugolovnom processe // Ugolovnaya yusticiya: svyaz' vremen: izbrannye materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Sankt-Peterburg, 6-8 oktyabrya 2010 g.) / sost. A.V. Smirnov, K.B. Kalinovskij. M., 2012.
18. Buckovskij N. O deyatel'nosti prokurorskogo nadzora vsledstvie otdeleniya obvinitel'noj vlasti ot sudebnoj. SPb, 1867.
19. Kozlova N. V SK prodolzhayutsya meropriyatiya, napravlennye na rost chisla sledovatelej // Rossijskaya gazeta. 2019. 2 fevralya.
20. Gavrilov B.YA. O nekotoryh problemnyh voprosah ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii // YUridicheskij konsul'tant. 2002. № 1 (97).
21. Ogorodov A.N. Realizaciya sledovatelem processual'noj samostoyatel'nosti // YUridicheskaya nauka i pravoprimenitel'naya praktika. 2016. № 3 (37).

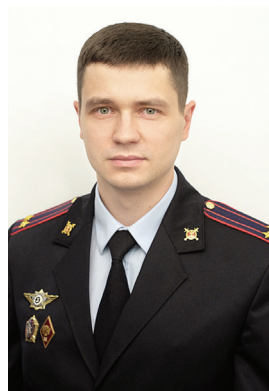

Об авторе: Победкин Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России
e-mail: apobedkin71@mail.ru
© Победкин А.В., 2019.

Статья получена: 20.02.2019. Статья принята к публикации: 20.03.2019.
Статья опубликована онлайн: 25.03.2019.

About the author: Pobedkin Alexandr V., Doctor of Law Sciences (Research Doctorate), Professor, Professor at the Department of administration of Crime Investigation Bodies and Units of Academy of Administration of MIA of Russia
e-mail: apobedkin71@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

А.Б. Судницын, А.Л. Карлов

**ОРГАН ДОЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
КАК СУБЪЕКТ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ ОБ ОТКАЗЕ
В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

**THE GOVERNING BODY IN THE SYSTEM OF INTERNAL AFFAIRS
AS A SUBJECT TO MAKE A DECISION ABOUT REFUSAL
IN THE EXCITATION OF CRIMINAL CASE**

Введение: в статье рассмотрен вопрос о полномочиях органа дознания при разрешении сообщений о преступлениях (в том числе о преступлениях, отнесенных к подследственности следователей). Актуальность вопроса подтверждается правовой неопределенностью, наличием противоречивых примеров судебной практики, а также различными подходами к данному вопросу в научной среде. Цель статьи – обобщить различные мнения и подходы относительно вопроса о полномочиях органа дознания при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела, аргументированно оценить позицию Генеральной прокуратуры РФ по данному вопросу.

Материалы и методы: при подготовке статьи были изучены общие положения уголовно-процессуальной науки по вопросам исследования, получен и исследован эмпирический материал, проведено интервьюирование руководителей подразделений, сотрудники которых реализуют полномочия органа дознания по вопросам расследования преступлений.

Результаты исследования: авторы статьи пришли к выводу, что действующее законодательство не исключает возможности принятия органом дознания решения об отказе в возбуждении уголовного дела, в том числе по сообщениям о преступлениях, отнесенных к подследственности следователей органов внутренних дел. При этом, безусловно, должны быть исключены случаи принятия указанных решений с нарушением ведомственного критерия подследственности (подведомственности), что нашло отражение в законодательстве, регламентирующем деятельность полиции.

Обсуждение и заключения: авторы статьи полагают, что зачастую в силу правовой неопределенности при разрешении правовых вопросов на первый план выходят разного рода указания и разъяснения отдельных правоохранительных органов, при этом не учитываются знаковые решения высших судов и фактическое распределение нагрузки в различных подразделениях органов внутренних дел. Именно такая ситуация сложилась относительно разъяснений Генеральной прокуратуры РФ по вопросу о полномочиях органа дознания в стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: орган дознания, отказ в возбуждении уголовного дела, подследственность, проверка сообщения о преступлении

Для цитирования: Судницын А.Б., Карлов А.Л. Орган дознания в системе органов внутренних дел как субъект принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 1. С. . DOI:

Introduction: the article deals with the question of the authority of the inquiry body in resolving reports on crimes (including crimes related to the investigative jurisdiction of investigators). The urgency of the issue is confirmed by legal uncertainty, the presence of conflicting examples of judicial practice, as well as

different approaches to this issue in the scientific community. The purpose of the article is to summarize various opinions and approaches regarding the issue of the authority of the inquiry body when deciding whether to refuse to open a criminal case, on the basis of which it is reasoned to evaluate the position of the Prosecutor General of Russia on this issue.

Materials and Methods: when preparing the article, the general provisions of criminal procedure science were studied on the research issues, empirical material was obtained and investigated, and interviews were conducted with the heads of departments whose employees exercise the authority of the inquiry body on regarding crime investigation.

Results: the author draws the conclusion that the current legislation does not exclude the possibility of the decision-making body refusing to initiate a criminal case, including reports of crimes related to the investigative authorities of the internal affairs agencies. In this case, of course, the cases of making these decisions in violation of the departmental criterion of investigative (jurisdiction) should be excluded, which is reflected in the legislation regulating the activities of the police.

Discussion and Conclusions: the authors of the article suppose that often, due to legal uncertainty, different types of instructions and explanations of individual law enforcement agencies come to the fore in resolving legal issues, and landmark decisions of higher courts and the actual distribution of workload in various departments of the internal affairs agencies are not taken into account. This is the situation that has arisen regarding the clarifications of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation on the question of the powers of the body of inquiry at the stage of initiating a criminal case.

Key words: preliminary inquiry, refusal to initiate criminal case, jurisdiction, verification of reports of crime

For citation: Sudnitsyn A.B., Karlov A.L. The governing body in the system of internal affairs as a subject to make a decision about refusal in the excitation of criminal case // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2019. V.10, N 1. P. . DOI:

Введение

Вопросы, связанные с рассмотрением и разрешением сообщений о преступлениях, активно обсуждаются как в научной среде, так и среди сотрудников практических органов, однако отдельные аспекты указанной деятельности, в частности, связанные с полномочиями органа дознания по разрешению сообщений о преступлениях, на наш взгляд, в должной степени не исследованы и требуют детального анализа. Закон не содержит ответа на довольно очевидный вопрос: имеет ли право орган дознания в системе органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела по сообщению о преступлении, отнесенному к подследственности следователя? Причины существования указанной проблемы кроются в недостаточном уровне нормативной регламентации полномочий органа дознания, а также специфическом характере правоотношений, возникающих в рамках стадии возбуждения уголовного дела.

В связи с изменяющимися подходами, в т.ч. со стороны надзорных органов в лице прокуратуры Российской Федерации, существенные затруднения испытывают сотрудники и руководители органов внутренних дел при определении субъекта принятия решений об отказе в возбуждении уголовного дела. В подтверждение можно привести факт официального обращения руководства од-

ного из территориальных органов МВД России в адрес Сибирского юридического института МВД России по исследуемому вопросу. При подготовке ответа на поступивший запрос нами были предложены ранее не встречавшиеся в научных публикациях доводы и аргументы, что и стало основой для настоящей работы. Проведенное исследование дает право констатировать, что толкование отдельных положений закона должно учитывать не только практику прокурорского надзора, но и складывающуюся судебную практику, разъяснения высших судов и реально существующее положение дел в органах внутренних дел.

Обзор литературы

Вопросам стадии возбуждения уголовного дела посвящено достаточное количество работ, однако среди них крайне редко встречаются те, в которых акцентируется внимание на полномочиях органа дознания в данной стадии. К таким работам можно отнести научные публикации И.О. Воскобойник, Н.П. Ефремовой, С.В. Супруна [2, 4, 5]. Подходы указанных авторов дали направление для осмысления обозначенной проблемы, а также позволили обосновать и подтвердить результаты исследования.

Материалы и методы

Проведенное исследование имеет практическую направленность, опирается в первую очередь на положения действующего законодательства, а

также примеры судебной практики. Его объектом является практика принятия должностными лицами органа дознания в системе МВД России решений об отказе в возбуждении уголовного дела. При подготовке работы авторами был проведен анализ нормативных правовых актов по теме исследования, были применены методы обобщения, а также логический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы.

Результаты исследования

Для комплексного понимания обозначенной проблемы необходимо кратко рассмотреть содержание уголовно-процессуального термина «орган дознания», а также его соотношение со смежными понятиями.

Общеизвестно, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) наделяет термин «орган дознания» двумя значениями: государственный орган и должностное лицо. При этом правоприменитель, исходя из контекста нормы, сам должен определить, в каком из значений употребляется данный термин в том или ином случае.

Так, в ст. 157 УПК РФ содержится формулировка «орган дознания в порядке, установленном статьей 146 настоящего кодекса, возбуждает уголовное дело...»¹. Очевидно, что здесь идет речь о конкретном должностном лице органа дознания. Напротив, определяя порядок задержания по подозрению в совершении преступления, законодатель говорит о доставлении «в орган дознания» (ст. 92 УПК РФ), что явно подразумевает помещение соответствующего государственного органа.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ к органу дознания относятся органы внутренних дел и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения, пункты) полиции. Понятия «ОВД» и «полиция» не тождественны и соотносятся между собой как целое и часть. Полиция входит в систему ОВД, являясь их неотъемлемой составной частью. Вместе с тем данные положения не разрешают стоящий перед правоприменителями вопрос: кто конкретно из числа сотрудников ОВД может реализовать полномочия органа дознания как должностного лица?

Мы поддерживаем мнение, что полномочиями органа дознания могут быть наделены не любые должностные лица органа внутренних дел, а лишь сотрудники отдельных подразделений полиции, как составной части ОВД [1, с. 88].

Дальнейшее изложение будет основываться именно на таком подходе, поскольку он, по нашему мнению, имеет как теоретическое обоснова-

ние, так и в большей мере соответствует складывающейся правоприменительной практике.

При определении непосредственного исполнителя необходимо учитывать положения п. 8 и п. 27 межведомственного приказа от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений» о том, что полномочия органа дознания могут быть возложены начальником органа дознания или его заместителем посредством издания организационно-распорядительного документа на иных должностных лиц этого же органа с учетом степени их юридической подготовки. То есть критерием для наделения соответствующими полномочиями является в большей степени уровень их юридической подготовки, что и выступает гарантией достаточной квалификации для принятия законного решения.

Положения ст. 144 УПК РФ предусматривают полномочия органа дознания в стадии возбуждения уголовного дела, а ст. 145 УПК РФ прямо указывает на право органа дознания принять решение по результатам проверки сообщения о преступлении (то есть возбудить уголовное дело или отказать в его возбуждении). Вместе с тем механизм правового регулирования деятельности органа дознания по возбуждению и по отказу в возбуждении уголовного дела, на наш взгляд, отличается.

Так, ч. 1 ст. 146 УПК РФ определяет, что при наличии повода и основания, предусмотренных ст. 140 УПК РФ, *орган дознания в пределах компетенции* (здесь и далее курсив наш – А.С., А.К.), установленной УПК РФ, возбуждает уголовное дело, о чем выносится соответствующее постановление. Приведенное положение (в рассматриваемом аспекте) конкретизировано в ч. 3 ст. 149 и в ст. 157 УПК РФ, где прямо указано на возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий органом дознания. Из этого следует, что орган дознания по результатам проверки сообщения о преступлении вправе возбудить уголовное дело только при необходимости производства неотложных следственных действий, о преступлении, по которому производство предварительного следствия обязательно и исключительно по признакам преступлений, прямо указанным в ч. 2 ст. 157 УПК РФ.

В отличие от порядка возбуждения уголовного дела, полномочия органа дознания по отказу в возбуждении уголовного дела (ст. 148 УПК РФ) какими-либо другими положениями процессуального законодательства не конкретизируются. Следовательно, орган дознания имеет право принять

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.01.2019).

данное решение «по общему правилу». При таком подходе возникает резонный вопрос: по каким составам преступления орган дознания вправе отказать в возбуждении уголовного дела?

На первый взгляд, ответ на данный вопрос содержится в ст. 151 УПК РФ. Однако, во-первых, в данной статье не упоминается об органе дознания (который является самостоятельным в соотношении с дознавателем участником уголовного судопроизводства¹). Во-вторых, речь в ней идет о производстве предварительного расследования, которое, согласно ч. 1 ст. 156 УПК РФ, начинается с момента возбуждения уголовного дела.

Таким образом, разрешение обозначенной проблемы является крайне затруднительным, поскольку она не имеет прямого законодательного регулирования. Анализируя положения ст. 144 УПК РФ, Н.П. Ефремова обращает внимание на то, что решение по результатам проверки должно приниматься «в пределах своей компетенции, т.е. согласно правилам о подследственности (ст. 151 УПК РФ)» [2, с. 58]. Представляется, что отождествление терминов «компетенция» и «подследственность» в приведенном контексте не следует допускать. Как справедливо отмечают А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский, данные термины, хотя и связаны, но характеризуются разными признаками: подследственность – признаками дела, а компетенция – признаками соответствующего субъекта [3, с. 404]. Из этого логично следует, что компетенция того или иного лица определяется не только правилами подследственности. Таким образом, указание в ст. 144 УПК РФ на компетенцию участников уголовного судопроизводства не предполагает обязательного применения правил подследственности.

Более того, в пп. 1-4 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции» перечислены обязанности полиции, среди которых осуществление *в соответствии с подведомственностью* проверок заявлений и сообщений о преступлениях. Полагаем, что в данном случае указание на подведомственность позволяет предположить, что в анализируемом контексте субъект отказа в возбуждении уголовного дела должен определяться «ведомственной принадлежностью» предполагаемого преступления. Необходимо обратить внимание на то, что именно

такое толкование было выражено в информационном письме Генеральной прокуратуры РФ от 29.10.2008 №36-12-2008 «О практике прокурорского надзора за исполнением уголовно-процессуального законодательства о подследственности при разрешении сообщений о преступлениях»². В указанном письме прямо указывалось, что вынесение органом дознания ОВД решения об отказе в возбуждении уголовного дела по сообщениям о преступлениях, отнесенных к подследственности следователей органов внутренних дел, не противоречит нормам действующего законодательства.

Об этом шла речь и в утратившем силу указании Генеральной прокуратуры РФ от 29.01.2008 № 14/49 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении подследственности уголовных дел»³, где в качестве негативного примера приводится лишь практика принятия органами дознания решений об отказе в возбуждении уголовного дела по сообщениям о преступлениях, отнесенных к исключительной подследственности следователей Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации (то есть отнесенных к подследственности иного ведомства).

Однако уже в 2011 году без каких-либо обозначенных для этого причин позиция Генеральной прокуратуры кардинально изменилась. В указаниях Генеральной прокуратуры РФ от 19 декабря 2011 г. № 433/49 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении подследственности уголовных дел»⁴ предписывается в случае очевидности подследственности незамедлительно передавать сообщение для дальнейшей процессуальной проверки в соответствующий орган предварительного расследования или должностному лицу, уполномоченному на основании ст. 151 УПК РФ производить дознание или предварительное следствие (за исключением случаев, требующих безотлагательного осуществления следственных и иных процессуальных действий по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего), то есть случаев возбуждения уголовного дела и проведения неотложных следственных действий органом дознания в порядке ст. 157 УПК РФ.

¹ Стоит дополнительно обратить внимание на то, что с научной точки зрения нет оснований полагать, что уголовно-процессуальная компетенция органа дознания и дознавателя совпадает. Должностное лицо органа дознания имеет право осуществлять предварительное расследование в форме дознания только после приобретения им процессуального статуса дознавателя, посредством получения соответствующего поручения начальника органа дознания.

² О практике прокурорского надзора за исполнением уголовно-процессуального законодательства о подследственности при проверке сообщений о преступлениях: информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 29.10.2008 № 36-12-2008 (документ опубликован не был, рассылался прокурорам субъектов РФ и приравненным к ним прокурорам).

³ Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении подследственности уголовных дел: указание Генпрокуратуры РФ от 29.01.2008 № 14/49. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.01.2019).

⁴ Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении подследственности уголовных дел: указание Генпрокуратуры РФ от 19.12.2011 № 433/49. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.01.2019).

Схожее толкование приводится в информационном письме Генеральной прокуратуры РФ от 9 апреля 2015 г. № 69-12-2015 «О недостатках прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства»¹, где также содержится спорное утверждение о том, что «вынесение процессуального решения по результатам проверки законодатель возлагает на орган, к подследственности которого относится данное преступление».

В итоге указанный подход был закреплен в приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26.01.2017 № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания», где в п.3 органам прокуратуры предписано «следить за строгим соблюдением органами дознания, дознавателями правил подследственности, установленных в статье 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, не только при расследовании преступлений, но и при рассмотрении, разрешении сообщений о преступлениях»².

Следует учитывать, что информационные письма, являющиеся информационными обобщениями, обзорами, не относятся к нормативным правовым актам. Обозначенные «указания» адресованы сотрудникам органов прокуратуры и именно на них распространяется действие данных актов. Более того, использованные в приведенных указаниях, приказе формулировки вообще исключают участие органа дознания в проверке сообщения о преступлении. Поскольку, как было указано ранее, в ст. 151 УПК РФ речь идет только о следователях и дознавателях. Вместе с тем законность решений органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела по сообщениям о преступлениях, подследственных дознавателям ОВД, у сотрудников прокуратуры сомнений не вызывает.

Указанная позиция прокуратуры, по мнению И.О. Воскобойник, А.А. Рытько, «не основана на нормах УПК РФ и УК РФ, так как до возбуждения уголовного дела, исходя из сути правоотношений, возникающих в первой стадии уголовного процесса, законодатель не может возлагать вынесение процессуального решения по результатам проверки на орган, к подследственности которого относится данное преступление. И законодатель этого не делает

просто потому, что до возбуждения уголовного дела и тем более при принятии процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела речь идет либо об отсутствии преступления в материально-правовом значении, либо об отсутствии соблюдения необходимых процессуальных требований» [4, с. 18]. Схожее мнение приводит С.В. Супрун, который утверждает, что «институт предметной подследственности в уголовном судопроизводстве действует при наличии в материалах предварительной проверки признаков преступления и не действует, если признаков преступления органом дознания при проверке сообщения о преступлении не обнаружено» [5, с. 48]. Подобный подход предлагают и авторы учебно-практического пособия, подготовленного сотрудниками Тюменского института повышения квалификации МВД России [6, с. 30].

Разделяя вышеуказанные мнения, в качестве контраргумента Генеральной прокуратуре РФ приведем позицию Конституционного Суда РФ. Последний в одном из своих решений подчеркнул, что п. 3 ч. 2 ст. 151 УПК РФ в рамках установления правил определения подследственности лишь перечисляет виды преступлений, уголовные дела о которых подлежат расследованию следователями органов внутренних дел Российской Федерации, и не регламентирует порядок проведения следственной проверки по сообщению о преступлении³.

Единственным органом, уполномоченным официально толковать нормы права, является суд. На обязательный характер решений Конституционного Суда РФ прямо указывает ст. 6 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁴. Поэтому полагаем, что противоречащие решениям Конституционного Суда РФ рекомендации и указания в практической деятельности применяться не должны.

Решения, противоречащие официальной позиции прокуратуры, можно встретить и в судебной практике. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Орловского областного суда, рассмотрев вопрос о законности постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенного оперуполномоченным по ОВД Управления экономической безопасности и противодействия коррупции (УЭБиПК), по признакам преступления, предусмотренного ч.2 и ч.3 ст. 159 УК РФ, пришла к выводу

¹ О недостатках прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства: информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 09.04.2015 № 69-12-2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.01.2019).

² Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: приказ Генпрокуратуры России от 26.01.2017 № 33. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.01.2019).

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В.Н. Стурова на нарушение его конституционных прав п. 6 ч. 2 ст. 151 УПК РФ: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13.10.2009 № 1179-О-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.01.2019).

⁴ О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.01.2019).

о том, что постановление об отказе в возбуждении уголовного дела принято правомочным на то лицом, при наличии законных оснований и надлежащим образом мотивировано. Требования ст. 148 УПК РФ при его вынесении соблюдены. Принятие органом дознания МВД России решения об отказе в возбуждении уголовного дела по сообщениям о преступлениях, отнесенных в соответствии со ст. 151 УПК РФ к подследственности органов внутренних дел, не противоречит нормам действующего уголовно-процессуального законодательства¹.

Другой пример. Нерюнгринским городским судом (Республика Саха (Якутия)) при рассмотрении дела № 3/10-68/2015 оценена законность решения об отказе в возбуждении уголовного дела по сообщению о преступлении, предусмотренном ч. 4 ст. 159 УК РФ, принятого оперуполномоченным (органом дознания). В решении суд указывает, что «довод заявителя о том, что оперуполномоченный отдела экономической безопасности и противодействия коррупции (ОЭБиПК), в соответствии с требованиями ст. 151 УПК РФ, не уполномочен проводить проверку по его заявлению, является несостоятельным, поскольку уголовное дело по заявлению Д. не возбуждено, а указанные положения ст. 151 УПК РФ регулируют подследственность только при расследовании возбужденных уголовных дел. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ ОЭБиПК является органом дознания. На основании ч. 1 ст. 145 УПК РФ по результатам рассмотрения сообщения о преступлении орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа принимают одно из решений – о возбуждении уголовного дела; об отказе в возбуждении уголовного дела либо о передаче сообщения по подследственности в соответствии со ст. 151 или ч. 2 ст. 20 УПК РФ. В данном случае, поскольку уголовное дело не возбуждено, в силу требований ч. 1 ст. 145 УПК РФ проверка по заявлению Д. проводится уполномоченным лицом – оперуполномоченным ОЭБиПК»². Полагаем, что подобная позиция судов имеет право на существование, поскольку она соответствует положениям закона и учитывает перспективу перегрузки органов следствия ОВД значительным количеством сообщений, не требующих их вмешательства [2, с. 59].

Обсуждение и заключения

С сожалением стоит отметить, что позиция МВД России по данному вопросу очевидно не выражена. Однако, согласно приказу МВД России от 1 апреля 2013 г. № 180, в период с 1 апреля по 1 декабря 2013 г. на территории пяти субъектов Российской

Федерации был проведен эксперимент по апробации порядка разрешения заявлений (сообщений) о преступлениях, предусматривающего принятие процессуальных решений по ним только следователями и дознавателями. Результаты проведенного эксперимента показали повышение качества принимаемых процессуальных решений на стадии возбуждения уголовного дела. Однако нагрузка на следователей (дознавателей) ОВД значительно возросла, так как основной объем работы по собиранию материалов и принятию соответствующего решения ложился на плечи следователей (дознавателей) [7, с. 19].

Само проведение эксперимента подобного рода указывает на то, что в системе МВД России допускается возложение полномочий по отказу в возбуждении уголовного дела на должностных лиц органа дознания, в том числе по преступлениям, отнесенным к подследственности следователей МВД России.

Анализ положений ст. 150 УК РФ делает необходимым обратить внимание еще один, на наш взгляд, интересный аспект рассматриваемого вопроса. Даже в случае следования предложенному прокуратурой подходу и распространения правил подследственности на стадию возбуждения уголовного дела необходимо учитывать положения п. 2 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, согласно которым дознание может проводиться по уголовным делам о любых преступлениях небольшой или средней тяжести при наличии письменного указания прокурора.

Таким образом, можно констатировать, что имеют место разночтения в толковании рассматриваемых положений между органами Прокуратуры Российской Федерации и МВД России. В связи с этим назрела необходимость межведомственного согласования данного вопроса на федеральном уровне, в том числе в порядке, предусмотренном ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», а также указом Президента РФ от 18.04.1996 № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью».

По нашему мнению, данные противоречия должны разрешаться с учетом приведенных разъяснений Конституционного Суда РФ и буквально-го толкования положений УПК РФ, то есть в пользу наличия полномочий органа дознания отказывать в возбуждении уголовного дела по сообщению о преступлении, подследственном следователям органов внутренних дел, при обеспечении достаточного уровня юридической подготовки должностных лиц органа дознания.

¹ Апелляционное постановление Орловского областного суда от 14.05.2014 по делу № 22К-788/2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sudact.ru/regular/doc/N1J46uyumOoj/> (дата обращения: 14.01.2019).

² Постановление Нерюнгринского городского суда (Республика Саха (Якутия)) от 25.09.2015 по делу № 3/10-68/2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.docs.pravo.ru/document/view/73103413/84506246/> (дата обращения: 14.01.2019).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мичурина О.В. Регламентирует ли УПК РФ полицию в качестве органа дознания? // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 87-89.
2. Ефремова Н.П. Вопросы определения подследственности в стадии возбуждения уголовного дела // Законодательство и практика. 2013. № 2. С. 57-60.
3. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник. 7-е изд., перераб. М.: Норма, 2017. 752 с.
4. Воскобойник И.О., Рыт'ков А.А. Неполнота уголовно-процессуального регулирования и «недостатки» прокурорского надзора за законностью и обоснованностью решений об отказе в возбуждении уголовного дела // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1 (43). С. 17-19.
5. Супрун С.В. Полномочия органов внутренних дел при рассмотрении сообщений о доведении до самоубийства // Уголовный процесс. 2011. № 7. С. 46-49.
6. Кривошеков Н.В. и др. Повышение квалификации руководителей следственных подразделений: учебно-практическое пособие. Тюмень: ТИПК МВД России, 2013. 214 с.
7. Паутова Т.А. Отдельные вопросы взаимодействия дознавателей с участковыми уполномоченными полиции на первоначальном этапе расследования преступлений // Концепт. 2014. № S29.

REFERENCES

1. Michurina O.V. Reglamentiruet li UPK RF policiyu v kachestve organa doznaniya? // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2012. № 2. S. 87-89.
2. Efremova N.P. Voprosy opredeleniya podsledstvennosti v stadii vozbuzhdeniya ugodovnog dela // Zakonodatel'stvo i praktika. 2013. № 2. S. 57-60.
3. Smirnov A.V., Kalinovskij K.B. Ugodovnyj process: uchebnik. 7-e izd., pererab. M.: Norma, 2017. 752 s.
4. Voskobojnik I.O., Rytkov A.A. Nepolnota ugodovno-processual'nogo regulirovaniya i «nedostatki» prokurorskogo nadzora za zakonnost'yu i obosnovannost'yu reshenij ob otkaze v vozbuzhdenii ugodovnog dela // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 1 (43). S. 17-19.
5. Suprun S.V. Polnomochiya organov vnutrennih del pri rassmotrenii soobshchenij o dovedenii do samoubijstva // Ugodovnyj process. 2011. № 7. S. 46-49.
6. Krivoshchekov N.V. i dr. Povyshenie kvalifikacii rukovoditelej sledstvennyh podrazdelenij: uchebno-prakticheskoe posobie. Tyumen': TIPK MVD Rossii, 2013. 214 s.
7. Pautova T.A. Otdel'nye voprosy vzaimodejstviya doznavatelej s uchastkovymi upolnomochennymi policii na pervonachal'nom ehtape rassledovaniya prestuplenij // Koncept. 2014. № S29.

Об авторах: Судницын Алексей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России

e-mail: ab_sudnitsyn@mail.ru

Карлов Андрей Леонидович, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России

e-mail: dys_karlov@mail.ru

© Судницын А.Б., 2019.

© Карлов А.Л., 2019.

Статья получена: 10.12.2018. Статья принята к публикации: 20.03.2019.

Статья опубликована онлайн: 25.03.2019.

About the authors: Sudnitsyn Aleksei B., Chief of the Department of Criminal Procedure of Siberian Law Institute of MIA of Russia

e-mail: ab_sudnitsyn@mail.ru

Karlov Andrei L., Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure of Siberian Law Institute of MIA of Russia

e-mail: dys_karlov@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Заявленный вклад авторов

Карлов Андрей Леонидович – сбор и анализ эмпирического, исторического и научного материала, его обобщение, формулировка теоретических выводов и разработка рекомендаций по совершенствованию законодательства, оформление статьи по установленным требованиям.

Судницын Алексей Борисович – постановка цели и задач исследования, определение объекта и методов, формулирование общей идеи исследования, анализ результатов и выводов исследования, их уточнение и дополнение, научная редакция текста.

УДК 343.13

DOI:

И.И. Сухова

**СИСТЕМА ПРАВОВЫХ И НРАВСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ
ПРЕСЕЧЕНИЯ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ГАРАНТИЯ**

**THE SYSTEM OF LEGAL AND MORAL CORRELATIONS
WHEN DEALING WITH MEASURES OF RESTRAINT
AS A PROCEDURAL GUARANTEE**

Введение: в статье рассматривается соотношение нравственных и правовых отношений, складывающихся при решении вопроса об избрании меры пресечения. Наиболее привлекательными для правоприменителя остаются самые жесткие меры пресечения, в частности заключение под стражу. В числе причин чрезмерной распространенности указанных мер пресечения – недооценка должностными лицами, взаимодействующими при избрании меры пресечения, нравственных начал.

Материалы и методы: в ходе исследования применялись различные методы: материалистической диалектики; социологический, исторический, формально-юридический и др. Материалами исследования стали положения уголовно-процессуального законодательства, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам правоприменительной практики, труды классиков уголовно-процессуальной теории и современных авторов; статистические данные; материалы изученных уголовных дел.

Результаты исследования: правовые отношения в уголовном процессе всегда находятся во взаимосвязи с нравственными отношениями, однако не всегда с ними совпадают. Нравственные отношения способны оказать решающее влияние на обеспечение законности, обоснованности и справедливости избрания меры пресечения.

Обсуждение и заключения: автор статьи полагает, что наличие нравственных отношений в уголовном судопроизводстве необходимо обозначить на уровне законодателя, а их осознание правоприменителем – главное условие законного, обоснованного и справедливого избрания меры пресечения.

Ключевые слова: *уголовно-процессуальные отношения, нравственные отношения, меры пресечения, нравственные начала уголовного процесса, основания избрания мер пресечения*

Для цитирования: Сухова И.И. Система правовых и нравственных отношений при принятии решения об избрании меры пресечения как процессуальная гарантия // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 1. С. . DOI:

Introduction: the article deals with the correlation of moral and legal foundations when dealing with measures of restraint. Strict measures of restraint particularly taking into custody are preferable for an enforcer. One of the reasons of frequent choose of strict measures is undervaluing morality by enforcers.

Materials and Methods: in the course of the study various methods were used: materialistic dialectics; sociological, historical, formal legal etc. The materials of the study were the provisions of criminal procedure legislation, legal positions of the constitutional Court of the Russian Federation, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on law enforcement, works of masters of criminal procedure theory and modern authors; statistical indicators; materials of the studied criminal cases.

Results: legal relations in criminal proceedings are always in connection with moral relations, but do not always coincide with them. Moral relations can have a decisive influence on ensuring the legality, validity and fairness of preventive measure.

Discussion and Conclusions: the author of the article states that the existence of morality in criminal proceedings should be indicated at the level of the legislator, and a law enforcement agent should adhere to morality. This adherence is the main condition for the lawful, reasonable and fair election of a preventive measure.

Key words: *criminal proceedings, criminal procedural relations, moral relations, preventive measures, moral principles of criminal process, guarantees, legality, validity, justice*

For citation: Suhova I.I. The system of legal and moral correlations when dealing with measures of restraint as a procedural guarantee // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2019. V. 10, N 1. P. . DOI:

Введение

Невзирая на активную деятельность законодателя по корректированию уголовно-процессуального законодательства, современная сфера уголовного судопроизводства недостаточно совершенна. В связи с этим руководство страны, правоохранительных структур, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации неоднократно заявляли о необходимости реформирования данной сферы¹.

Безусловно, меры правового характера по повышению качества уголовно-процессуальной деятельности далеки от совершенства. В этом одна из причин ее недостаточной эффективности. Однако сегодня становится все яснее, что одного законодательного ресурса для исправления ситуации недостаточно. В настоящее время в сфере уголовного судопроизводства в полной мере сказываются те просчеты в уголовно-процессуальной политике, которые были допущены на стыке XX и XXI веков.

В числе этих просчетов – полное забвение духовно-нравственной составляющей жизни общества, пренебрежение достижениями науки, особенно науки советского периода, слабая теоретическая обоснованность ряда законодательных новелл.

Как итог – уголовное судопроизводство России, включая уголовно-процессуальное законодательство, сегодня особенно нуждается в нравственности и хорошей теории.

Возможно, два этих «ключа» позволят разрешить застарелую проблему законного, обоснованного, справедливого применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве, некоторые из которых по жесткости вполне сопоставимы с наказанием².

Яркий индикатор неблагополучия – статистические показатели, характеризующие состояние правоприменительной практики в части избрания мер пресечения.

Так, в 2015 году заключение под стражу применялось в 140 457 случаях (45% от всех возможных случаев)³, домашний арест в 4 676 случаях, залог в 190 случаях; в 2016 году: заключение под стражу – 121 796 (43% от всех возможных случаев),

домашний арест – 6 056, залог 229; в 2017 году: заключение под стражу – 123 296 (48% от всех возможных случаев), домашний арест – 6442, залог – 135). Заключение под стражу остается самой «привлекательной» для правоприменителя мерой пресечения. Современные суды оказались не гуманнее санкционировавших заключение под стражу прокуроров советского периода.

Конечно, уголовно-процессуальное право – публичная отрасль права и публичность – его определяющая категория. Уголовный процесс – средство обеспечения национальной безопасности, без принуждения просто неэффективное. В первую очередь оно направлено на выявление действительно виновных в совершении преступлений, привлечение их к уголовной ответственности и назначение им справедливого наказания. Однако верно и то, что «без полноценной защиты эффективно бороться с преступностью невозможно» [1, с. 112-113, 118, 140].

Иначе говоря, если меры пресечения, избираемые в ходе производства по уголовному делу, несправедливы, применены без учета доказанности оснований, без оглядки на условия, вместо эффективной борьбы с преступностью начинает развиваться обратный эффект – недовольство населения страны, неверие в законность, в порядочность должностных лиц, осуществляющих уголовный процесс.

Материалы и методы

При проведении исследования применялись различные методы, такие как материалистическая диалектика (система правовых и нравственных отношений рассматривалась во взаимосвязи с рядом иных философских и процессуальных проблем – нравственности, избрания мер пресечения, полномочий участников уголовного процесса и др., в развитии и с учетом современной социальной и криминальной обстановки в стране); социологический, исторический, формально-юридический.

Материалами исследования стали положения уголовно-процессуального законодательства, правовые позиции Конституционного Суда Россий-

¹ Выступление Президента Владимира Путина на расширенном заседании коллегии МВД России от 28 февраля 2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56949> (дата обращения: 12.02.2018).

Выступление Президента Владимира Путина на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 февраля 2018. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1333942/> (дата обращения: 12.02.2018).

Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 г.: доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 16 апреля 2018 г. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год от 16 апреля 2018 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2019).

² По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2018 г. № 12- П. Доступ из СПС «ГАРАНТ.РУ» (дата обращения: 12.02.2019).

³ Доля всех уголовных дел, по которым возможно было избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, исходя из санкции (свыше 3 лет лишения свободы).

ской Федерации, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам правоприменительной практики, труды классиков уголовно-процессуальной теории и современных авторов; статистические данные; материалы изученных уголовных дел. Использован личный опыт правоприменительной деятельности автора.

Обзор литературы

Обратимся к первому «ключу» – теории вопроса о процессуальных отношениях и роли в уголовно-процессуальной деятельности. Без правильного понимания их сущности невозможно правильное отношение к осуществлению уголовно-процессуальной деятельности.

До настоящего времени вопрос о том, нужно ли закладывать в определение уголовного процесса указание на систему правовых отношений, возникающих в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности, остается спорным.

Достаточно часто (например, в работах М.А. Чельцова-Бебутова, Д.С. Карева, М.И. Бажанова, Ю.М. Грошевого) можно встретить точку зрения, согласно которой уголовный процесс – это деятельность органов расследования, прокуратуры, суда, заключающаяся в расследовании и разрешении уголовных дел, в раскрытии преступлений, изобличении и справедливом наказании лиц, совершивших преступления, в предупреждении преступлений [2, с. 12]. Существует точка зрения о том, что уголовный процесс – это особый, точно регламентированный нормами права порядок возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения дел о преступлениях [3, с. 10]. Сторонники такого подхода к определению уголовного процесса отмечают, что дополнять понятие уголовного процесса указанием на правоотношения, нет необходимости по причине того, что правоотношения – это признак любой правовой деятельности, а не только уголовного процесса [4, с. 54].

Данные определения, по сути, конечно, верны, поскольку деятельность органов, осуществляющих уголовный процесс, вне правовых отношений не существует. С нравственной точки зрения включение в определения уголовного судопроизводства указания на это обстоятельство позволяет подчеркнуть, что субъектами (а отнюдь не объектами уголовного процесса) являются также лица и организации, не наделенные в ходе уголовного судопроизводства властными полномочиями. Кроме того, характеристика уголовного процесса только с точки зрения деятельности должностных лиц, наделенных властными полномочиями, снижает роль правовых отношений в судопроизводстве [5, с. 60].

Нам близок подход, согласно которому уголовный процесс – это система правоотношений

(М.С. Строгович, Л.Д. Кокорев, А.Д. Бойков, В.П. Божьев) [6, с. 66, 7, с. 35]. Именно такой взгляд позволяет рассмотреть уголовный процесс со стороны взаимодействия всех вовлеченных в него субъектов, а не только со стороны деятельности должностных лиц.

М.С. Строгович определял уголовно-процессуальные правоотношения как правовую форму деятельности следствия, прокуратуры и суда, осуществляющих возложенные на них задачи, а саму эту деятельность – в качестве содержания уголовно-процессуальных отношений [6, с. 34]. П.С. Элькин видел уголовно-процессуальные правоотношения и как предмет правового регулирования, и как результат такого регулирования [8, с. 10]. По мнению В.П. Божьева, уголовно-процессуальные правоотношения – это результат взаимодействия нормы права с общественным отношением [9, с. 87]. В.Н. Шпилев усматривал в правоотношении внутреннюю форму уголовного процесса, в отличие от его внешних форм, выражающихся в самом порядке процессуальной деятельности [10, с. 125].

Склоняясь к точке зрения о деятельности как о содержании правоотношения [9, с. 4] (действительно, реализуя права и исполняя обязанности, участники процесса создают новую сущность – действия, которые не могут считаться формой правоотношения, ибо последней должна быть категория заранее заданная), полагаем, что в этом случае систему правоотношений, складывающихся в ходе уголовно-процессуальной деятельности, следует считать формой всего уголовного судопроизводства, а уголовно-процессуальную деятельность их субъектов (участников уголовного судопроизводства) – содержанием уголовного процесса. Каждое конкретное правоотношение как элемент формы уголовного процесса возникает на основе общественного отношения (общественной связи) участников уголовного судопроизводства, которая урегулирована нормой права.

Поскольку норма права всегда имеет определенный нравственный «заряд», любое правоотношение всегда одновременно и нравственное отношение, т.е. отношение, регулируемое нравственными нормами, действующими через нормы правовые.

И здесь не обойтись без второго «ключа» – нравственности.

Представляется, что при принятии решения об избрании мер пресечения значение нравственных начал явно недооценивается, а в ряде случаев и попросту игнорируется, будучи затмеваемым системой правовых отношений. По крайней мере, многочисленные решения судов об избрании тех или иных мер пресечения, продлении сроков их применения вызывают широкий общественный

резонанс, оцениваются обществом как явно несправедливые, а следовательно, не обеспечивают функцию публичности уголовного процесса, вызывая у жителей страны ощущение тревоги и собственной незащищенности [11, с. 284-290].

Результаты исследования

В последнее время противоречия между моралью и правом обостряются. Однако происходит это не потому, что мораль «многоаспектна, противоречива, имеет «гибридную» природу», как считает, например, Р.Б. Головкин [12, с. 104], а ввиду очевидного забвения традиционных отечественных нравственных ценностей, разрушения морали в конце прошлого века и серьезного влияния на нее производственных отношений капиталистического толка (так и не прижившихся в России в царское время), неизбежно порождающих стимулирование в человеке аморальных качеств – индивидуализма, эгоизма, стяжательства и т.д.

Роль нравственных начал в уголовно-процессуальной деятельности, первичность которых подчеркивалась еще в классической работе А.Ф. Кони [13], в уголовном судопроизводстве трудно переоценить, поскольку его особенностью являются жесткие механизмы принуждения, позволяющие ограничивать конституционные права человека, без чего в ряде случаев не обеспечить «абсолютную» конституционную ценность – безопасность общества, государства и личности от преступности [14, с. 112].

В связи с этим вмешательство в конституционно-охраняемую сферу должно быть не только законным, но и прежде всего справедливым, что подразумевает непереносимое соответствие действий и решений представлениям общества о должном, правильном, допустимом. [15, с. 62-71, 17, с. 190].

А.Ф. Кони не без оснований отдавал приоритет в исследовании проблем уголовного процесса «нравственной призме». «Нравственным началам принадлежит в будущем первенствующая роль в исследовании условий и обстановки уголовного процесса. Настало время осветить те разнородные вопросы, возникающие в каждой стадии процесса, которые подлежат разрешению согласно существенным требованиям нравственного закона – этого *nonscripta, sed natalex* (лат.: не писанный, а естественный закон). ... должно пойти развитие истинного и широкого человеколюбия на суде» [13, с. 78-79].

Слова А.Ф. Кони весьма актуальны и для настоящего времени. Именно недостаток нравственных

основ, о необходимости возвращения к которым Президент Российской Федерации В.В. Путин говорил еще в 2012 г.¹, ощущается сегодня и в уголовном судопроизводстве.

Нравственные отношения в уголовном судопроизводстве отражают систему нравственных отношений в обществе, производны от нее. Правила нравственного толка формулируются не государством, хотя бы и действующим в условиях подлинной демократии, а самим обществом, берут начало в человеке и в последующем становятся объективной реальностью, существующей в обществе как внешняя сила [17, с. 64].

При всех разных подходах к вопросу о существовании особой «профессиональной морали» [18, с. 4, 19, с. 13-14] для дознавателя, следователя, прокурора, судьи – она, если ее признавать, может состоять только в повышенных требованиях к их нравственному уровню и никак не допускает каких-либо изъятий из общих нравственных требований [20, с. 89].

В связи с этим недостаточная эффективность уголовного судопроизводства, неверие населения страны в его справедливость обусловлены не только еще не преодоленным правовым нигилизмом жителей, но и искаженными нравственными представлениями участников уголовного судопроизводства, в том числе и должностных лиц, его осуществляющих.

Итак, правовые отношения бесполезны без нравственных. Два «ключа» должны работать вместе. Уголовное судопроизводство – морально-правовая система.

Принятие законного, обоснованного и справедливого решения всегда обусловлено не только соблюдением норм права (которые должны быть изначально моральны, что бывает, к сожалению, не всегда), но и неуклонным следованием моральным нормам, которые в уголовном судопроизводстве регулируют деятельность его участников не только через правоотношения, но и в рамках самостоятельной системы нравственных отношений.

В ряде случаев нравственность является непосредственным регулятором общественных отношений, в то же время урегулированных и нормами уголовно-процессуального права. Так, при наличии оснований для избрания меры пресечения выбор конкретной меры определяется, прежде всего, нравственными качествами должностных лиц, уполномоченных на ее избрание.

Нравственные отношения, кроме того, возникают между участниками уголовного судопроиз-

¹ Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации: послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2012 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.02.2019).

водства и вне отношений правовых. Именно они в большинстве случаев попросту игнорируются, участник уголовного процесса не осознает себя их субъектом. Вряд ли стоит отрицать, что при решении вопроса об избрании меры пресечения следователь, дознаватель, прокурор, судья (если мера пресечения избирается по судебному решению) вступают в отношения, урегулированные не только нормами права и одновременно нравственными нормами, но и исключительно – нравственными нормами. При этом нравственные отношения, в отличие от правовых, строятся не только по типу «государственный орган – личность», но и «личность – личность».

Например, при избрании меры пресечения, допускаемой только по судебному решению, складывается следующая система процессуальных отношений: 1) правовые¹ (между: следователем и руководителем следственного органа; судьей и следователем; судьей и должностным лицом, поддерживающим ходатайство; судьей и прокурором; судьей и обвиняемым, подозреваемым, его защитником); б) нравственные, возникающие при реализации норм права, влекущих возникновение правовых отношений; в) нравственные, не регулируемые нормами права (между: следователем и прокурором; руководителем следственного органа и прокурором; следователем и обвиняемым, подозреваемым; следователем и потерпевшим; судьей и потерпевшим; прокурором и обвиняемым, подозреваемым, прокурором и потерпевшим и др.).

Относительно последней группы нравственных отношений предвидим возможные возражения. Между тем, принимая решение об избрании меры пресечения (или возбуждении перед судом соответствующего ходатайства), соответствующие должностные лица обязаны ощущать свою ответственность не только перед субъектами правоотношений – должностными лицами или административными руководителями, но и перед теми, в интересах кого осуществляется уголовное судопроизводство, чьи нравственные страдания могут быть обусловлены принятым решением. А это широкий круг участников судопроизводства. Действительно, разве следователь, судья не должны испытывать чувство стыда перед обвиняемым, в отношении которого избирается явно несправедливая по своей жесткости мера пресечения? Или перед потерпевшим, когда данная мера явно чрезмерно, мягка?

В значительной мере бесстыдной является практика избрания меры пресечения в виде заключения под стражу без реальных доказательств

наличия оснований, предусмотренных ст. 97 Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Очевидно, что безнравственно считать такими доказательствами наличие заграничного паспорта, принадлежность обвиняемого к органам внутренних дел или иной правоохранительной структуре, наличие юридической подготовки и т.д. Следователь, руководитель следственного органа, прокурор, судья, предлагающие или соответственно поддерживающие такие «доказательства», не испытывающие при этом чувства стыда, явно не обладают нравственными качествами, необходимыми для представителей таких профессий.

К сожалению, крайне редкими являются случаи, когда следователь, вступая с руководителем следственного органа в правовые и одновременно нравственные отношения по поводу согласования постановления о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, проявлял бы принципиальность и отстаивал свою нравственную позицию, используя предоставленные ему для этого (и, надо сказать, достаточные) правовые средства.

Рискнем поставить вопрос шире. Учитывая публичный характер уголовного судопроизводства, нравственную ответственность, в том числе и при избрании меры пресечения, должностные лица, осуществляющие уголовный процесс, должны ощущать перед населением страны, которое по справедливости уголовного процесса судит о нравственности государства. Следовательно, властные участники уголовного судопроизводства вступают в нравственные отношения с обществом, с жителями страны.

Обсуждение и заключения

Таким образом, нравственные отношения, наряду с правовыми, представляют собой сущность процессуальных отношений [21, с. 112, 124, 136; 22, с. 29] и являются формой уголовного судопроизводства, даже если не сопровождаются правовыми отношениями.

Для того чтобы решение об избрании меры пресечения было обоснованным, законным и справедливым, субъекты, взаимодействующие при избрании меры пресечения (следователь, руководитель следственного органа, прокурор и судья), должны осознавать, что они являются участниками отношений правовых и отношений нравственных. При этом нравственно оправданные действия возможны только в том случае, когда участники нравственных отношений обладают необходимыми нравственными качествами: чувством справедливости, честностью, принципами

¹ Должны носить нравственный характер в силу предполагаемой нравственности уголовно-процессуального закона.

альностью, совестью, ответственностью. Должностные лица должны осознавать, что нравственные начала были и всегда будут основным регулятором отношений в уголовном процессе, включая отношения, возникающие при решении вопроса об избрании меры пресечения.

К сожалению, законодатель скуп на нравственные категории в тексте закона. Между тем сам факт их существования в законе выполнял бы

заметную воспитательную роль, ориентируя правоприменителя на действия по совести, во имя справедливости, по законам чести. Нравственные категории в уголовно-процессуальном законе – значимый фактор развития в правоприменительной деятельности нравственных отношений, которые выступают важнейшей гарантией законного, обоснованного и справедливого избрания меры пресечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М.: Юрист, 1999. 392 с.
2. Бажанов М.И., Грошевой Ю.М. Советский уголовный процесс. Киев: Вища шк., 1978. 471 с.
3. Алексеев Н.С., Лукашевич В.З., Элькинд П.С. Уголовный процесс. М.: Юрид. лит., 1972. 584 с.
4. Толстой Ю.К. Учение о сущности уголовно-процессуального права // Вестник Ленинградского университета. 1963. № 23. С. 74-78.
5. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М.: Госюриздат, 1961. 277 с.
6. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 470 с.
7. Божьев В.П. Уголовный процесс. М.: Спарк, 2002. 704 с.
8. Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: Ленингр. ун-та, 1963. 197 с.
9. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М.: Юрид. лит., 1975. 176 с.
10. Шпилев В.Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск: ВГУ, 1974. 144 с.
11. Победкин А.В. Уголовное судопроизводство как форма диктатуры нравственно-здоровых сил // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : международная научно-практическая конференция к 300-летию российской полиции, 18-19 октября 2018, г. Орел.) / ред. коллегия: А.В. Гришин и др. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2018. С. 284-290.
12. Головкин Р.Б. Некоторые проблемы обеспечения права человека в условиях современного российского общества // Права и свободы человека в современном мире (к 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию принятия Всеобщей декларации прав человека): материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (10 декабря 2008 г.) : в 2 т. / под общ. ред. В. А. Толстика. Н. Новгород, 2009. Т. 1. С. 104-110.
13. Кони А.Ф. Избранные труды и речи. Тула: Автограф, 2000. 640 с.
14. Победкин А.В. Содержание уголовно-процессуального права как выражение объективной социальной потребности // Библиотека криминалиста. 2016. № 3. (26). С.110 - 118.
15. Победкин А.В. Уголовно-процессуальный закон России: на пути к отечественным нравственным ценностям // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 62-71.
16. Васильев О.Л. Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях российского уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2018. 376 с.
17. Победкин А.В. Гарантии нравственности (о нравственном значении трудов Л.Д. Кокорева) // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 59-70.
18. Строгович М.С. Судебная этика, ее предмет, сущность // Современное государство и право. 1971. № 12. С. 21 - 28.
19. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Котов Д.П. Проблемы судебной этики. Воронеж, 1973. 271.
20. Строгович М.С. Судебная этика, ее предмет, сущность. М.: Наука, 1971. С.89.
21. Кокорев Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. С. 118, 124, 136.
22. Кокорев Л.Д., Котов Д.П. Этика уголовного процесса. Воронеж, 1993. С. 29.

REFERENCES

1. Petruhin I.L. CHelovek i vlast' (v sfere bor'by s prestupnost'yu). M.: YUrist", 1999. 392 s.
2. Bazhanov M.I., Groshevoj YU.M. Sovetskij ugovolnyj process. Kiev: Vishcha shk., 1978. 471 s.
3. Alekseev N.S., Lukashevich V.Z., EHl'kind P.S. Ugovolnyj process. M.: YUrid. lit., 1972. 584 s.
4. Tolstoj YU.K. Uchenie o sushchnosti ugovolno-processual'nogo prava // Vestnik Leningradskogo universiteta. 1963. № 23. S. 74-78.
5. Rahunov R.D. Uchastniki ugovolno-processual'noj deyatel'nosti. M.: Gosyurizdat, 1961. 277 s.
6. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovolnogo processa. T. 1. M.: Nauka, 1968. 470 s.
7. Bozh'ev V.P. Ugovolnyj process. M.: Spark, 2002. 704 s.
8. EHl'kind P.S. Sushchnost' sovetskogo ugovolno-processual'nogo prava. L.: Leningr. un-ta, 1963. 197 s.
9. Bozh'ev V.P. Ugovolno-processual'nye pravootnosheniya. M.: YUrid. lit., 1975. 176 s.
10. SHpilev V.N. Soderzhanie i formy ugovolnogo sudoproizvodstva. Minsk: VGU, 1974. 144 s.

11. Pobedkin A.V. Uголовное судопроизводство как форма диктатуры нравственно-здоровых сил // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : международная научно-практическая конференция к 300-летию российской полиции, 18-19 октября 2018, г. Орел.) / ред. коллегия: A.V. Grishin i dr. Орел: ОрYUI МВД России имени V.V. Luk'yanova, 2018. S. 284-290.
12. Golovkin R.B. Nekotorye problemy obespecheniya prava cheloveka v usloviyah sovremennogo rossijskogo obshchestva // Prava i svobody cheloveka v sovremenном mire (k 15-letiyu Konstitucii Rossijskoj Federacii i 60-letiyu prinyatiya Vseobshchej deklaracii prav cheloveka): materialy Vserossijskoj nauch.-prakt. konf. (10 dekabrya 2008 g.) : v 2 t. / pod obsheh. red. V. A. Tolstika. N. Novgorod, 2009. T. 1. S. 104-110.
13. Koni A.F. Izbrannye trudy i rechi. Tula: Avtograf, 2000. 640 s.
14. Pobedkin A.V. Soderzhanie uголовно-процессуального права как выражение об"ективной социальной потребности // Библиотека криминалиста. 2016. № 3. (26). S.110 - 118.
15. Pobedkin A.V. Uголовно-процессуальный закон России: на пути к отечественным нравственным ценностям // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. S. 62-71.
16. Vasil'ev O.L. Teoreticheskie aspekty dejstviya principa spravedlivosti na dosudebnyh stadiyah rossijskogo uголовного процесса: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. M., 2018. 376 s.
17. Pobedkin A.V. Garantii нравственности (o нравственном значении трудов L.D. Kokoreva) // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. S. 59-70.
18. Strogovich M.S. Судебная этика, ее предмет, сущность // Современное государство и право. 1971. № 12. S. 21 - 28.
19. Gorskij G.F., Kokorev L.D., Kotov D.P. Problemy sudebnoj etiki. Voronezh, 1973. 271.
20. Strogovich M.S. Судебная этика, ее предмет, сущность. M.: Nauka, 1971. S.89.
21. Kokorev L.D. Uчастники правосудия по уголовным делам. Voronezh, 1971. S. 118, 124, 136.
22. Kokorev L.D., Kotov D.P. Ehtika uголовного процесса. Voronezh, 1993. S. 29.

Об авторе: Сухова Ирина Игорьевна, адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России
e-mail: irinaigorevna.i@yandex.ru
© Сухова И.И., 2019.

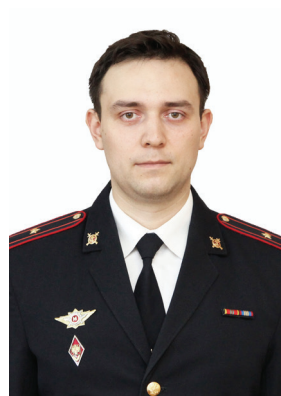
Статья получена: 15.02.2019. Статья принята к публикации: 20.03.2019.

Статья опубликована онлайн: 25.03.2019.

About the author: Suhova Irina I., postgraduate student of Faculty of training of scientific and scientific-pedagogical personnel of Academy of Administration of MIA of Russia
e-mail: irinaigorevna.i@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

А.А. Турышев, Р.Р. Абдулганеев

ЭКСТРЕМИСТСКИЙ МОТИВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

EXTREMIST MOTIVE OF CRIME

Введение: статья посвящена уголовно-правовому анализу экстремистского мотива преступления на основе актуальных статистических данных и судебной практики.

Материалы и методы: основу исследования составляет диалектический метод, в качестве частных научных методов применялись сравнительно-правовой, формально-логический и статистический методы.

Результаты исследования: в статье рассматриваются уголовно-правовые особенности квалификации мотива при совершении преступления экстремистской направленности. Особое внимание уделено установлению экстремистского мотива исходя из отдельных характеристик преступного деяния.

Обсуждение и заключения: в статье обосновывается мнение, согласно которому экстремистский мотив представляет собой внутреннее побуждение лица, совершившего преступление, выраженное в противопоставлении личных (групповых) интересов интересам части общества через совершение действий, направленных на потерпевшего в связи с обладанием им неотъемлемым (приобретенным) социальным свойством.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистский мотив, квалификация преступления, внутреннее побуждение лица

Для цитирования: Турышев А.А., Абдулганеев Р.Р. Экстремистский мотив преступления // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 1. С. . DOI:

Introduction: the article is devoted to the criminal law analysis of extremist motive of crime on the basis of actual statistical data and judicial practice.

Materials and Methods: the basis of the research is the dialectical method, comparative legal, formal logical and statistical methods were used as private scientific methods.

Results: the article discusses criminal features of the qualification of a motive of extremist crimes. Special attention is paid to the establishment of extremist motive based on the individual characteristics of a criminal act.

Discussion and Conclusions: the article substantiates the opinion that the extremist motive is an intrinsic motivation of the person who committed the crime, expressed in opposition of the personal (group) interests to the interests of a part of society through the commission of actions aimed at a victim who possesses an integral (acquired) social property.

Key words: extremism, extremist motive, qualification of a crime, internal motivation of a person

For citation: Turyshev A.A. , Abdulganeev R.R. Extremist motive of crime // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2019. V.10, N 1. P. . DOI:

Введение

Крайности во взглядах и связанные с ними преступления, совершаемые по экстремистским мотивам, включают в себе стратегические риски для поступательного развития государства, качества жизни граждан и их безопасности. Процессы глобализации позволяют рассматривать экстремизм не только как угрозу отдельно взятому государству, но и в большей степени как транснациональное криминогенное явление, от эффективности противодействия которому во многом зависит будущее существующего государственного порядка.

При этом вопросы противодействия проявлениям экстремизма не теряют своей значимости для правоприменительной практики из-за увеличивающейся энтропии социальной системы и грубых нарушений социальной справедливости при государственном строительстве, а также динамики роста и особенностей распространения экстремизма в стране. Отметим, что современное состояние противодействия преступлениям экстремистской направленности в России соотносится с основными направлениями уголовно-правовой политики как основного инструментария поддержания конституционного порядка и противодействия преступности.

Обзор литературы

В отечественном уголовном праве к вопросу осмысления экстремистского мотива преступления с позиции разграничения содержания хулиганского и экстремистского мотива обращалась Е.В. Батюкова [1]; Ю.В. Вальтер [2] и А.Л. Иванов [3] рассматривали особенности квалификации убийства, совершенного по экстремистскому мотиву; О.Н. Коршунова [4] в рамках анализа теории и практики противодействия преступлениям экстремистского характера выделяла полимотивность такого рода преступлений; А.А. Кунашев [5] обращался к анализу отдельных вопросов квалификации насильственных преступлений, совершенных по экстремистским мотивам.

Сегодня можно констатировать, что в науке уголовного права сформировалось несколько крупных направлений, полярно характеризующих мотив преступлений экстремистской направленности и, соответственно, по-разному определяющих критерии, непосредственно влияющие на квалификацию содеянного.

Цель данной статьи – выработать для науки и практики четкие критерии экстремистских побуждений, подкрепив их необходимыми практическими примерами, а также определить контрольные маркеры наличия экстремистского мотива в преступном поведении.

Материалы и методы

Методическим инструментарием исследования выступили статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России (далее ГИАЦ МВД России) с 2003 по 2017 гг. о количественных и качественных показателях выявленных преступлений экстремистской направленности, а также данные о количестве и видах мотивов совершения преступлений экстремистской направленности с 2015 по 2017 гг. В ходе подготовки статьи было проанализировано 50 материалов судебной практики по делам о преступлениях экстремистской направленности с 2011 по 2018 гг.

Результаты исследования

В 2007 году в законодательстве Российской Федерации расширилось понятие экстремистских проявлений, когда в качестве квалифицирующего признака во многих составах было введено понятие экстремистского мотива¹. Проблематика противодействия экстремизму уголовно-правовыми средствами получила дальнейшее развитие, а статистика и судебная практика стали учитывать данные изменения законодательства.

Современные подходы к пониманию и освещению преступлений экстремистской направленности, сложившиеся как в теории, так и в практике уголовного права, зачастую фрагментарно отражают основные составляющие экстремистского мотива, формируя в широких слоях общества ложные представления о данном негативном социальном явлении, и не способствуют отражению имеющегося уровня общественной опасности. Сообщения о фактах экстремистских преступлений в средствах массовой информации и новостных агрегаторах в сети Интернет, как правило, носят напряженный эмоциональный фон и используются различными силами в политической аргументации, зачастую полностью игнорирующими уголовно-правовое содержание факта. Проведенный анализ ключевых научных направлений в сфере уголовно-правового противодействия экстремизму свидетельствует о многополярном подходе к проблеме определения мотива преступления экстремистской направленности. Зачастую исследователи по-разному характеризуют основополагающие вопросы определения объективных и субъективных критериев экстремистского мотива, а также функциональные подходы к правильному практическому его пониманию.

Роль уголовно-правовых механизмов в противодействии преступности трудно переоценить. Существующие барьеры уголовно-правового характера надежно обеспечивают защиту ключевых

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму: Федеральный закон РФ от 24.07.2007 № 211-ФЗ // Российская газета. 2007. 1 августа.

общественных отношений, формируя тем самым общую правовую систему государственной безопасности. При этом экстремизм, как и любое другое криминогенное явление, находится в динамике, направленной на совершенствование форм и методов ведения преступной деятельности, увеличение материальной базы, приискании новых участников, готовых воплотить в жизнь преступные цели экстремистской организации.

Несмотря на то что преступления экстремистской направленности за 16 лет показали рост в 13 раз (со 157 преступлений в 2003 г. до 1521 в 2017 г.)¹, в процентном выражении они составляют ничтожное значение. Так, в структуре преступности экстремистские преступления от общего количества зарегистрированных преступлений составляли от 0,0056 % в 2003 г. до 0,074 % в 2017 году. В период с января по ноябрь 2018 г. этот показатель составлял 0,067 %.

Столь малые статистические величины не могут оказать существенное влияние на криминальную обстановку в РФ и поступательное развитие государства, но заложенный в данных преступлениях негативный потенциал воздействия на ключевые сферы межнациональных и межконфессиональных отношений закладывает существенные риски в кризисные периоды для социальной системы (в периоды экономических кризисов, революций, войн и смут).

Отметим, что в соответствии с данными статистики с 2015 по 2017 гг. мотивы совершения преступлений экстремистской направленности распределились следующим образом. Наиболее распространенным мотивом явился мотив национальной ненависти или вражды – 2034 преступления; мотив расовой ненависти или вражды – 780; мотив религиозной ненависти или вражды – 621; мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы – 406; мотив идеологической, политической ненависти или вражды – 271².

Важно заметить, что в ретроспективном аспекте экстремистские побуждения не находили отчетливого правового закрепления в рамках отечественного уголовного законодательства, а современное введение экстремистского мотива в рамках норм Особенной части УК РФ в большей степени носит превентивный характер, обусловленный популяризацией в национальном правовом пространстве американизированных форм романо-германской модели противодействия экстремизму и терроризму уголовно-правовыми средствами.

В Уголовный кодекс РФ 1996 г. с самого момента его принятия были включены экстремистские мотивы в следующих качествах: признак основного состава (ст. ст. 136, 282 УК РФ); квалифицирующий признак (ст. ст. 105, 111, 112, 117, 244 УК РФ), обстоятельство, отягчающее наказание (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ). В настоящее время использование экстремистской мотивации в УК РФ значительно расширено. Так, экстремистский мотив представлен в качестве признака основного состава (явно указан в ст. ст. 116, 136, 213, 282, 357 УК РФ, подразумевается в ст. 148, 280, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ), в качестве признака квалифицированного состава (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ), в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ) [6].

Основными формами выражения экстремистского мотива в тексте УК РФ являются: явное указание на мотив «по мотивам политической ...» или через характеристику направленности действий («... в зависимости от пола...» ст. 136 УК РФ, «... по признакам пола ...» ст. 282 УК РФ, «... направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы ...» ст. 357 УК РФ). В ряде составов экстремистский мотив не указывается, но подразумевается. Так, в объективной стороне ряда преступлений такая привязка производится через введение в диспозицию экстремистской деятельности или экстремистских преступлений (ст. 280, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ).

Содержание мотивов политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также мотивов ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы не раскрывается ни в законе РФ «Об экстремизме»³, ни в постановлении Пленума Верховного Суда РФ⁴, ни в УК РФ. Можно сказать, что законодатель перекладывает на правоприменителя обязанность знать содержание экстремистского мотива, а значит, определять границы преступности и меру общественной опасности экстремистских проявлений.

Мы предлагаем устанавливать экстремистский мотив преступного деяния исходя из ряда характеристик, совокупность которых позволяет говорить о его непереносимом наличии.

1. Содержательно экстремистский мотив означает противопоставление: я (мы) и части общества. Это означает, что виновный, являясь носителем определенных групповых ценностей, от

¹ Состояние преступности в России за 2003–2017 гг. URL: <https://мвд.рф/reports/> (дата обращения: 30.10.2018)

² Сайт ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». URL: <http://10.5.0.16> (дата обращения: 15.12.2018)

³ О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон РФ от 25.07.2002 № 114-ФЗ (в ред. от 23.11.2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

⁴ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (в ред. от 20.09.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

своего имени или от имени группы направляет действия на антагонистическую группу. Стремление реализуется в создании ситуации унижительного положения для представителя социальной группы по отличительному признаку в нарушение установленного общественного правила равенства возможностей, чем нарушается принцип социальной справедливости. К примеру, в приговоре Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики¹ установлено, что подсудимый Б. создал экстремистское сообщество, а Э. и А. приняли участие в деятельности экстремистского сообщества и покушались на участие в незаконном вооруженном формировании. Так, Б., находясь по месту жительства, договорился со своим знакомым Э. о совместном объединении в религиозно-экстремистскую группу, так называемый «джамаат», создании на ее основе не контролируемого государством вооруженного формирования, не предусмотренного федеральными законами РФ. Э., разделяя названные преступные цели, дал свое устное согласие на вхождение в группу и признал Б. «амиром», то есть руководителем группы. Основными целями и задачами созданного и руководимого Б. экстремистского сообщества являлись совершение преступлений экстремистской направленности: убийство лиц, не исповедующих радикальный ислам, сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих, представителей органов власти; создание незаконного вооруженного формирования; приискание огнестрельного оружия и боеприпасов для совершения указанных преступлений.

Деятельность созданного и руководимого Б. преступного сообщества отличалась сплоченностью и приверженностью участников к радикальной религиозной идеологии.

2. Потерпевшим выступает неперсонифицированное лицо социальной группы. Такое физическое лицо должно обладать неотъемлемыми признаками, к которым следует относить качественные характеристики, определяющие внешний облик человека (раса, национальность, пол) или его личностные характеристики (политические и идеологические взгляды, религиозное мировоззрение, ключевые признаки характеризующие отношение к социальным группам). Неотъемлемость характеризует тот факт, что личность не может изменить данное свойство без ее качественного изменения. Нескольким не соответствует признаку неотъемлемости критерий принадлежности к социальной группе, который довольно часто носит временный и легко изменчивый характер. Все члены общества состоят во

множестве социальных групп, могут вступать в них и выходить. Социальная принадлежность, за исключением кастовых обществ, не является данной с рождения, представляя собой свободу выбора и развития, нежели предустановленную социальную характеристику. Кроме того, социальные группы могут изначально налагать на человека негативную окраску в связи с социальной ролью или сложившимися стереотипами: асоциальный образ жизни (лица с пониженной социальной ответственностью, лица, страдающие зависимостью, лица нетрадиционной сексуальной ориентации, лица без определенного места жительства и т.д.), возможность принуждения (сотрудники полиции, чиновники).

Для проверки наличия данного признака экстремизма можно воспользоваться методом исключения. Достаточно в механизме совершения преступления ментально заменить потерпевшего на лицо, не обладающее неотъемлемыми свойствами, и если результат останется тем же, то экстремистские мотивы совершения деяния исключаются.

Так, приговором Автозаводского районного суда г. Нижнего Новгорода² установлено, что подсудимый С., будучи организатором и руководителем экстремистского сообщества «Wolf», целью которого являлось совершение преступлений в отношении лиц неславянской национальности по мотивам национальной ненависти, разделяя идеи экстремистской националистической направленности, в том числе о невозможности проживания и работы на территории г. Нижнего Новгорода лиц неславянской национальности, к которым испытывал неприязнь по отношению к представителям других национальностей, достоверно зная, что киоск по производству и продаже шаурмы, принадлежит лицу неславянской внешности, решил уничтожить данный киоск путем поджога.

Подсудимый С., реализуя свои преступные намерения, взял с собой канистры с зажигательной смесью и проследовал к киоску, действуя умышленно в составе экстремистского сообщества, по мотивам национальной ненависти к лицам неславянской внешности, осознавая общественную опасность своих преступных действий и желая причинить значительный материальный ущерб, подложил под киоск по производству и продаже шаурмы принесенные с собой канистры с зажигательной смесью, после чего поджег их спичкой и, убедившись, что зажигательная смесь вспыхнула, с места преступления скрылся. В результате умышленные преступные действия подсудимого С. в совокупности привели к полному уничтожению киоска.

¹ Архив Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики. 2015. – Д. 2–18/2014. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/SAk1NLOuVzgI> (дата обращения: 10.12.2018).

² Архив Автозаводского районного суда г. Нижнего Новгорода. 2015. Д. 1–513/2015. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/kX85Uv0JyHru> (дата обращения: 10.12.2018).

3. Основание действий: не за поведение потерпевшего, а за принадлежность к группе. В данном случае важна внутренняя направленность совершаемых действий, поскольку они обусловлены сложившимися представлениями о той или иной социальной группе. Общественная опасность экстремистских проявлений заключается в обобщенности, когда на конкретное лицо налагаются все качества (как правило, негативные) представителей этой группы. Такой процесс стереотипизации (шаблонизации) мышления характеризуется переносом акцента с действий потерпевшего на принадлежность к группе (обладание неотъемлемым признаком). Изначально у виновного есть установка, что группа носит негативный характер, при этом неважно, обладает ли потерпевший этой негативной характеристикой на самом деле или нет, она презюмируется. В то же время, когда основанием ответных действий выступают аморальные или преступные действия лица, обладающего неотъемлемым признаком, признавать наличие экстремистского мотива в этих действиях нельзя.

Приговором Первомайского районного суда г. Ижевска¹ установлено, что подсудимый В., являясь членом движения «Антифа», находясь в состоянии алкогольного опьянения, в помещении ТЦ «Адмирал» встретил Ф., придерживающегося неонацистских взглядов. Между подсудимыми В. и Ф. на почве идеологической вражды произошел конфликт. В ходе конфликта у подсудимого В. возник преступный умысел, направленный на причинение тяжкого вреда здоровью Ф., опасного для жизни человека.

Реализуя свой преступный умысел, подсудимый В., находясь в помещении ТЦ «Адмирал», действуя умышленно, в ходе возникшего конфликта на почве идеологической вражды, используя складной нож в качестве оружия, с целью причинения физической боли и тяжкого вреда здоровью с силой нанес четыре удара клинком ножа Ф. в область груди и обеих рук. Причинив Ф. ножевые ранения, подсудимый В. свои преступные действия прекратил и с места совершения преступления скрылся.

4. Внешне совершается без повода или по незначительному поводу с элементами публичности (опционально). Экстремистские проявления изначально «безосновательны», поэтому для осуществления агрессии виновному требуется минимальный повод для действий.

Публичный характер проявляется в том, что совершается в местах общественного пользования, к которым относятся места значительного скопле-

ния граждан (площади, парки, улицы, стадионы, транспорт и т.д.) и места нахождения и свободного доступа неопределенного круга лиц (аэропорты, вокзалы, остановки, торговые центры, подъезды, пешеходные переходы и т.д.). Вторым проявлением публичности следует понимать использование для совершения преступления существующие структуры общего пользования государственных органов, коммерческих или общественных организаций.

Приговором Нижегородского областного суда² установлено, что подсудимые Б. и С., находясь на территории автостанции «Канавинская», увидели в торговом помещении, расположенном на территории указанной автостанции, ранее незнакомого им гражданина Республики Узбекистан. Подсудимые Б. и С., определив по внешним признакам, что он является лицом нерусской национальности, руководствуясь национальной ненавистью к указанным лицам, вступили в преступный сговор, направленный на его убийство.

В результате умышленных совместных преступных действий подсудимых Б. и С. погибшему были причинены телесные повреждения, повлекшие причинение тяжкого вреда здоровью по признаку опасности для жизни, приведшего к развитию острой кровопотери и дальнейшей смерти.

Мотив занимает особое место при квалификации преступлений экстремистской направленности. В теории уголовного права при характеристике экстремистского мотива сложились различные подходы. Так, по мнению Е.В. Батюковой, криминогенная мотивация в преступлениях экстремистской направленности представляет совокупность осознанных или неосознанных потребностей (чаще всего в самоутверждении), примитивных и гипертрофированных интересов и ценностных ориентаций, во имя которых действует лицо [1]. Ю.В. Вальтер считает, что при характеристике экстремистского мотива необходимо исходить из принципов психологической науки, в соответствии с которыми различают мотивы главные, основные, решающим образом воздействующие на волю, и мотивы второстепенные, неглавные, как бы подталкивающие к выполнению уже готового намерения либо с ними конкурирующие [2]. О.Н. Коршунова выделяет три вида мотивов: целевые, ориентирующие и технические, побуждающих конкретное поведение субъекта [4].

Здесь мы придерживаемся положения, что преступление имеет только один основополагающий мотив. Особую сложность на практике составляют ситуации мультимотивности преступного поведения, когда следует из двух мотивов выбрать определяющий.

¹ Архив Первомайского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики. 2014. 1–168/2014 – 2015. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/NfaDGCdNEsHC> (дата обращения: 10.12.2018).

² Архив Нижегородского областного суда. 2011. Д. 2–44/2011. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/aBlaL8wKw3bm> (дата обращения: 10.12.2018).

На позиции о главенствующей роли только одного мотива в совершенном преступлении стоит Пленум Верховного Суда РФ. Так, квалификация преступлений против жизни и здоровья, совершенных по экстремистским мотивам, исключает возможность одновременной квалификации содеянного по другим пунктам указанных частей этих статей, предусматривающим иной мотив или цель преступления (например, из хулиганских побуждений)¹. Хулиганский мотив предполагает неперсонифицированность потерпевшего, которым может выступать любой член общества как носитель общественных ценностей. Экстремистский мотив, напротив, предполагает потерпевшего из определенной социальной группы, что сужает внимание виновного со всего общества до его части. Таким образом, хулиганский и экстремистский мотивы находятся в непримиримом противоречии и не могут одновременно присутствовать в преступном поведении. С содержательной стороны виновный не может одновременно не любить все общество и отдельную его часть.

С другой стороны, преступления, совершенные по экстремистским мотивам, следует отграничивать от преступлений, совершенных на почве личных неприязненных отношений. Постановление Пленума Верховного Суда РФ указывает, что для правильного установления мотива преступления следует учитывать длительность межличностных отношений подсудимого с потерпевшим, наличие с ним конфликтов, не связанных с национальными, религиозными, идеологическими, политическими взглядами, принадлежностью к той или иной расе, социальной группе². Экстремистский и мотив личных неприязненных отношений также являются взаимоисключающими, поскольку первый предполагает неперсонифицированного потерпевшего определенной социальной группы, а для второго мотива важна конкретная личность потерпевшего и предыдущий контекст отношений. Отграничение экстремистских побуждений от личных неприязненных побуждений заключается в различной направленности: экстремистский мотив – на неперсонифицированного потерпевшего, обладающего неотъемлемым признаком, а личные неприязненные побуждения – на конкретного потерпевшего. На практике наибольшую сложность вызывают ситуации, когда развитие личных неприязненных отношений приобретают экстремистские формы (оскорбление по религиозному, национальному, политическому признаку). Такое стремление виновного при развитии личного кон-

фликта сильнее уколоть самолюбие потерпевшего через акцент на неотъемлемых признаках не должно учитываться при квалификации, поскольку подавляющим мотивом является личная неприязнь. Также экстремистский мотив исключается, когда действия виновного совершаются из-за противоправных или аморальных действий потерпевшего.

Так, приговором Железнодорожного районного суда г. Новосибирска³ установлено, что подсудимый Ш. спускался по ул. Челюскинцев от цирка и зашел в круглосуточный магазин, чтобы купить сигарет, но нужной ему марки не было. На улице около магазина подсудимый Ш. встретил ранее ему не знакомого потерпевшего М., попросил угостить сигаретой, потерпевший М. дал ему сигарету. Но друг потерпевшего М. сказал ему: «Иди сам себе купи, чурка», после чего ударил подсудимого Ш. ладонью по спине, потерпевший М. тоже ударил его, так как заступился за друга. Подсудимый Ш. ударил потерпевшего М. в ответ, после чего последний упал. Друг потерпевшего М. убежал. Подсудимый Ш. ударил потерпевшего М. еще два раза, тот не шевелился. Подсудимый Ш. пошел и купил в магазине воду и облил потерпевшего М., тот пришел в себя, держался за голову и сказал, что больше так не будет делать. Затем подсудимый Ш. начал спускаться вниз по улице, где его и задержали сотрудники полиции.

Обсуждение и заключения

Экстремистские побуждения по объему занимают промежуточное положение между личными неприязненными и хулиганскими побуждениями и подразумевают направленность: личность – социальная группа – общество.

Указанные мотивы взаимоисключают друг друга и не могут учитываться в преступном поведении. Алгоритм квалификации преступлений экстремистской направленности должен устанавливать один центральный мотив, руководящий преступным поведением виновного, и достичь этого возможно через прохождение следующих этапов: 1. Проверить и исключить мотив личных неприязненных отношений. 2. Проверить и исключить хулиганский мотив. 3. Установить наличие экстремистского мотива.

Таким образом, экстремистский мотив – внутреннее побуждение лица, совершившего преступление, выраженное в противопоставлении личных (групповых) интересов интересам части общества через совершение действий, направленных на потерпевшего в связи с обладанием им неотъемлемым (приобретенным) социальным свойством

¹ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 (в ред. от 20.09.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

² Там же.

³ Архив Железнодорожного районного суда г. Новосибирска. 2018. – Д. 1–74/2018. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/TodGSXhCXaI4> (дата обращения: 16.12.2018).

(пола, расы, национальности, идеологических, политических, религиозных атрибутов и т.д.).

Экстремистский мотив характеризуется следующими признаками: 1. Психологически происходит противопоставление: я (мы) и части общества. 2. По-

терпевшим выступает неперсонифицированное лицо социальной группы. 3. Основанием действий является принадлежность к социальной группе. 4. Внешне совершается без повода или по незначительному поводу с элементами публичности (опционально).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батюкова Е.В. Некоторые проблемы определения содержания хулиганского и экстремистского мотива // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 106-110.
2. Вальтер Ю.В. Убийство, совершенное по экстремистскому мотиву // Science Time. 2015. № 11. С.114-118.
3. Иванов А.Л. Вопросы квалификации убийства, совершенного по экстремистскому мотиву (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Уголовное право. 2015. № 3. С. 41-46.
4. Коршунова О.Н. Преступления экстремистского характера: теория и практика противодействия. СПб., 2006. 325 с.
5. Кунашев А.А. Некоторые вопросы квалификации насильственных преступлений, совершенных по экстремистским мотивам // Уголовное право. 2014. № 5. С. 66-68.
6. Турышев А.А. Мотив преступления: законодательное представление // Правовые технологии. 2018. № 1. URL: <http://www.lawtech.ru/journal/articles/17759> (дата обращения: 30.12.2018 г.).

REFERENCES

1. Batyukova E.V. Nekotorye problemy opredeleniya soderzhaniya huliganskogo i ehkstremskogo motiva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 3. S. 106-110.
2. Val'ter YU.V. Ubijstvo, sovershennoe po ehkstremskomu motivu // Science Time. 2015. № 11. S.114-118.
3. Ivanov A.L. Voprosy kvalifikacii ubijstva, sovershennogo po ehkstremskomu motivu (p. «l» ch. 2 st. 105 UK RF) // Ugolovnoe pravo. 2015. № 3. S. 41- 46.
4. Korshunova O.N. Prestupleniya ehkstremskogo haraktera: teoriya i praktika protivodejstviya. SPb., 2006. 325 s.
5. Kunashev A.A. Nekotorye voprosy kvalifikacii nasil'stvennyh prestuplenij, sovershennyh po ehkstremskim motivam // Ugolovnoe pravo. 2014. № 5. S. 66 – 68.
6. Turyshev A.A. Motiv prestupleniya: zakonodatel'noe predstavlenie // Pravovye tekhnologii. 2018. № 1. URL: <http://www.lawtech.ru/journal/articles/17759> (data obrashcheniya: 30.12.2018 g.).

Об авторах: Турышев Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Омской академии МВД России

e-mail: lawtech15@mail.ru

Абдулганеев Ренат Рафаилович, кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отделения Казанского юридического института МВД России

e-mail: niirio@inbox.ru

© Турышев А.А., 2019.

© Абдулганеев Р.Р., 2019.

Статья получена: 10.01.2019. Статья принята к публикации: 20.03.2019.

Статья опубликована онлайн: 25.03.2019.

About the authors: Turyshev Alexander A., Candidate of Law Sciences, Associate Professor of Criminal Law Department of Omsk Academy of MIA of Russia

e-mail: lawtech15@mail.ru

Abdulganeev Renat R., Candidate of Law Sciences, Head of Research Department of Kazan Law Institute of the Ministry of MIA of Russia

e-mail: niirio@inbox.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Заявленный вклад авторов

Турышев Александр Александрович – разработка концептуальных подходов исследования; формирование выводов и практических рекомендаций; подготовка первоначального варианта текста.

Абдулганеев Ренат Рафаилович – анализ научной литературы по проблеме исследования; сбор, анализ эмпирических данных, судебной практики и их обобщение; доработка текста исследования.

УДК 343.98

DOI:

Е.В. Чиненов, С.А. Чернышёв

ПОВЫШЕНИЕ МОБИЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННО-ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ ЗА СЧЕТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ТРАНСПОРТА

INCREASING WORKFORCE MOBILITY OF CRIME SCENE INVESTIGATION TEAM THROUGH THE USE OF SPECIAL TRANSPORT

Введение: в статье рассматриваются вопросы технико-криминалистического обеспечения осмотров мест происшествий на объектах железнодорожного транспорта; предлагаются пути совершенствования раскрытия и расследования преступлений в данной сфере за счет повышения мобильности следственно-оперативной группы.

Материалы и методы: исследование базируется на материалах отечественной и зарубежной теории криминалистики, следственной и экспертно-криминалистической практики органов внутренних дел на транспорте. При написании статьи использовались диалектический метод научного познания окружающей действительности, функциональный, историко-правовой, формально-логический, сравнительно-правовой, конкретный социолого-правовой методы.

Результаты исследования: проведен анализ факторов, определяющих специфику функционирования объектов железнодорожного транспорта, обуславливающих характер совершаемых преступлений в данной сфере и оказывающих влияние на технико-криминалистическое обеспечение их раскрытия и расследования; сформулированы предложения по расширению возможностей доставки следственно-оперативной группы и необходимых технико-криминалистических средств к месту происшествия за счет использования автомобильного транспорта на комбинированном ходу (автомобильная дорога / рельсовый путь).

Обсуждение и заключения: сформулированные предложения могут быть использованы в практической деятельности органов внутренних дел на объектах железнодорожного транспорта.

Ключевые слова: раскрытие и расследование преступлений, железнодорожный транспорт, передвижная криминалистическая лаборатория, осмотр места происшествия, комбинированный ход

Для цитирования: Чиненов Е.В., Чернышёв С.А. Повышение мобильности следственно-оперативной группы за счет использования специального транспорта // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 1. С. . DOI:

Introduction: the article deals with the issues of technical and forensic support of inspections of accident sites on the objects of railway transport; the ways of improving the disclosure and investigation of crimes in this area by increasing the mobility of the investigative team.

Materials and Methods: the study is based on the materials of domestic and foreign theory of criminology, investigative and forensic practice of the internal affairs bodies in transport. When writing the article the dialectical method of cognition of the environment, functional, historical and legal, formal and logical, comparative and legal, specific sociological and legal methods were used.

Results: the analysis of the factors determining the specificity of functioning of railway transport objects, determining the nature of the crimes committed in this area and affecting the technical and forensic provision

of detection and investigation. The proposals to expand the possibilities of delivery of the investigative team and the necessary technical and forensic tools to the scene through the use of, in particular, road transport on a combined course (road / rail track).

Discussion and Conclusions: the formulated proposals can be used in practice by the internal affairs bodies at the railway transport facilities

Key words: detection and investigation of crimes, railway transport, mobile forensic laboratory, inspection of the scene, the combined course

For citation: Chinenov E.V., Chernyshev S.A. Increasing workforce mobility of crime scene investigation team through the use of special transport // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2019. V.10, N 1. P. . DOI:

Введение

Практика противодействия преступлениям свидетельствует о важности своевременного поиска, обнаружения, фиксации и изъятия с мест происшествий следовой информации. Получение максимальной розыскной информации, криминалистический анализ следовой картины и способа совершения преступления, восстановление механизма совершения преступления, установление лиц, причастных к событию преступления, решение иных задач, способствующих быстрому и качественному расследованию, невозможно без организации незамедлительного прибытия следственно-оперативной группы на место происшествия. Принимая во внимание специфику функционирования железнодорожного транспорта, труднодоступность местонахождения криминалистически значимых объектов, следует указать на важность мобильности следственно-оперативной группы (далее – СОГ) и обязательность участия в ее составе специалистов-криминалистов с широким набором технико-криминалистических средств, позволяющих в ходе осмотра места происшествия (далее – ОМП) осуществлять эффективную работу по обнаружению и предварительному исследованию следов и объектов. По справедливому мнению В.Г. Коломацкого, особое значение имеет не только криминалистический, но и организационный аспект: создание организационной структуры использования технико-криминалистических и иных средств различными субъектами расследования.

Деятельность правоохранительных органов на объектах железнодорожного транспорта осуществляется в специфических условиях, обусловленных рядом факторов: круглосуточностью работы транспорта, его повышенной опасностью, концентрацией людей в поездах, на вокзалах, станциях, сосредоточением больших объемов перевозимых грузов, материальных и производственных запасов, привлекательностью объектов и инфраструктуры для преступников, протяженностью участков обслуживания, их технико-технологическими, природно-географическими и социаль-

но-экономическими особенностями. Такие условия формируют организационно-тактические особенности выявления, раскрытия и расследования преступлений в данной сфере. В оперативном обслуживании транспортной полиции находится 16 железных дорог общей протяженностью более 85 тыс. км, характеризующихся сложной разветвленной структурой транспортных коммуникаций, их высокой технологичностью, значительным удалением объектов от органа внутренних дел, труднодоступностью подъездов к ним, скоротечностью событий, интенсивностью движения подвижного состава и пр.

В таких условиях при расследовании уголовных дел, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта, отдельных видов экономических и экологических преступлений, а также преступлений террористической направленности проведение неотложных следственных действий может быть сопряжено с определенными трудностями. Существенным является то, что часть преступлений совершается на значительном удалении от мест дислокации линейных отделов внутренних дел на транспорте, автомобильных дорог и иных подъездных путей. Это осложняет прибытие на место происшествия СОГ, доставку технико-криминалистического оборудования и предопределяет необходимость развития и совершенствования средств и методов криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, находящихся под прямым влиянием научно-технического прогресса.

Обзор литературы

Вопросам своевременного изъятия следов и объектов на местах происшествия, обуславливающего результативность экспертно-криминалистического сопровождения раскрытия и расследования преступления, уделяли внимание многие отечественные и западные ученые, в частности А.Ф. Волынский, В.А. Волынский, В.Г. Коломацкий, Н.Е. Мерецкий, Н.Г. Шурухов, М. Birzer, С. Roberson, К. Inman, N. Rudin, R. Saferstein и др. [1 - 8].

Особенности криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений на объектах транспортной инфраструктуры рассматривались в работах Ю.В. Степаненко, О.П. Грибунова, В.И. Шукина, Е.В. Чиненова, Е.А. Малыхиной, А.Л. Пермякова, А.Е. Антонова, Е.А. Кравцовой [9, с. 6; 10, с. 117; 11, с. 228; 12, с. 13; 13, с. 231; 14, с. 164; 15, с. 131; 16, с. 165].

При этом следует отметить, что в научной литературе возможности использования специального транспорта, в частности на комбинированном ходу, для повышения мобильности следственно-оперативной группы не нашли достаточного отражения. Вышеуказанное обстоятельство, а также существующие потребности практики органов внутренних дел в данном направлении обуславливают актуальность нашего исследования.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили диалектический метод научного познания окружающей действительности, функциональный, историко-правовой, формально-ло-

гический, сравнительно-правовой, конкретный социолого-правовой методы, обобщение материалов следственной и экспертно-криминалистической практики.

Результаты исследования

Для решения задачи повышения мобильности следственно-оперативной группы при раскрытии и расследовании преступлений на объектах железнодорожного транспорта авторы предлагают переоборудовать типовую передвижную криминалистическую лабораторию (далее – ПКЛ) в автомобильно-железнодорожное транспортное средство, которое может быть использовано для передвижения как по железнодорожным путям, так и по автомобильным дорогам (рис. 1). В качестве базы для указанной ПКЛ может использоваться любой полноприводный автомобиль, имеющий рамную конструкцию, к которому в производственных условиях монтируется навесное оборудование, обеспечивающее заявленные возможности передвижения.

Рис. 1. Концепция передвижной криминалистической лаборатории на комбинированном ходу
Picture 1. A conception of a criminalistic hybrid road-rail mobile laboratory

Опыт создания автомобильно-рельсового транспорта имеется в Беларуси (Locomobile); Бельгии (UCA-TRAC); Великобритании (Aquarius Railroad Technologies); Германии (ZAGRO Bahn- und Baumaschinen GmbH, Zweiwege-Fahrzeuge); Испании (Uromac); США (Fairmont Railway Motors). В России также разработаны транспортные средства на комбинированном ходу, например, на базе автомобиля УАЗ Патриот (рис. 2), используемые в инфраструктуре ОАО «РЖД» в качестве мобильных технологических машин для выполнения неотложных работ на железно-

дорожных путях и инженерных сооружениях¹. Принцип работы автомобильно-железнодорожного транспортного средства основывается на добавлении к автомобильному шасси опускающихся дополнительных направляющих рельсовых катков с ребрами – гребнями (для удержания машины на рельсах) либо подкатных колесных пар, а высокий коэффициент сцепления резины автомобильного колеса и стали обуславливает возможность эффективного его перемещения по рельсовому пути (рис. 3, 4).

¹ URL: <https://www.zagro.de/>; <http://railway.bg/>; <http://www.uromac.com/>; <https://www.flickr.com/>; <https://wikivisually.com/> (дата обращения: 15.02.2019)

Рис. 2. Автомобиль УАЗ Патриот на комбинированном ходу
Picture 2. Hybrid road-rail UAZ Patriot

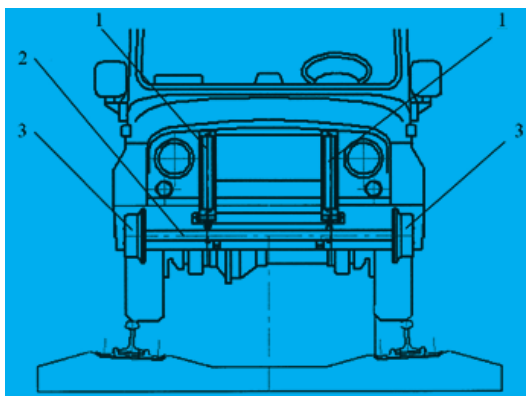

Рис. 3. Привод железнодорожных катков
от пневмоколес:

1 – пневматические цилиндры; 2 – катковая ось; 3 – направляющие катки

Picture 3. Air castor Drive of railway rollers:
1 – pneumatic cylinder; 2 – roller axis; 3 – guide roller

Устройство работает следующим образом. Привод осуществляется при помощи гидромотора (4) и червячного редуктора, образованного червяком и гайкой, имеющей шарнирное соединение со стойкой (5). Привод также имеет возможность ручного управления на случай повреждения гидропровода. В транспортном положении стойка (5) вместе с основным колесом (1) находятся в горизонтальном положении. Когда осуществляется установка транспортного средства на рельсы, блок комбинированного хода переводят в вертикальное положение. При этом для облегчения процесса «попадания» основного колеса на рельс опускается дополнительная направляющая (которая своим диском вставляется в основное колесо), имеющая конусную «ловушку». После окончания установки транспортного средства на рельсы направляю-

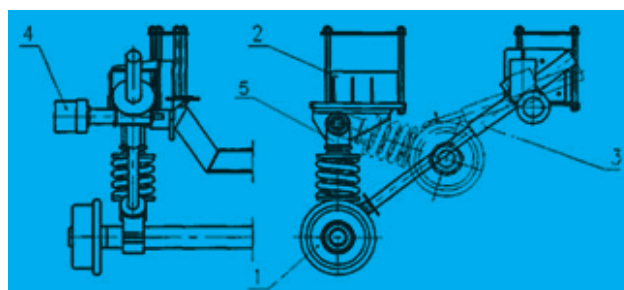

Рис. 4. Механизм подъема-опускания
колесной пары:

1 – колесная пара; 2 – кронштейн; 3 – редуктор; 4 – гидромотор; 5 – стойка

Picture 4. Lifting-dropping of wheels mechanism:
1 – wheel pair; 2 – bracket; 3 – gearbox;
4 – hydraulic motor; 5 – stand group

щая переводится в горизонтальное положение и фиксируется пальцем [17].

Таким образом, модернизированная ПКЛ состоит из: автомобиля повышенной проходимости; системы комбинированного хода (автомобильная дорога / рельсовый путь); системы обеспечения безопасности движения на комбинированном ходу; комплекса технико-криминалистических средств; автоматизированных рабочих мест экспертов-криминалистов. Явными преимуществами подобных ПКЛ будут экономичность, универсальность, мобильность, маневренность и возможность передвижения как по рельсам, так и по автодорогам. Автомобили на комбинированном ходу, помимо специальных криминалистических функций, могут выполнять функции дрезины, маневровой и технологической железнодорожной техники в зависимо-

сти от побочно возникающих задач. Указанное обстоятельство будет способствовать эффективному решению организационных вопросов, возникающих на начальном этапе расследования преступлений на объектах железнодорожного транспорта.

Полагаем, что повышению эффективности осмотров мест происшествий на объектах железнодорожного транспорта будет способствовать создание специально оборудованного железнодорожного вагона – криминалистической лаборатории. Возможны и другие пути решения данного вопроса. Например, можно взять за основу железнодорожный вагон – лабораторию, осуществляющую контроль железнодорожных путей, испытания средств сигнализации и связи, изучение параметров контактной сети, проверку работы путевых устройств, дооснастить ее криминалистическим оборудованием, и осуществлять эксплуатацию данного вагона в зависимости от поставленных задач. Но если на протяженных маршрутах использование таких дорогостоящих высокоомобильных средств в целях решения задач по технико-криминалистическому обеспечению раскрытия и расследования преступлений экономически вполне оправданно, то их применение на небольших, малодеятельных и станционных участках путей не всегда целесообразно и почти всегда не экономично. При этом необходимо отметить, что указанные варианты организации криминалистической лаборатории лишены возможности передвижения по автомобильным дорогам, что существенно снижает потенциал их практического использования по сравнению с ПКЛ на комбинированном ходу.

Обсуждение и заключения

На основании проведенного исследования мы приходим к следующим выводам:

1. Эффективность раскрытия и расследования преступлений в значительной степени зависит от качественного проведения осмотра места происшествия и полноты изъятия следовой информации. Указанное обстоятельство находится в прямой взаимосвязи со своевременностью прибытия СОГ на место происшествия; доставкой необходимых технико-криминалистических средств непосредственно к месту происшествия в целях результативного и рационального их использования.

2. Особенности функционирования объектов железнодорожного транспорта определяют специфику условий деятельности органов внутренних дел на транспорте и обуславливают организационно-тактические особенности выявления, раскрытия и расследования преступлений в данной сфере.

3. Решение задачи повышения мобильности следственно-оперативной группы при раскрытии и расследовании преступлений на объектах железнодорожного транспорта возможно за счет использования специального транспорта, в том числе путем переоборудования типовой ПКЛ в автомобильно-железнодорожное транспортное средство.

4. Использование ПКЛ на комбинированном (железнодорожном и автомобильном) ходу позволит СОГ передвигаться к месту происшествия в основном по автомобильным дорогам общего пользования, а рельсовые пути использовать на максимально возможном коротком участке, что в конечном итоге минимизирует дополнительную нагрузку на железнодорожные сообщения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волинский А.Ф. Эффективность как принцип организации судебно-экспертных и технико-криминалистических видов деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 10-13.
2. Волинский В.А. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: пособие. М.: ВНИИ МВД РФ, 1994. 77 с.
3. Криминалистика в трех томах. Том 1. История, общая и частные теории: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, И.А. Возгрин и др.; под ред. Р.С. Белкина, В.Г. Коломацкого, И.М. Лузгина. М.: Академия МВД России, 1995. 280 с.
4. Мерецкий Н.Е., Родина О.М. Особенности расследования преступлений на железнодорожном транспорте в условиях Дальнего Востока // Современные проблемы развития образования и права: сборник материалов Всероссийской молодежной научно-практической конференции, посвященной 80-летию ДВГУПС; под общ. редакцией С.Е. Туркулец и Е.В. Листопадовой. 2017. С. 234-239.
5. Криминалистика: учебник / Н.Г. Шурухов. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011. 776 с.
6. Birzer M., Roberson C. Introduction to Criminal Investigation. L., 2016.
7. Inman K., Rudin N. Principles and Practice of Criminalistics: The Profession of Forensic. Boca Raton, 2001.
8. Saferstein R. Criminalistics: An Introduction to Forensic Science. Textbook. 12th ed. N.Y., 2018.
9. Степаненко Ю.В. Теоретические и прикладные проблемы деятельности органов внутренних дел на транспорте: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 51 с.
10. Грибунов О.П. К вопросу о противодействии преступлениям, совершаемым на объектах транспорта // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2. С.117-120.
11. Щукин В.И., Озеров И.Н. Влияние специфики функционирования объектов железнодорожного транспорта

- на организацию расследования преступлений // Белгородские криминалистические чтения: сборник научных трудов. Вып. 4. Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2018. С. 228–233.
12. Осмотр места происшествия на объектах железнодорожного транспорта: учебное пособие / Е.В. Чинёнов и др. Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2017. 76 с.
13. Малыхина Е.А., Грибунов О.П. Некоторые особенности производства осмотра места происшествия по делам о хищениях комплектующих деталей железнодорожного транспорта // Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. науч. ст., посвящ. 50-летию юрид. ин-та БФУ им. И. Канта, 2017. С. 321–327.
14. Пермяков А.Л. Некоторые особенности проведения доследственной проверки при обнаружении признаков хищения груза в процессе его следования железнодорожным транспортом // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. трудов. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2015. С.164–168.
15. Антонов А.Е. Некоторые аспекты соотношения процесса расследования и поисково-познавательной деятельности следователя // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 4. С. 131–134.
16. Кравцова Е.А. Актуальные проблемы расследования преступлений, совершаемых на транспорте // Труды международной научно-практической конференции «Транспорт – 2015». Ростов-на-Дону: Ростовский гос. ун-т путей сообщения, 2015. С.165–167.
17. Ташбаев В.А., Шебзунов Ю.А. Колесные машины на комбинированном ходу // Вестник Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухоро. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kolesnye-mashiny-na-kombinirovannom-hodu> (дата обращения: 15.02.2019).

REFERENCES

1. Volynskij A.F. Effektivnost' kak princip organizacii sudebno-ehkspertnyh i tekhniko-kriminalisticheskikh vidov deyatel'nosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 2. S. 10–13.
2. Volynskij V.A. Tekhniko-kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij: posobie. M.: VNII MVD RF, 1994. 77 s.
3. Kriminalistika v trekh tomah. Tom 1. Istoriya, obshchaya i chastnye teorii: uchebnik / T.V. Aver'yanova, R.S. Belkin, I.A. Vozgrin i dr.; pod red. R.S. Belkina, V.G. Kolomackogo, I.M. Luzgina. M.: Akademiya MVD Rossii, 1995. 280 s.
4. Mereckij N.E., Rodina O.M. Osobennosti rassledovaniya prestuplenij na zheleznodorozhnom transporte v usloviyah Dal'nego Vostoka // Sovremennye problemy razvitiya obrazovaniya i prava: sbornik materialov Vserossijskoj molodezhnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu DVGUPS; pod obshch. redakciej S.E. Turkulec i E.V. Listopadovoj. 2017. S. 234–239.
5. Kriminalistika: uchebnik / N.G. SHuruhnov. M.: MPSI; Voronezh: MODEHK, 2011. 776 s.
6. Birzer M., Roberson C. Introduction to Criminal Investigation. L., 2016.
7. Inman K., Rudin N. Principles and Practice of Criminalistics: The Profession of Forensic. Boca Raton, 2001.
8. Saferstein R. Criminalistics: An Introduction to Forensic Science. Textbook. 12th ed. N.Y., 2018.
9. Stepanenko YU.V. Teoreticheskie i prikladnye problemy deyatel'nosti organov vnutrennih del na transporte: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2004. 51 s.
10. Gribunov O.P. K voprosu o protivodejstvii prestupleniyam, sovershaemym na ob'ektah transporta // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. EHkonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2013. № 2-2. S.117–120.
11. SHCHukin V.I., Ozerov I.N. Vliyanie specifik funkcionirovaniya ob'ektov zheleznodorozhnogo transporta na organizaciyu rassledovaniya prestuplenij // Belgorodskie kriminalisticheskie chteniya: sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 4. Belgorod: Bel YUI MVD Rossii imeni I.D. Putilina, 2018. S. 228–233.
12. Osmotr mesta proisshestviya na ob'ektah zheleznodorozhnogo transporta: uchebnoe posobie / E.V. CHinyonov i dr. Belgorod: Bel YUI MVD Rossii imeni I.D. Putilina, 2017. 76 s.
13. Malyhina E.A., Gribunov O.P. Nekotorye osobennosti proizvodstva osmotra mesta proisshestviya po delam o hishcheniyah komplektuyushchih detalej zheleznodorozhnogo transporta // Sovremennye problemy yuridicheskoy nauki i pravoprimeritel'noj praktiki: sb. nauch. st., posvyashch. 50-letiyu yurid. in-ta BФU im. I. Kanta, 2017. S. 321–327.
14. Permyakov A.L. Nekotorye osobennosti provedeniya dosledstvennoj proverki pri obnaruzhenii priznakov hishcheniya gruzha v processe ego sledovaniya zheleznodorozhnym transportom // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra: sb. nauch. trudov. Irkutsk: Vostochno-Sibirskij institut MVD Rossii, 2015. S.164–168.
15. Antonov A.E. Nekotorye aspekty sootnosheniya processa rassledovaniya i poiskovo-poznavatel'noj deyatel'nosti sledovatelya // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2016. № 4. S. 131–134.
16. Kravcova E.A. Aktual'nye problemy rassledovaniya prestuplenij, sovershaemyh na transporte // Trudy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Transport – 2015». Rostov-na-Donu: Rostovskij gos. un-t putej soobshcheniya, 2015. S.165–167.
17. Tashbaev V.A., SHEbzunov YU.A. Kolesnye mashiny na kombinirovannom hodu // Vestnik Gorn'skogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. P.O. Suhogo. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kolesnye-mashiny-na-kombinirovannom-hodu> (data obrashcheniya: 15.02.2019).

Об авторах: Чиненов Евгений Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина

e-mail: chinenovevg@yandex.ru

Чернышёв Сергей Анатольевич, кандидат социологических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина

e-mail: sercher777@rambler.ru

© Чиненов Е.В., 2019.

© Чернышёв С.А., 2019.

Статья получена: 12.02.2019. Статья принята к публикации: 20.03.2019.

Статья опубликована онлайн: 25.03.2019.

About the authors: Chinenov Evgeny V., Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor, the Head of the Department of Criminalistics, the Belgorod Law Institute of MIA of Russia named after I.D. Putilin

e-mail: chinenovevg@yandex.ru

Chernyshev Sergey A., Candidate of Sociology, the Deputy Head of the Department of Criminalistics, the Belgorod Law Institute of MIA of Russia named after I.D. Putilin

e-mail: sercher777@rambler.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Заявленный вклад авторов

Чиненов Евгений Владимирович – предложена концепция передвижной криминалистической лаборатории на комбинированном ходу (автомобильная дорога / рельсовый путь) для решения задач органов внутренних дел на железнодорожном транспорте, определены условия ее эффективного использования, обусловленные спецификой функционирования объектов железнодорожного транспорта.

Чернышёв Сергей Анатольевич – определены возможные технические решения по созданию специального транспорта для повышения мобильности передвижения следственно-оперативной группы, в том числе путем переоборудования типовой передвижной криминалистической лаборатории в автомобильно-железнодорожное транспортное средство.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Принимаются оригинальные научные статьи на русском языке, соответствующие профилю Журнала и отражающие результаты теоретических и/или экспериментальных исследований авторов. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы.

2. Статья представляется в редакцию Журнала в электронном виде. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне). Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие указанным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.

3. Необходимо указать УДК (<http://www.udk-codes.net/>).

4. Заголовок статьи (на русском и английском языках) должен кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

5. Аннотация (на русском и английском языках) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации – 200–250 слов.

6. Ключевые слова (на русском и английском языках) являются поисковым образом научной статьи. Во всех библиографических базах данных возможен поиск статей по ключевым словам. В связи с этим, они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов – 5-10.

7. Основной текст статьи излагается на русском языке в определенной последовательности:

введение (Introduction);

обзор литературы (Literature Review);

материалы и методы (Materials and Methods);

результаты исследования (Results);

обсуждение и заключения (Discussion and Conclusions).

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

7.1. Введение содержит постановку научной проблемы, указание на ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Прежде всего указывается общая тема исследования. Затем необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы, описать наиболее авторитетные и доступные читателю публикации по рассматриваемой теме. Обозначаются проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья, и главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней.

7.2. Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

7.3. Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т.д.).

7.4. Результаты. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Цель данного раздела – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками).

Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

7.5. Обсуждение и заключения. Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования: в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы; необходимо сопоставить

полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

8. Список использованных источников. Библиографическое описание документов оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2009. При оформлении ссылок (в первую очередь, на оригинальные источники из научных журналов) следует указать фамилии авторов, журнал (электронный адрес), год издания, том (выпуск), номер, страницы, DOI или адрес доступа в сети Интернет.

9. Аффiliation авторов (на русском и английском языках) : Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, электронная почта.

10. Вклад соавторов (на русском и английском языках). В примечании разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Экземпляры журнала с опубликованными статьями можно получить путем подписки.

Опубликованные в Журнале статьи размещаются в полнотекстовом виде в электронной библиотеке Российского индекса научного цитирования, а также на сайте журнала (e-mail: vestnikkui.ru)

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрусталевой Ольгой Николаевной (тел.(843) 537-62-13, электронный адрес vestnikkui@mail.ru)

Главный редактор Ф.К. Зиннуров

Корректоры О.Н. Хрусталева, Е.В. Зотина, Е.О. Смирнова

Дизайн, верстка Е.А. Бикмуллина

Перевод Е.В. Зотина, Е.О. Смирнова

Редакционно-издательское отделение

420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Номер отпечатан в типографии КЮИ МВД России

420059, Казань, ул. Оренбургский тракт, 130

Подписано в печать 20.03.2019

Формат 60х84 1/8 Усл.печ.л. 13,02 Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Тираж 200 экз.

